

ИДЛОЛ

A musician with long hair, seen from behind, is playing a white electric guitar on a stage. The background is a vibrant, abstract composition of overlapping geometric shapes and colors, including shades of blue, green, yellow, and red, creating a dynamic and energetic atmosphere. The lighting is bright and focused on the musician, highlighting his form against the colorful backdrop.

Книжный червь Переводы книг
крисстен каллихен

Оригинальное название: Idol (VIP #1)

by Kristen Callihan 2016

Идол (VIP #1)

Кристен Каллихен 2017

Перевод: Алёна Мазур

Редактор: Наталья Губачёва

Корректор: Дарья Федюнина

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Пролог

МУЗЫКА МОЖЕТ СТАТЬ твоим другом, когда ты остался совсем один, любовником когда ты в этом нуждаешься. Твоим гневом, грустью, радостью или болью. Твоим гласом, когда кажется, что больше ни звука не в силах слететь с твоих уст. И быть частью подобного, стать саундтреком к чьей-то жизни. Это прекрасно.

— *Киллиан Джеймс, солист и гитарист группы «Килл-Джон»*

Прошлое — Киллиан

Зверь — импульсивное создание. В одно мгновение он может тебя любить, а в следующее — ненавидеть, и ты никогда не узнаешь заранее, с какой стороной столкнешься. Если он ненавидит тебя, то ничего нельзя с этим поделать. Лишь терпеть и надеяться, что ты выживешь и не будешь разодран на части до того, как сможешь сбежать в укромное место. Но когда он тебя любит?

Черт, это самое лучшее чувство на земле. Ты жаждешь времени со Зверем. Живешь ради новой встречи. Это становится твоей жизнью. Твоей целью. Всем твоим миром. И, так как теперь ты стал зависим от него, то начинаешь понемногу ненавидеть.

Любовь. Ненависть. Никаких передышек. Нет чего-то среднего. Лишь взлеты и падения.

Сейчас он прямо за дверью, ждет меня. Его рычание постепенно нарастает. Я чувствую это до мозга костей — электрические заряды вспыхивают в воздухе, и земля дрожит под ногами.

Мое сердце начинает учащенно стучать, а адреналин наполняет кровь.

— Готов станцевать с дьяволом? — спрашивает Уип, ни к кому конкретно не обращаясь. Он выпивает до дна бутылку воды, свободной рукой выстукивая волнообразный ритм на своем колене.

Дьявол, Зверь, Господин — у всех нас есть свое название для этого. Но это неважно. Он владеет нами, и на какое-то время мы владеем им.

Рев становится громче, следуя за «бабах», «бах», «бабах». Мое имя. Он зовет меня.

Киллиан. Киллиан.

Тяжело дыша, я встаю. Мурашки пробегают по коже, а яйца напрягаются.

Я готов ответить на зов, и волны звука с примесью чистой энергии ударяют в мое тело, когда я выхожу под лучи света.

Жарко и ослепляюще.

Зверь орет. Для меня.

И именно я его контролирую. Поднимая руки вверх, подхожу к микрофону.

— Привет, Нью-Йорк!

В ответ — оглушительный крик. Я покачиваюсь на пятках.

Гитара ложится мне в руку, гладкий гриф дарит знакомый комфорт и выброс адреналина. Я перекидываю ремень через голову. Уип садится за барабаны, выбивая пульсирующий ритм, и мое тело движется ему в такт. Джакс и Рей присоединяются — их фигуры движутся в этой замысловатой картине. Гармония. Поэзия звука. Крик неповиновения.

Я начинаю играть, и мой голос становится громче. Музыка бежит по моим венам. Течет через меня, как лава, разжигая воздух, порождая буйство страстного крика.

Власть. Так много власти. Зверь отвечает, он так сильно любит это, что мой член становится твердым, как камень, а волосы на затылке встают дыбом. Всё, что во мне есть, я вкладываю в свой голос и игру.

И в этот миг я — бог. Всемогущий. Бесконечный.

Ничто — *ничто* — на Земле не дарит такой заряд энергии, как это. Ничто несравнимо с этим. Это жизнь.

Но дело не в жизни. Всё может измениться в мгновение ока.

Всё кроется в одном миге.

Ради этого

Всё...

Закончится.

Будущее — Либби

— Было немало написано о вашей причастности к Киллиану Джеймсу. Но вы и Джеймс предпочитали помалкивать на данную тему, — репортер обнадеживающе улыбается мне, ее синие волосы ниспадают на один глаз. — Учитывая события прошлой ночи, не хотите ли вы хоть немного просветить нас?

Свернувшись на отельном кожаном кресле с элементами хрома и повернувшись спиной к виду на Нью-Йорк, я почти улыбаюсь в ответ на данный вопрос, который слышала уже тысячу раз.

Но срабатывают полученные навыки. Улыбка сказала бы им, что я согласна или до ужаса застенчива. Мне не хочется «немного просвещать их», и несмотря на то, что болтают критики, мы с Киллианом никогда не были застенчивыми. Просто не хотели вплетать общественность во всё это. Киллиан был моим, не их.

— Осталось немного из того, что мир и так уже не знает, — ложь, но достаточно правдоподобная.

Улыбка репортера искажается, словно у барракуды, которая почуяла кровь в воде.

— О, теперь я не так в этом уверена. После всего, что мы не знаем в вашей части истории.

Я не поддаюсь искушению поправить манжету белой кашемировой туники. Боже, свитер — да даже мое белье — стоят больше, чем я зарабатывала за год. До того, как *он* вошел в мою жизнь.

Я поворачиваю голову и мельком смотрю на бутылки воды в серебристом ведре со

льдом: темно-зеленая, еще одна — золотая, и последняя — блестящая с кристаллами. Чуть ранее ассистентка с гордостью заявила, что зеленая предположительно привезена из Японии и стоит более четырехсот долларов за штуку. За воду.

И вдруг мне хочется рассмеяться. Над безумием моей жизни. Над тем, что сменила воду из-под крана на дизайнерскую. Над тем фактом, что этот пентхаус — моя новая норма.

И потом я хочу заплакать. Потому что ничего этого не было бы без него. И ни один кусочек моей гребанной жизни не имеет значения без него.

Пустота угрожает накрыть меня с головой. Прямо сейчас я так одинока, что каждая часть моего естества хочет схватить эту женщину за руку и просто ощутить контакт с другим человеком.

Мне нужно поговорить. Нужно, чтобы меня услышали. Всего раз. И, возможно, лишь возможно, я не почувствую, как разваливаюсь на куски еще больше.

Делая вдох, я снова обращаю взгляд к репортеру.

— Что вы хотите знать?

Глава 1

Настоящее — Либерти

У меня на лужайке валяется какой-то босяк. Возможно, мне следует использовать термин получше, что-то более корректное. Бездомный человек? Бродяга? Не-а, пойдет и босяк, так как сомневаюсь, что этот парень бездомный, или у него проблемы с деньгами. Его текущее состояние кажется скорее результатом выбора, чем сложившихся обстоятельств.

Большой и хромированный Харлей черного цвета, разбитый о мой бедный забор, является доказательством той самой состоятельности. Ублюдок отправил мою лужайку в ад, оставив след по всему своему пути. Но это не вина мотоцикла.

Я смотрю на босяка. Хотя он не замечает.

Парень развалился на спине, раскинув руки и, очевидно, отключившись. Я могла бы задаться вопросом, а не умер ли он, но его грудь вздымается и опадает в ровном ритме, как во время глубокого сна. Быть может, мне стоило бы волноваться о его здоровье, но я видела такое раньше. Слишком много раз.

Боже, как же от него воняет. Причина этой вони очевидна. Пот покрывает его кожу. А черная футболка запачкана рвотой.

Мои губы кривятся от отвращения, и приходится быстро сглотнуть, чтобы сдержать рвотные позывы. Путаница длинных темно-каштановых волос закрывает его лицо, но, думаю, он молод. Его тело крупное, но худощавое, а кожа на руках гладкая и упругая. Отчего вся эта картина еще более удручает. Он проводит золотые годы жизни, валяясь пьяным. Миленько.

Я обхожу вокруг него, бормоча что-то о пьяных мудаках за рулем, и затем возвращаюсь со шлангом в руке и четко определенной целью. Вода с напором поражает мишень, шипя и брызгая в стороны.

Босяк вздрагивает и поднимается, плюясь и вертясь в разные стороны в поисках источника своих мучений. Но я не унимаюсь. Мне хочется, чтобы он убрался восвояси.

— Убирайся с моей лужайки, — и потому как парень настолько грязный, я нацеливаю шланг ниже, обливая его штаны и промежность.

— Ебаная жопа! — у него глубокий, такой чувственный голос. — Ты на хуй прекратишь это?

— Ага... но нет. Ты воняешь как дерьмо. И я искренне надеюсь, что ты, чувак, не обгадил себя на самом деле, потому что это означало бы, что ты пал реально до очень низкой отметки.

Я перемещаю струю от его тела к голове. Длинные темные волосы разлетаются в разных направлениях, когда он снова разворачивается.

И затем парень рычит. Звук звенит у меня в ушах, и по-настоящему должен бы вселить в меня страх господень. Но босяк слишком слаб даже для того, чтобы стоять на своих двух. Одно накачанное предплечье поднимается вверх, чтобы убрать мокрые волосы с его лица.

Я мельком замечаю темные глаза, пылающие смущением и яростью. Время закругляться. Выключая кран, я опускаю свое оружие.

— Как я уже сказала, убирайся с моей лужайки.

Его челюсть дрожит.

— Ты, к чертям, слетела с катушек?

— Это не я, покрытая блевотиной валяюсь на чужой частной собственности.

Мой заезжий босяк осматривается, словно только что осознал, что находится на планете Земля. Однако он не разглядывает самого себя. Не смотрит на одежду, прилипшую к телу от влаги, так как, вероятно, отлично знает, в каком она состоянии.

— Вот тебе совет, — говорю я, бросая шланг на землю. — Не будь таким клише.

Это вводит его в транс, и парень моргает, глядя на меня, пока вода ручейками стекает по его щекам и густой бороде.

— Ты не знаешь меня настолько хорошо, чтобы навешивать ярлыки.

Я фыркаю.

— Ты буквально рухнул от опьянения, разбил свой мотоцикл. Если честно, я сомневаюсь, что ты постоянно на нем ездил, скорее только по выходным. У тебя чересчур длинные волосы, борода, которая не видела бритвы уже несколько недель — опять же потому, что, вероятно, ты хочешь, чтобы мир уверовал в твою ипостась плохого мальчика, — я смотрю на его руки. Сильные, крепкие мышцы. — Единственное, чего не вижу, это татуировок, но, возможно, ты набил на заднице слово «мамочка».

Возмущенный звук срывается с его губ. Это можно было бы посчитать за смешок, если бы не столько вложенного гнева.

— Кто *ты* такая?

Впечатляет то, сколько презрения можно вместить в один вопрос. Особенно учитывая то, в каком состоянии я его нашла. Очевидно, что человечность не знакома этому парню. К сожалению, в отличие от его запахов.

— Человек, на чьей земле ты облажался. Я бы шлепнула тебя по лицу соответствующим документом, но не хочу подходить так близко к этой вони, — вытирая мокрые руки о джинсы, я бросаю на него последний взгляд. — А теперь проваливай до того, как я вызову копов.

Было бы смело сказать, что сейчас я на взводе. Я почти пробегаю весь долгий путь к дому, вместо того, чтобы уйти тихо и с достоинством, как и планировала. Но заданный темп так приятен. Я вела себя очень тихо последние несколько месяцев. Так сдерживалась.

Поэтому, возможно, мне стоит поблагодарить мистера Высокомерная Пьянь за эту разрядку.

Однако моя благодарность не распространяется на то, что он следует за мной. Что он, по сути, и делает. Боковым зрением я вижу, как парень поднимается. Его шатает, а затем ему всё же удается выпрямиться и стянуть через голову футболку, прежде чем бросить ее на землю.

Стриптиз! Отлично.

Я ускорюсь, проклиная тот факт, что подъездная дорожка к дому такая длинная, по крайней мере, шестьдесят метров от забора до входной двери.

Еще одно движение, и его ботинок летит на мой газон. Я оглядываюсь, немного беспокоясь. И затем в дело идут его штаны. После чего почти двухметровый пьяный, злой и голый мужчина начинает меня преследовать. И у него есть тату, как я и предполагала. Или скорее одна большая татуировка в виде устремляющихся вниз, пересекающихся линий, которые покрывают его левую руку и туловище.

Я сосредотачиваюсь на этом, вместо длинного члена, что болтается у парня между ног, раскачиваясь, будто маятник, от каждого его шага в мою сторону.

Оглядываюсь через плечо.

— Двинешься еще на шаг дальше по моей подъездной дорожке, и я выстрелю в тебя.

— Для этого у тебя должно быть ружье, Элли Мэй, — бросает он в ответ. — К слову о клише. Тебе нужен лишь комбинезон и кучка соломы, чтобы можно было жевать.

Не могу сдержаться и разворачиваюсь.

— Ты только что назвал меня деревенщиной?

Он тоже замирает на месте. Опустив руки к бедрам и совершенно не прикрывая свою наготу, босяк стоит посреди моей лужайки, глядя на меня так, словно владеет миром.

— Скажешь, что нет, Тортик Гекльбери?

Жар заливает мою кожу. Шагаю прямо к нему — ну, не очень близко — я всё еще побаиваюсь воню. Но достаточно близко, чтобы признать, что парень хорош собой. Если отбросить всю мишуру, налитые кровью темные глаза, другую похмельную хрень и то, что он туповат, то эти длинные ресницы и черты лица заставили бы обзавидоваться любую девушку. Отчего лично я становлюсь еще злее.

— Послушай, чувак, преследование женщины голышом можно расценить как акт сексуального устрашения.

Он фыркает.

— Это многое говорит о твоей сексуальной жизни, Элли Мэй. Но не волнуйся. Даже если бы я не был заинтересован в тебе, во мне нехилая порция виски, которая заставит член поработать, так что ничего не мешает нам прямо сейчас.

— Многое мешает, ясно? — я морщусь нос, отказываясь опускать взгляд ниже. — И ты говоришь о *моих* сексуальных недостатках.

Вина мелькает в его глазах, и, могу поклясться, он хочет засмеяться. Но вместо этого усмехается, изгибая губы от раздражения.

— Дай мне часик и немного кофе, и затем можем поговорить обо всем, о чем захочешь.

— А дальше ты попросишь еще и завтрак.

Его лицо озаряет наглая улыбка.

— Ну, раз уж ты об этом упомянула...

— Знаешь, что раздражает меня сильнее всего? — выкрикиваю я.

Его густые темные брови сходятся на переносице, словно парень смущен.

— Что?

Он произносит это не как ответ на вопрос, а так, словно не расслышал меня. Но я всё равно отвечаю.

— Ты мог поранить кого-то еще. Мог ранить меня или какую-то бедную душу по дороге сюда, и всё из-за вождения в пьяном виде, — печаль запускает свои пальцы в мое сердце. — Ты мог разрушить жизни, оставить людей собирать себя по кускам.

Он бледнеет, и эти нелепые ресницы опускаются на его щеки, когда парень моргает.

— Ты хотел себя убить? — выкрикиваю я. — Сделай это каким-то другим способом...

Мой голос стихает, когда рычание покидает его уста, и босяк, в чем мать родила, скалится на меня. Он делает уверенный шаг в моем направлении, словно и правда собирается подойти, но затем останавливает себя.

— Не смей... Ты даже не имеешь понятия, что я... — его лицо становится серым, когда парень опускает взгляд на меня с высоты своего роста.

Мы смотрим друг на друга, пока он просто стоит, покачиваясь на одном месте, такой слабый и дрожащий, его ярость бурлит на поверхности, переполняя взгляд.

Это полная боли ярость ловит меня в западню, отвлекает от предупреждающих сигналов.

— Ты не знаешь... — он судорожно сглатывает.

И только тогда до меня доходит, что я попала. Я отпрыгиваю назад, но уже слишком поздно. Мой заезжий босяк наклоняется вперед и валится. Всем весом прямо на меня.

Шок сковывает меня в этот мучительный момент. А затем запах вони снова поражает ноздри. Я заставляю себя поднять взгляд и встретиться лицом к лицу со своим мучителем. Тысячи проклятий проносятся у меня в голове, но только одно предложение вырывается через стиснутые зубы.

— Я тебя ненавижу.

Киллиан

Обычно, когда женщина говорит тебе, что ненавидит тебя, при этом глядя холодным смертоносным взглядом, в дальнейшем она постарается избежать всевозможных контактов.

Но не Элли Мэй. Она и ее адский шланг с водой.

Ладно, я просто наговариваю на нее, так как, возможно, у нее есть причина меня ненавидеть. Очень весомая причина.

Но я не извинялся ни перед кем уже несколько лет. И хоть тоненький голосок в голове и говорит, что настало время это сделать, виски всё еще плещется в моей голове, заглушая этот тихий совет. Черт, всё во мне и вокруг сейчас плещется — земля, мой разум, кровь. В ушах звенит.

И я иду ко дну. Знаю это. С удивлением осознаю, что моя мучительница делает шаг вперед, а не назад, и ее руки обнимают меня. Поддерживают.

Удачи тебе с этим, сладенькая.

Я слышу ее проклятья, ощущаю, как пружинят ее колени под моим весом. И вместе мы падаем. Думаю, я смеюсь. Но не уверен. Всё выцветает. Особенно то, чего я хочу.

Мир — размытое пятно. Вода льется на мое лицо. Снова. Ебаный в рот, это раздражает.

Отворачиваясь, я стараюсь вытереть лицо, но руки не работают, как следует. Всё тело кажется резиновым и тяжелым.

— Прекрати бить меня, ты реальная заноза в моей заднице, — рычит девушка.

Элли Мэй. И неважно, что ее голос похож на вкус ванильного мороженого, она — настоящий дьявол. Водный дьявол. Возможно, в аду нет пламени. Быть может, там тебя вечно топят.

— Ты не утонешь, — говорит она, снова направляя на меня струю.

Я брызгаюсь и плююсь водой, которая на вкус напоминает рвоту и виски. Ни хрена не видно за этим нескончаемым потоком.

— Да что с тобой и этой водой? — мне удастся сказать до того, как меня еще один раз накрывает волной.

— У нее есть магическая способность смывать грязь, — говорит она, пока трет рукой мою грудь. Не нежно, а с силой, словно пытается содрать с меня кожу. Мыльные пузырьки. Они пахнут грейпфрутом и ванилью. Женским мылом.

— Да, это мыло. Вода и мыло очищают, — продолжает она, словно я младенец. — Знаю. Безумие, верно?

Сарказм. Я специализируюсь на нем. Когда не настолько пьян, и мои глаза не отказываются открываться.

Безжалостные руки перемещаются к моей голове. Пальцы зарываются в волосы.

— Иисусе, когда ты в последний раз расчесывал эту копну?

— После рождения. А теперь отвали. И позволь мне встать.

— У тебя в волосах застряла блевотина. Я просто вымою ее.

Что ж, я позволяю ей помыть меня, пока болтая и болтая, она издевается надо мной. Элли Мэй ни на грамм не нежна. Но это неважно. Я бы всё равно не смог вынести нежности.

Меня вытирают и кутают. Поблизости всё идет кругом. Колышется, качается, крутится. Что бы я ни делал, пытаюсь отбросить это чувство, мои уши всё еще наполняет ритм жизни.

— Я не слышу ничего, кроме твоего бормотания, — говорит она, и ее лицо размывается надо мной.

Меня кладут на что-то мягкое. Прохладные простыни. Тяжелые одеяла.

Она перекачивает меня на бок, подсовывая подушки под спину.

— Обблюешься снова, и ты сам за себя, чувак.

Я всегда сам за себя, сладенькая.

Глава 2

Киллиан

Подушка у меня под головой... охренительно волшебная. Ну, то есть, правда. Словно пушистое облачко или что-то в этом роде. И это странно. Почему у меня встает на подушку?

Эта чудаковатая мысль будит меня настолько, что открываю глаза. Солнечный свет обжигает, и я моргаю, шурясь в течение секунды. Комната вся белая. Побеленные стены из деревянных панелей, белые простыни, белые шторы, развевающиеся от ветерка из открытого окна.

Я прижимаю лицо к прохладной подушке, по ощущениям похожей на облачко, и вдыхаю. Топорик боли рубит по моей голове. У меня во рту сожгли тосты.

На тумбочке стоит высокий стакан с каким-то красным напитком. В нем плавает свежий лед, и стекло покрыто конденсатом, словно его только что принесли. Рядом лежат четыре синие таблетки и записка:

«Для неприлично тупого».

Несмотря на то, что мой желудок сжимается, я фыркаю. Воспоминания о хозяйке дома с острым языком и грубыми руками проносятся перед глазами. Я игнорирую их, потому что мне очень не хочется помнить свои достижения по пьяни, и хватаю стакан.

Напиток по запаху похож на Кровавую Мэри, но с нотками специй и цитрусовых. Я не хочу его пробовать, но топор в голове проникает всё глубже, и меня мучает сучья жажда.

С трудом выпиваю содержимое стакана, несколько раз давясь, отчего таблетки почти застревают у меня в горле. Смесь газированная, и это для меня сюрприз. Думаю, это всё же Кровавая Мэри с имбирной содой и лимонами. Но, черт, возможно, так она замаскировала мышьяк. Когда я заканчиваю, то даже начинаю наслаждаться вкусом и чувствую себя немножко живым.

Снова ложусь на кровать-облако, пахнущую соленым морским воздухом, и слушаю мелодию ветра, пока стучащие кастрюли и хлопающие дверцы шкафчиков не привлекают к себе мое внимание.

Элли Мэй.

Если ее и правда зовут Элли Мэй, я буду до усрачки смеяться. Но Элли Мэй звучит сексуальнее, чем цыпочка с сеновала. Тот тип девиц, что подождет, пока вы допьете молоко, и только затем предложит вам кусок пирога. Моя Элли Мэй не такая.

Вчерашний день, конечно, размылся у меня в голове, но я четко ее помню. Недовольное выражение лица. Грязный рот, извергающий всякие мерзости.

Я слышу это снова — приглушенное «блядь» и еще один хлопок дверью.

Фыркая, сажусь и делаю несколько вдохов, пока комната идет кругом. Я полностью голый, и это вызывает у меня улыбку. Мой самый незабываемый душ был принят, пока я был почти что в отключке.

Уходит вечность на то, чтобы встать, и еще больше времени, чтобы добраться до своей одежды. Я нахожу ее, аккуратно сложенную на стуле и пахнущую Тайдом. Моя бабуля использовала Тайд. Натягиваю одежду и направляюсь к двери.

По-видимому, я спал в дальней комнате старого фермерского дома. Не помню, как он выглядит снаружи, но внутри пространство оформлено в сельском стиле — деревянный пол и потертая мебель.

Здесь мило, и есть потрепанная акустическая система Martin рядом с занимающим почти всю стену стеллажом со старыми пластинками. Должно быть, у нее есть пару тысяч записей. Если не брать в счет знакомых диджеев, то я не встречал никого, кто владел бы подобной виниловой коллекцией. Из-за этого в комнате стоит затхлый запах.

Что ж, я имею дело с любителем гитарной музыки. Прошу, Боже, пусть эта цыпочка не окажется своего рода психопаткой Энни Вилкс. Но тут я вспоминаю то, как она смотрела на меня прошлой ночью. Сомневаюсь, что она моя фанатка.

Я иду на звук шумихи и нахожу девушку на кухне, большой квадратной комнате с классическим фермерским столом, за которым могут сесть порядка дюжины человек.

Она игнорирует меня, когда я сажусь за стол, двигаясь медленно и болезненно. В жопу это дерьмо. Я не стану больше так много пить. Никогда. Снова.

Я молча наблюдаю за тем, как девушка помешивает что-то в кастрюле на плите так,

словно пытается подчинить себе то, что она там варит. Хозяйка дома, безусловно, не из ряда сексуальных деревенщин. Она не похожа на цыпочек по типу Дэйзи Дьюк. Ее округлая попа скрыта под потертыми джинсами с дырами на коленях, на ноги обуты черные тяжелые ботинки, отлично подходящие к моему байку. Байку, который, уверен, я завернул в ее забор, как подарок на Рождество. Не помню, как врезался, и на мне нет ни царапины. Воля мироздания — странная штука. Я не знаю, почему из всех людей на Земле Вселенная привела меня к ней.

Хозяйка дома выключает плиту и поворачивается ко мне в профиль. Длинные прямые волосы цвета мокрого песка, серые глаза и овал лица, которому должны быть присущи плавные черты, но почему-то они кажутся резкими и угловатыми: Типичная Элли Мэй. Пока не открывает свой рот.

И не начинает извергать длинный поток красноречивых ругательств.

Прошло много лет с тех пор, как меня ругала женщина, еще и так долго. Обливание холодной водой из шланга шокировало вчера, но ее грязные словечки буквально добились.

Ага, она умеет высказаться. Хотя сегодня, видимо, решила не пользоваться своим ртом. И это меня немного тревожит.

— Привет, — мой голос звучит как треснувшее стекло. — Я, гм, спасибо за... ах... — я сглатываю. — Ладно, спасибо.

А люди еще называют меня поэтом.

Она фыркает, словно думает о том же. Я молча жду, пока девушка полностью повернется ко мне лицом.

И когда она поворачивается, то выражение ее лица искажает отвращение.

— Ты выпил то, что я тебе оставила?

— Да, мэм, — я салютую, сдерживая усмешку.

Но девушка просто смотрит на меня, а затем хватается миску и наполняет ее. Ее ботинки стучат об пол, когда она подходит и ставит ее передо мной. Сгусток комковатого белого вещества смотрит на меня из миски.

— Это каша, — говорит она до того, как я могу сказать хоть слово. — И я не хочу слушать ни капли твоей ерунды, просто ешь.

— Ты всегда такая жизнерадостная? — спрашиваю я, забирая ложку, которую она сует мне в лицо.

— С тобой? Да, — она берет свою собственную миску и садится подальше от меня.

— И хоть мала была, жестокость в ней царила, — несмотря на сочную задницу, Элли Мэй ростом не больше метра шестидесяти, и ее телосложение очень хрупкое.

Ее сердитый взгляд достигает своего эпического масштаба.

— Ты только что процитировал Шекспира?

— Увидел эту фразу на тату, — лгу я, потому что так весело ее дразнить. — Там, кажется, было еще что-то до этого, — я чешу подбородок, заросший бородой. — Что-то типа... «Когда она сердита, то остра!»

— Никогда не видела эту фразу в роли татуировки, — бормочет она, с сомнением глядя на меня, а затем принимается есть свою кашу.

Я ласково и невинно смотрю в ответ, а потом мы молча едим. Каша хороша на вкус. Однако консистенция немного вызывает у меня тошноту.

— Напиток был очень даже к месту, — говорю, чтобы нарушить тишину. Раньше мне казалось, что я люблю молчание. Оказывается, на хрен его ненавижу.

— Старый рецепт моего папы от похмелья.

Звенит таймер, и она встает. Затем до меня доносится запах печенья, и рот наполняется слюной. Как голодная собака, я слежу за ее движениями, пока девушка достает противень из духовки и выкладывает золотистые холмики на тарелку.

Как только она ставит тарелку на стол, я беру одно печенье, мои пальцы обжигает его жар, а язык болит. Но это неважно. Они слишком вкусные. Просто рай.

Девушка наблюдает за мной, кривя губы так, словно не может определиться между улыбкой и хмурым выражением лица. А у нее красивые губы, должен признать это. Крайне сексуальные губы, я бы сказал. Тот тип, что, даже несмотря на свой небольшой размер, буквально создан для поцелуев.

— Хочешь масла к печенью? — спрашивает она.

— А это настоящий вопрос? — выдаю я, перед тем как откусить еще кусочек.

Она встает, хватая кружку, как выясняется, с медовым маслом — черт, такая вкуснятина — и наливает нам две чашки кофе, добавляя сливки в обе и даже не спрашивая, нравится ли мне такой кофе. Обычно я пью черный с сахаром, но прямо сейчас не готов жаловаться на это дерьмо. Не в тот момент, когда она может в ответ отнять у меня печенье.

Так что просто съедаю еще один кусочек райского удовольствия.

— Как тебя зовут?

Не могу же я продолжать называть ее Элли Мэй. И опять же, это в прошлом, так что не имеет значения. Но мне хочется просто знать ответ. Сварлива девушка или нет, она позаботилась обо мне, в то время как на ее месте я вызвал бы копов.

Девушка ставит кружку на стол и смотрит мне в глаза.

— Либерти Белл (*прим. пер.* — дословно переводится как «колокол свободы» — символ независимости в США).

Я задумался бы, не издевается ли она надо мной, но воинствующее выражение на ее лице говорит, что ответ до чертиков серьезен.

— Это... очень патриотично.

Она фыркает и отпивает кофе.

— Это нелепо. Но моим родителям нравилось, а я любила их, так что... — она пожимает плечами.

Любила. В прошедшем времени.

— Значит, ты одна? — я вздрагиваю, как только слова слетают с уст, потому что она напрягается, а ее нежно-серые глаза снова становятся серьезными.

Либерти отталкивается от стола.

— Я отбуксировала твой мотоцикл сегодня утром. Подвезу тебя в город, чтобы ты мог разобраться с механиком.

Я тоже встаю, достаточно быстро, чтобы земля пошатнулась под ногами.

— Эй, постой, — когда она останавливается, чтобы взглянуть на меня, я молчу. Впервые мне нечего сказать. Провожу рукой по запутанным длинным волосам и вспоминаю, что она помыла их. — Ты не хочешь знать, как меня зовут?

Черт, последнее, чего я хочу — назвать ей свое имя. Но так раздражает то, что девушка спешит вытолкнуть меня за дверь. И, черт, я даже не представляю, почему меня это волнует.

Она смотрит на меня, медленно разглядывая, отчего моя кожа зудит. Это не сексуальный взгляд. Скорее осуждающий. И мне явно не хватает удачи. Еще один первый раз.

Ее волосы качаются, переливаясь на солнце, когда девушка качает головой.

— Нет. Не хочу.

И затем она оставляет меня с чашкой остывшего кофе и тарелкой печенья.

Либерти

Я была одна слишком долго. Теперь не знаю, как вести себя рядом с людьми. Особенно рядом с этим парнем. Вчера он вел себя отвратительно. Был пьян настолько, что не мог контролировать свое тело. Мне следовало оставить его на своем крыльце, вызвать полицию и помыться, пока они увозили бы его задницу куда подальше.

Но я не могла. Не в то время, когда он так пьян. В этом было что-то еще. Не представляю, в чем проблема этого парня. Я только знаю, что, задумавшись о решении вопроса, просто не могла оставить его.

Так я втащила босяка в свою ванную и помыла. В этом не было ничего сексуального. От него ужасно воняло, и парень был в кашку пьян, поэтому мне оставалось только постараться не свернуть его толстую шею за проявленное безрассудство.

Промолчу о том, как я злилась, что должна была уступить свою кровать этому идиоту. Мне бы ни за что не удалось дотащить его вверх по лестнице до гостевой комнаты.

Но теперь, при свете дня, я теряюсь, когда дело касается моего пьяного босяка. Его присутствие в доме крайне ощутимо. Как будто даже комната не может вместить его.

Харизма. Моя мама обычно говорила, что ей *наделены* лишь избранные. До сегодняшнего дня я никогда не понимала, что она имела в виду. Потому что, даже несмотря на его несвязную речь и очевидное похмелье, этот парень буквально вибрирует жизненной силой. Она пронизывает воздух, словно духи, впитываясь в мою кожу и вызывая желание потереть предплечья лишь для того, чтобы лучше прочувствовать это ощущение, словно, находясь рядом с ним, я тоже становлюсь кем-то особенным.

В этом нет смысла. Но, опять же, у жизни для меня редко находится смысл.

И сейчас, когда парень уже не в жопу пьяный и грязный, я вижу его красоту. Его тело высокое и крепкое, немного угловатое, но сильное, благодаря жилистым мышцам и отточенным движениям. Его волосы всё еще спутаны и спадают на плечи, они — цвета насыщенного черного кофе. Густая неопрятная борода покрывает большую часть его лица, что... если честно, раздражает. Потому что она слишком много скрывает.

Но то, что мне видно, говорит о его красоте. У него дерзкий нос с горбинкой возле переносицы, словно парень однажды его сломал, но в целом форма ему идет. Выразительные скулы и подбородок, мужественно выглядящий под всей этой растительностью.

Однако красивее всего его глаза. Под сенью черных бровей они сияют подобно обсидиану.

Вот как один человек может настолько сильно влиять на вас? Чуть ранее эти глаза следили за каждым моим движением на кухне. Нервировали меня.

Я дала ему еды лишь для того, чтобы заставить парня отвести от меня взгляд. Однако он так и продолжал на меня смотреть. Даже когда набросился на печенье, словно не ел годами. Хотя его взгляд не носил сексуального характера, скорее он рассматривал меня, словно какой-то хаос, в который его случайно втянуло. От иронии хочется рассмеяться.

Прямо сейчас я жажду одного — убраться от него подальше. Разговор о моих родителях

напоминает, почему мне следует ненавидеть его — этого незнакомца, что садится пьяным за руль, рискуя не только своей жизнью, но и жизнью каждого, кто делит с ним дорогу. Моя жизнь никогда не станет прежней из-за такого же пьяного водителя, и уважения у меня к таким людям очень уж мало. Даже если они цитируют Шекспира, дерзко и мило улыбаясь.

Не оглядываясь, я беру ключи. Он не отстает, громко стуча ботинками по полу за моей спиной, и этот звук эхом отдается в коридоре. В руках у парня еще одно печенье, и он всё еще жует предыдущее. Я отказываюсь видеть в этой ситуации хоть что-то милое.

— Ты правда не хочешь знать мое имя? — спрашивает он.

Я хватаю солнечные очки.

— Почему это беспокоит тебя? Не думаю, что мы когда-то снова увидимся.

Он сильнее хмурится.

— Ну, хотя бы из вежливости.

— После того душа, думаю, мы прошли основы этикета.

Странно, но в ответ на это парень улыбается, и когда он это делает... Ох, парень. Это подобно пробивающемуся сквозь тучи солнцу, такому яркому и приносящему радость. Меня прямо-таки ослепляет его улыбка, поэтому решаю отвернуться.

— Теперь посмотри на это с моей точки зрения, — он указывает на меня печеньем, а затем откусывает от него добрую часть. — Ты видела меня голым...

— Не говори с полным ртом. Это отвратительно.

Он продолжает жевать.

— Ты мыла мой член...

— Эй, я даже близко не подходила к твоим причандалам, чувак.

Суя в рот печенье, он снова усмехается.

— А по-моему, ты мыла мне член. И мои волосы. А ты не можешь помыть мужчине голову и не знать его имени. Это очень плохой фетиш.

— Фетиш? — я пытаюсь не засмеяться, пока направляюсь к двери. — Ты всё еще пьян.

— Чист как стеклышко, Либби, — он прямо за мной, следует по стопам. — А теперь спроси мое имя.

Я останавливаюсь и разворачиваюсь так, что мой нос встречается с центром его груди. От этого прикосновения через мое тело прокатывается волна вибрации. Я делаю шаг назад и откидываю голову.

Он одаривает меня самодовольным, абсолютно злобным взглядом. Но его голос скорее тихий, сладостный и упрашивающий.

— Давай же, спроси.

Боже, этот голос. Я пыталась игнорировать его, потому что такой голос может утянуть в пучины ада, заставить потерять ход мыслей. Низкий, глубокий и властный. Парень говорит, и это звучит словно музыка для ушей.

Он смотрит прямо на меня, ожидая. И от этого взгляда мое сердце замедляет ход. Я не стояла так близко к мужчине уже очень долгое время.

Сглатывая, пытаюсь заставить свои голосовые связки работать.

— Тогда ладно, скажи мне.

Но он молчит. Замирает, словно его поймали в ловушку, словно вдруг решил поосторожничать.

— Ты издеваешься надо мной, верно? — я смеюсь, не то что бы это смешно. — Ты до умопомрачения умолял меня спросить твое имя, а теперь решил поиграть в

Румпельштильцхена?

Он моргает, будто пытается выйти из транса, и затем смотрит на меня.

— Не волнуйся, твой первенец в безопасности, — он набирает в легкие воздух и протягивает руку. — Киллиан.

Я гляжу на его ладонь. Большую, широкую, с загрубелым основанием и кончиками пальцев. Наверное, парень — музыкант. Вероятно, гитарист. Я провожу большим пальцем по собственным огрубелым кончикам. Он снова ждет, хмуря брови, словно я оскорбила его, не приняв рукопожатие.

Так что я протягиваю свою ладонь. Его рука теплая и сильная. Он так крепко сжимает мою руку, что может сломать кости, хотя не думаю, что парень осознает вложенную в пожатие силу. Определенно, он музыкант.

— Имел удовольствие познакомиться, Либерти Белл, — его улыбка милая и почти мальчишеская под этой густой бородой. Раньше я думала, что ему за тридцать. Но сейчас мне кажется, что парень приблизительно моего возраста, то есть в районе двадцати семи — двадцати девяти лет.

Я отпускаю его руку.

— Я бы не назвала наше знакомство приносящим удовольствие.

— О, теперь ты должна признать, что у меня есть великая цель, — он толкает меня, и я закатываю глаза.

— Давай больше никогда не говорить об этом снова.

— Не говорить о чем? — тон Киллиана легкомысленный, пока он выходит следом за мной из дома.

Я направляюсь к своему грузовику, но он останавливает меня, прикасаясь к моему локтю. Его взгляд сосредоточен на доме миссис Кромли, что через дорогу. Миссис Кромли умерла шесть месяцев назад, и ее племянник Джордж унаследовал это место. Я не видела его давно, но знаю, что ему сорок с чем-то лет, есть жена и дети. Сомневаюсь, что они переедут сюда — дом буквально стоит на краю Вселенной, и на нашем маленьком острове — кусочке Аутер Бэнкса — даже нет своей школы.

Но что странно, перед домом припаркована машина с логотипом магазина Ала, а на крыльце — две большие коробки. Киллиан оглядывается, рассматривая рулонную траву, которая пожелтела осенью, высокий холм и тонкую полоску серебристо-голубого цвета там, где Атлантический океан переходит в берег.

Он чешет челюсть так, словно та зудит.

— Тот дом. Ты не знаешь, это дом Джорджа Кромли?

Мой желудок ухает вниз.

— Ага, — произношу медленно.

Киллиан кивает и встречается со мной взглядом. Его улыбка, как всегда, медленно и самодовольно расплывается по лицу.

— Тогда, думаю, мне всё-таки не нужно ехать в город, соседка.

Глава 3

Киллиан

Я назвал ей свое имя, и она меня не узнала. Прошло столько времени с тех пор, как кто-

то моего возраста смотрел на меня так, словно я абсолютный незнакомец, и сейчас это почему-то странно волнует. Возникает вопрос, а не облапошили ли меня? Я со всех сторон был окружен фанатами и людьми, которые с радостью целовали мой зад, пытаясь получить от меня желаемое. А теперь, когда моя дорожка пересеклась с этой девушкой, очевидно хотевшей, чтобы я просто свалил на хрен? Я злюсь.

Фыркая, делаю поток обжигающего кофе и откидываюсь на спинку старомодного кресла-качалки. С места на моем крыльце отлично видно дом Либерти. Он двухэтажный, обшитый белой вагонкой. Тот тип, что вы видите на живописи Эдварда Хоппера. Проезжая мимо такого, вы бы подумали, что какая-то старушка внутри как раз раскатывает тесто на пирог. Спорю, что Либерти тоже готовит отменные пироги, но она, вероятно, раскатает мой мозг скалкой раньше, чем я даже попробую их.

Мой мотоцикл оставил уродливую полосу на траве, напоминая о том, что я сделал в ту ночь. Вождение в пьяном виде. Это не свойственно мне. Я тот, кто обычно держит других в узде. Удерживает друзей, чтобы те не стали жертвой подобной херни, чтобы не превратились в клише, как сказала Либерти.

Что-то сильное и уродливое роится в моей груди. Все мои усилия так и не помогли Джаксу. Образ его обмякшего тела всплывает перед глазами в ярких красках: серая кожа напротив белых плиток, желтая рвота, зеленые глаза, уставившиеся в никуда.

Мои зубы стискиваются, пальцы болят от силы, с которой сжимаю кружку.

Чертов Джакс. Идиот.

От боли сложно даже дышать. Мое тело дергается от потребности в движении. Хочет куда-то идти. Продолжать двигаться, пока разум не прочистится.

Хлопок двери панорамной стеклянной стены вынуждает меня вздрогнуть, и горячий кофе плещется в кружке.

— Дерьмо, — я ставлю его на пол и всасываю в рот обожженный палец.

Через дорогу Либерти уверенно спускается по ступеням крыльца, направляясь к огражденному высоким забором саду. Улыбка растягивает мои губы. Эта девушка не может прогуливаться нормально и расслабленно. Куда бы она не шла, кажется, будто Либерти собирается выполнить судьбоносную миссию.

Она движется через освещенное солнцем пространство, и ее волосы приобретают оттенок топленого сливочного масла. У меня появляется желание запечатлеть этот момент, записать его в виде лирики. Паника от данной мысли поднимает меня на ноги и вынуждает ходить взад-вперед.

Мне следует зайти в дом. И что потом? Лежать на древнем диване, покрытом одеялом с уродливыми синими розами? Пить весь день напролет?

Распаковывать коробки с вещами. Включая три мои любимые гитары. Скотти, крысиный ублюдок, послал их, даже несмотря на то, что я не просил его об этом. Он думает, я стану писать музыку? Песни? Да ни за какие хреновы коврижки. Дерьмо. У меня нет ни малейшего представления, что я здесь делаю. Великая идея Скотти относительно того, что я спрятался на острове, о котором почти никто не слышал, невероятно тупая. Вероятно, больше не стоит слушать его по пьяни.

Возможно, у Скотти супер интуиция, потому что именно сейчас мой телефон начинает звонить. И только у немногих есть этот номер. Мой взгляд не отрывается от Либби, стоящей на коленях между рядами зелени, когда я отвечаю на звонок. Вот только это не Скотти.

— Привет, мужик, — говорит Уип.

Я не слышал его уже около года. Знакомый голос, словно удар, поражает голову. Я снова откидываюсь на спинку кресла.

— Привет, — откашливаюсь. — Что случилось?

«Иисус, пусть это не касается Джакса».

Мои пальцы становятся холодными, а кровь пульсирует в висках. Глубоко вдыхаю.

— Это правда, что ты застрял в каких-то дебрях Северной Каролины?

Я выпускаю рык.

— Он в порядке?

Следует пауза, и затем Уип матерится.

— Дерьмо, мужик, я не подумал. Ага, он в норме, — Уип шумно вздыхает. — Ему намного лучше. Видится с куратором.

Хорошо. Отлично. Здорово, что Джакс сам позвонил мне и рассказал об этом. Я тру лицо руками, закрывая глаза.

— Итак, что тогда случилось?

— Просто подумал, — голос Уипа становится отстраненным. — Нас всех разбросало в разные стороны света. И... черт, я просто захотел поговорить. Узнать, где ты был.

Джакс — тот, кто разбросал нас. В тот день он разрушил нас, словно разбил окно, бросив в него валун. И, тогда как мы с Джаксом играли роль мамы и папы в группе, Уип всегда был нашим якорем, нашим клеем. Он ударил бы меня в горло, если бы я сказал ему это в лицо, но еще Уип самый чувствительный из нас. Я знаю, что ему больно.

Я снова бросаю взгляд на Либби. Ее округлая попа раскачивается, когда она вырывает сорняки. Это зрелище почти вызывает у меня улыбку, хотя она бы возненавидела меня, узнав, что я наблюдаю за ней. На этом я снова пытаюсь выдавить ответ.

— Ты уже разговаривал с остальными? — спрашиваю Уипа.

— Звонил Райю. Мы прошлись по кое-какому материалу.

Это что-то новое. Обычно песни писали мы с Джаксом. Я сажусь немного ровнее пытаюсь сосредоточиться. Мне нужно проявить участие. Я знаю это. Но так сложно собрать хоть какой-то энтузиазм. Несмотря на это, я всё же произношу то, что нужно сказать.

— Ты записал что-то, что я мог бы послушать?

— Ага, конечно. Я тебе отправлю, — Уип выдерживает паузу и затем невзначай добавляет. — Возможно, ты смог бы улучшить их. Сделать нам какие-то замечания.

Я не знаю, как реагировать на это. Нет, меня это не злит. Скорее я даже рад тому, что они снова творят. Но что-то внутри меня — предупреждение, желание сбежать — заставляет побыстрее закончить данный разговор.

Но Уип не закругляется.

— Или, может быть, возвращайся и поработай вместе с нами.

Теперь я снова вскакиваю на ноги, расхаживая по крыльцу перед панорамной стеной. Прижимаюсь лбом к стеклу.

— Пока нет. Но скоро, мужик.

— Ага. Конечно, — Уип кажется таким же искренним, как и я сам.

— Буду на связи, — говорю я.

Возможно, это ложь, а может, и нет. Я не брал в руки гитару уже почти год, и сейчас у меня нет ни малейшего желания.

— Верно.

Когда Уип кладет трубку, тишина звенит у меня в ушах. Я больше не знаю, как быть

собой, как быть частью группы «Килл-Джон». Как мы можем двигаться дальше? Должны ли сделать это без Джакса? Или с ним? И всё время оглядываться через плечо, со страхом ожидая, что он повторит это снова?

Часть проблемы состоит даже не в Джексе. Я устал. Заскучал. И от этого чувствую себя до чертиков виноватым.

Хоть я и на крыльце, но стены давят, выкачивая из меня весь воздух. Мне следует войти в дом, сделать... что-то. Но ноги ведут меня в противоположном направлении. С крыльца моего дома прямо в сторону Либерти.

Она сгорбилась над рядом трав и не поднимает взгляд, когда я прислоняю запястья к верхней части забора, достигающего по высоте до уровня моего подбородка. Я наблюдаю за ее работой, не возражая против молчания. То, как она игнорирует меня, довольно забавно, потому что девушке не очень-то хорошо дается данная задачка. Всё ее спокойное «меня не волнует то, что ты здесь» выражение говорит лишь о том, что Либби, охренеть, как волнует мое присутствие. Она просто не хочет, чтобы оно ее волновало.

Я усмехаюсь в ответ на эту мысль. Во всем этом есть что-то такое *нормальное*.

— Знаешь, много девушек стояло передо мной на коленях. Но обычно они делали это с улыбкой.

Она фыркает.

— Я бы больше впечатлилась, узнав, что это ты опускался на колени. Мне нравятся те, кто дает, а не берет.

Иисусе. Я могу представить ее с широко расставленными ногами, командным тоном повелевающую мне хорошенько вылизать ее там. Переносу вес с ноги на ногу, отодвигаясь от забора. Не нужно, чтобы она видела нарастающую выпуклость в моих штанах. Не уверен, то ли меня к ней тянет, то ли я вдруг стал мазохистом.

— А что насчет идеи дать *и* взять? Такое тебе по душе?

Даже несмотря на то, что я шучу, зазрение совести вспыхивает внутри. Когда я в последний раз чувствовал подобное и чувствовал ли когда-то вообще? Потому что она права — я стал ленивым, сидел, как король, пока девушки сосали мой член, и придумывал песни или планировал выпустить следующий альбом. Я достиг той точки, в которой меня не ебало, что эти девушки делали или куда девались, когда я с ними заканчивал.

Теперь Либерти поднимает на меня взгляд.

— В любом случае, что именно ты здесь делаешь? У тебя что, нет работы?

Боже, я хочу засмеяться в ответ. Но прикусываю нижнюю губу.

— А у тебя? Разве сегодня не вторник?

— Среда, и я работаю на дому, спасибо.

— Чем занимаешься?

— Если бы я хотела, чтобы ты знал, то сказала бы.

— Ты ди-джей?

— Ди-джей? — она изумленно смотрит на меня. — Ты серьезно? И где, по-твоему, я играю? В церкви?

Я на самом деле заливаюсь румянцем. Не думаю, что такое вообще случалось в моей жизни. Поднимая взгляд к небу, проверяю, не летят ли свиньи, а затем бормочу:

— У тебя есть куча записей.

— Да, — она напряжено кивает. — Они принадлежали папе. Он был ди-джем в колледже.

— Коллекция достаточно изумительна.

— Ну да.

— А гитара?

Ее плечи сутулятся.

— Тоже папина.

Теперь я знаю, как чувствуют себя журналисты, беря у меня интервью. Я соперничаю. Эта девушка побила бы меня в вопросе уклонения от развернутых ответов.

— Ты и вправду не расскажешь мне? — я не знаю, почему так сильно давлю. Но ее решимость закрыться от меня забавляет.

— Думаю, нет, — она вытаскивает ножницы и срезает пучок шалфея, тимьяна и розмарина.

У моей бабушки был сад трав. Небольшой набор ящиков на кухонном окне в Бронксе. Когда я был маленьким мальчиком, то просил ее позволить мне срезать то, что ей было нужно, и она напоминала, чтобы я не повредил листья.

Отбрасываю старые воспоминания, прежде чем они начнут меня душить.

— Ладно. Оставляю это на волю своего воображения, — чешу подбородок, который сейчас очень гладкий и без бороды — чертова штука зудела слишком сильно, чтобы отращивать ее в такую жару. — Склоняюсь к варианту сотрудника службы секса по телефону.

Либби складывает травы в корзинку и раскачивается на пятках.

— Это просто нелепо. Мой голос похож на голос сотрудника службы секса по телефону?

— Честно? Да, — я откашливаюсь, потому что практически слышу ее голос, похожий на сливочное мороженое, который раздает похотливые указания. — Да, похож.

Она хмурится и снова встречается со мной взглядом. Выражение моего лица заставляет ее еще сильнее нахмуриться, тогда как щеки девушки краснеют. Либби быстро возвращается к своим садоводческим делам.

— У меня есть, чем заняться. Ты собираешься стоять здесь весь день, наблюдая? Или, возможно, у тебя есть бутылка, на дне которой пожелаешь найти свой путь.

— Миленько. И нет. Я больше не пью.

Она с сомнением издает какой-то звук.

Мне следует уйти. Оглядываюсь на свой дом. Он стоит, словно опухоль на земле, заброшенный и молчаливый. Это уродливое зудящее чувство нарастает в моей груди. Мне приходится снова бороться с тем, чтобы не почесаться. Хотя Либби не смотрит на меня, выдергивая сорняки из земли. Вздыхая, я откашливаюсь.

— Могут ли я помочь?



Либби

Он не уходит. Не уверена, что с этим делать. Меня убивает то, что я веду себя с ним негостеприимно. С каждым коротким словом, что бросаю парню, я всё сильнее ощущаю на себе возмущенный взгляд бабули. Я была воспитана до ужаса вежливой. Но Киллиан доводит меня до края терпения целым рядом причин.

Я, конечно, ожидала его снова увидеть. Мы всё-таки соседи. Но не думала, что он сразу же станет искать со мной общения и захочет побыть в моем обществе. Однако то, что я веду себя неприветливо, его, кажется, не волнует. Он вроде как напоминает мне тех мальчиков из старшей школы, которые дергают девочек за косички.

И голая правда в том, что ребята, выглядящие, как Киллиан, просто так меня не беспокоят. Они никогда не замечают таких, как я. Так почему же сейчас? Ему скучно? Удручают эти трусобы?

В любом случае, его присутствие одновременно выбивает меня из колеи и вызывает любопытство.

Киллиана, на четвереньках пропалывающего огород, стоит уменьшить в размере. Во всяком случае, теперь он кажется больше, его плечи выглядят шире, перекатываясь под обтягивающей футболкой с изображением капитана Кранча. Его волосы цвета черного кофе ниспадают локонами на плечи, и у меня возникает желание предложить ему стрижку. Не то чтобы я возражала против длинных волос, но пряди Киллиана — полнейший беспорядок. Клянусь, этот мужчина не знаком с расческой.

Но он побрился. Чем довольно сильно меня удивил, так как я ожидала увидеть его запутанную неопрятную бороду, когда чуть ранее услышала голос Киллиана. Но вместо нечетких очертаний лица меня встретили гладкие, чисто выбритые щеки и острый подбородок, а еще четкие ямочки от улыбки. Как кто-то вообще может противостоять этому?

— Как ты понимаешь разницу между сорняком и культурным растением? — его темный бархатный голос окутывает меня, но парень не отводит взгляда от своей основной задачи. От концентрации между его бровей пролегает небольшая бороздка. — Потому что они все выглядят для меня одинаково.

— Моя бабушка научила меня, — я откашливаюсь и вырываю особенно укоренившийся сорняк.

— Бабушки хороши в этом.

Я не могу представить его рядом с бабушкой. Или, может, могу. Она, вероятно, предложила бы ему молоко и печенье, приказав парню лучше заботиться о себе самом. Я указываю рукой на еще один сорняк.

— Вообще-то их не так сложно распознать.

— Ну, раз ты так говоришь, — он, кажется, не слишком счастлив, но тем не менее продолжает работать.

Мы снова замолкаем, занимаясь своим делом.

— Сверхсекретная шпионка?

Я резко поднимаю голову в ответ на вопрос Киллиана.

— Что?

Он игриво дергает бровями.

— Твоя работа. Всё еще пытаюсь прояснить этот вопрос. Ты шпионка?

— Ты меня разгадал. А теперь пойдем со мной, — я киваю головой в сторону дома. — Мне нужно показать тебе кое-что внутри.

Белые зубы вонзаются в пухлую нижнюю губу.

— Если это будет включать в себя порку, то я не пойду.

Я фыркаю, злясь на себя.

— Тестирующий секс-игрушек?

— Ах. Нет.

— Писатель эротических романов?

— Почему все варианты вдруг связаны с сексом?

— Потому что надежда умирает последней.

— Лучше надейся, что я нарочно или случайно не стукну тебя по голове.

— Ладно, ладно. Клиент магазина на диване?

— Я ненавижу шопинг.

— Ага, я так и думал.

Моя голова резко поднимается вверх.

— Что это должно означать?

Он пожимает плечами, абсолютно не раскаиваясь.

— Девушка, которая всё время топает в старых Мартинсах, не является типичным фанатом сейлов.

Я снова присаживаюсь.

— Ладно, я не сильна в моде. Но это не обязательно означает, что я не делаю покупок.

— Ты же только что сказала, что ненавидишь шопинг. Вот буквально *только* что.

— Ага, но ты не должен был понять это, просто взглянув на меня.

Его нос морщится, когда Киллиан чешет затылок.

— Я запутался.

— Возможно, у меня пристрастие к покупке кукол. Может быть, у меня в дальней части дома есть целая комната, забитая куклами.

Всё его тело вздрагивает.

— Даже не шути на этот счет. У меня будут кошмары о кукле Чаки в течение нескольких месяцев.

Я думаю о комнате с глядящими на меня куклами и тоже вздрагиваю.

— Ты прав. Никаких кукол. Никогда.

Он подмигивает мне. Не представляю, как ему удастся проделывать такое, при этом не

выгляда как льстивый мудака, а скорее как милашка.

— Видишь? — говорит он. — Никакого шопинга.

— А ты что? Детектив?

Он тоже раскачивается на пятках.

— Если бы я был детективом, то, согласишься, был бы не лучшим экземпляром, так как всё никак не могу понять, чем же ты занимаешься по жизни.

Мы смотрим друг на друга, его темный взгляд буравит во мне дыру, пока парень ожидает ответа. И это на удивление эффективно, так как, клянусь, я начинаю потеть.

— Ладно, — выпаливаю. — Я дизайнер книжных обложек.

Он моргает от удивления.

— Правда? Это... ну, последнее, что я бы предположил, но всё же очень круто. Могу ли я взглянуть на твои работы?

— Возможно, немного позже, — я возвращаюсь к прополке, хотя на самом деле осматриваю одно и то же место на грядке раз за разом. Здесь не осталось ничего, кроме черного куска земли между рядами трав. Глядя рукой прохладную землю, я встречаюсь с ним взглядом. — А чем ты занимаешься?

Он хорош — едва вздрагивает от моего вопроса, но в долю секунды маскирует это широкой легкомысленной улыбкой.

— В данный момент я безработный.

Мне хочется спросить, чем он занимался раньше, но что-то хрупкое и болезненное задерживается в этих глазах кофейного цвета, и в результате у меня не хватает духу. Вчера он валялся пьяным на моей лужайке. Не думаю, что жизнь для него идет по плану в данный момент, и у меня нет желания тревожить эту рану.

Он прерывает молчание, указывая на зеленый черри.

— Вырвать это?

— Нет. Это томат черри.

Становится очевидным, что для Киллиана некомфортно долго молчать.

— Так это место когда-то было фермой?

Я, было, подумала, что он произнес это, обращаясь к самому себе, но парень смотрит на меня с неподдельным интересом каждый раз, когда задает вопрос. Я пользуюсь моментом и осматриваю землю вокруг себя. Остров Коллар — часть цепочки островов, известных как УстерБэнкс. Тогда как северная его часть размещает центр города и множество шикарных домов для отдыха, южная, где расположен дом моей бабушки, — довольно изолирована. Здесь нет ничего, лишь несколько разбросанных домиков и просторы зеленой степной травы, окруженные ярко-синим океаном и песчаным пляжем.

— Когда мои бабушка и дедушка были молоды, — произношу я. — Они выращивали здесь несколько овощных культур. То же самое делали и владельцы дома, в котором ты живешь. Теперь я просто обрабатываю землю рядом с домом и позволяю остальной земле отдыхать.

— Здесь красиво, — вставляет Киллиан. — Хотя немного одиноко.

Я ничего не могу на это ответить. Так что просто киваю.

И мы возвращаемся к работе. Что, своего рода, хорошо. Пока Киллиан не заводит руку за голову и не стягивает с себя футболку, засовывая ее в задний карман джинс.

Я уже видела голых мужчин. Но это нечто иное. Я была слишком раздражена и занята, пытаюсь отмыть его, чтобы замечать такие особенности. Теперь же он сидит при свете дня, и

его загорелая кожа поблескивает на солнце от пота. Он худой и сильный, а его мышцы — произведение искусства. Огромное тату покрывает его левое плечо и туловище, отображая винтажную карту мира, словно развернутый глобус.

— Ты глазеешь на мои татуировки, Либс? — кажется, его это веселит.

Я встречаюсь с парнем взглядом и отмечаю, что его глаза мерцают, а до нелепого длинные ресницы практически соприкасаются со щеками. Несправедливо, что этот чувак обладает такими красивыми глазами.

— Ага. Думаю, ты нарисовал картину на своем теле, так что абсолютно справедливо, если люди ее разглядывают.

Он усмехается и гребанные маленькие ямочки по разные стороны от его губ углубляются, а затем улыбка увядает.

— Ты сказала, что я достоин созерцания, — он садится ровнее, так что я могу видеть больше тату.

К сожалению, осознаю, что хочу разглядывать низ его живота, там, где мышцы ступеньками идут вниз к мистеру Счастливику.

Черт побери. Меня не тянет к этому парню. Не-а. Я просто страдаю недоебом и испытываю потребность в кое-чем. Скоро. Но *не* с Киллианом. Я не могу забыть то, как мы познакомились. Алкогольная зависимость — это для меня четкая черта на зыбком песке, из-за нее было разрушено всё, что я любила.

Однако, игнорируя все внутренние аргументы, я разглядываю его тату. Она состоит из ярких линий, создающих подобие земного шара, но при этом не загромождена деталями. И, стоит признать, смотрится красиво.

— У нее есть какое-то значение? — спрашиваю я. — Или ты сделал ее по приколу?

Киллиан отбрасывает прядь темных волос с лица.

— Всё началось как способ исправления ошибки.

Он наклоняется вперед, в результате чего я ощущаю запах чистого пота и пьянящих мужских феромонов. Черт. Правда, очень сложно описать этот приятный аромат, кроме как назвав его аппетитным и вызывающим зависимость. Я собираю себя в кучу, когда парень указывает на место чуть выше его соска, где расположена роза ветров.

— Я хотел перекрыть имя. Дарла.

— Любовь миновала?

Он криво усмехается мне.

— Это, по крайней мере, должно было быть романтично. Но нет. Я сделал ее в день окончания старшей школы. Я и... — его лицо бледнеет на секунду, испуг мелькает в глазах. Но затем парень моргает, и всё исчезает. — Мы с моим другом напились и встретились с еще одним нашим другом, который практиковался в том, чтобы стать татуировщиком. Так что я стал его подопытной крысой.

— И он нанес на тебя имя «Дарла»?

— Ага, — Киллиан садится и снова начинает рвать сорняки. Но при этом всё еще усмехается.

— Кем была Дарла?

Он смеется.

— В этом-то и дело. Она была просто именем, которое, по его мнению, звучало забавно. Возможно, я бы так и сохранил его на своем теле. Но, черт, тату была реально уродливая — перекошенная и офигенно кривая, — Киллиан качает головой. — Выглядело так, словно ее

нанес третьеклассник.

Не могу сдержаться и смеюсь.

— Мило.

Выражение лица Киллиана становится нежнее, его взгляд скользит по чертам моего лица. И улыбка становится шире.

— Что? — спрашиваю, чем вызываю блеск в его глазах. И от этого у меня перехватывает дыхание.

— Ты красивая, — говорит он, словно констатирует факт, и я фыркаю.

— Ты кажешься удивленным.

Киллиан наклоняется немного ближе.

— Действительно? Я удивлен. Ты так часто хмурилась, глядя на меня... Ах, ну вот снова. Взгляд вопиющей ненависти, — огрубевший кончик его мизинца касается верхней части моей щеки, и внизу живота мои мышцы шокировано сжимаются. Его голос становится задумчивым. — Но когда ты улыбаешься? То вроде как светишься.

— Как светлячок? — отвечаю я, пытаюсь не избегать его прикосновения.

Он снова игриво двигает бровями, а в глазах пляшут веселые чертики.

— Ладно. Ты лучистая. Так достаточно понятно?

Слова застревают у меня в горле. Меня пронзает осознание того, что ни один мужчина никогда не называл меня красивой. Ни разу. Как такое может быть? Я не уродина. Объективно говоря, я знаю, что красива, или могу такой быть. Я ходила на множество свиданий, недолго встречалась в колледже. Конечно, за мной ухаживали и раньше. Но никогда не делали подобного комплимента, такого простого и честного. Осознание этого пропитывает мою кожу, сантиметр за сантиметром, и вдруг, я не хочу, чтобы Киллиан смотрел на меня.

Моя лопата погружается в землю с достаточной силой, чтобы почва разлетелась в стороны.

— Так как эта Дарла исчезла?

Киллиан хмурится, на секунду опуская взгляд на мою лопату, а затем, к счастью, возвращается к своей работе.

— Моя мама испытала невероятное отвращение, увидев это творение, так что дала мне денег, чтобы забить его новой тату, поверх этой.

— Я, было, подумала, что она захотела бы, чтобы ты ее удалил.

— Не-а, — он вырывает сорняк. — Она не была против татуировок, скорее против того, как была сделана та. И всё равно бы остался шрам. А маме не нравятся шрамы. В любом случае, я набил розу ветров. А позже и карту, — парень смотрит на себя. — Типа «Эй, Килл, вот же весь мир. Он твой, если не проебешь».

Сожаление в его голосе, хотя парень явно пытается его скрыть, задевает что-то внутри меня. Делаю вдох, поднимая взгляд к чистому голубому небу над головой. Мир. Я видела такую малую часть его. Лишь этот маленький голубой уголок Северной Каролины и еще кусочек земли, когда ездила в Саванну в колледж. Мне двадцать пять, и я сама сделала из себя отшельницу.

Моя грудь сжимается, и приходится бороться за следующий вдох. Внутри возникает подавляющее желание побежать в дом и свернуться в клубочек на прохладной кровати, слушая тишину.

— Это на удивление расслабляет, — говорит он.

Комментарий Киллиана привлекает мое внимание.

— Что? Прополка грядки?

Он смотрит на меня из-под полуопущенных ресниц.

— Ага. Мне нравится делать что-то созидательное, — парень останавливается и трет затылок. — Тебе не нужно починить забор или нарубить дров? Что-то в этом роде?

— Тебе нужна тяжкая каторга, чтобы заставить себя стать человеком получше?

— Ага, — он улыбается. — Да, думаю, что так.

— И ты хочешь, чтобы я... что? Была для тебя мистером Мияги? (*прим пер. — Мистер Мияги — персонаж фильма "Карате-пацан 2", пожилой наставник американского мальчишки, победившего в соревнованиях по кунг-фу*)

Его смех накрывает меня, как волны, глубокие и теплые.

— Черт, да. Покрасить забор. Натереть пол.

— И когда ты закончишь, мы пойдем к морю, и ты будешь балансировать на одной ноге.

— Бля, это было бы эпично, — Киллиан широко разводит руки, выполняя кулак журавля. От этого мышцы его груди красиво бугрятся, но я быстро решаю игнорировать данный факт.

Вместо того чтобы глазеть, встаю и отряхиваю рыхлую почву с коленей. Хватаю корзинку с овощами.

— Тогда пойдем. Ты можешь покосить, если ты и вправду говорил на полном серьезе. Это всё, что я могу придумать в духе мистера Мияги прямо сейчас.

Киллиан с легкостью подпрыгивает на ноги.

— Киллиан-сан готов к выполнению своих обязанностей.

Я закатываю глаза, делая вид, что нахожу парня раздражительным. Но всё не так. И это меня пугает.

Глава 4

Киллиан

Я кошу лужайку Либби. К сожалению, это не эвфемизм для чего-то более приятного, чем таскание старой косилки взад-вперед по ее огромному, просторному двору. Здесь, на жарком солнце, пока мои мускулы двигаются под кожей, а пот капельками стекает по спине, я осознаю, что несколько месяцев не занимался сексом. Шесть, если быть точным. У меня не было секса так долго еще до того, как я потерял девственность. Но что действительно пугает, так это то, что я не много пропустил.

Во время своих путешествий я встречал кучу сексуальных женщин, готовых и желающих встряхнуть мой мир. *Желающих* — не совсем подходящее слово. Они отчаянно жаждали трахнуться со мной. И я говорю это не из-за высокомерия. Это правда. Они знали, кто я такой, и делали всё возможное, чтобы стать той девушкой, которая бы так задурила мне голову, что я взял бы ее с собой. Одна и та же старая добрая история в течение последних восьми лет. Между «славой» и «охотницами за членами» знак равенства.

Толкая газонокосилку, я вспоминаю всех этих женщин. Боже, некоторые из них и вправду встряхнули мой мир. Вещи, которые они позволили мне вытворять, и то, что они сами сделали для меня, были невероятны — очень близко к тому кайфу, что я мог получить, выходя на сцену. Но всё всегда заканчивалось, как только мой член обмякал. В конце

концов, секс с фанатками стал почти что еще одной формой мастурбации. Волнение от него давно прошло. Не важно, как технически были подкованы цыпочки, они никогда не видели во мне ничего более, чем средство для достижения собственной цели. И все эти девушки никогда не высказывали свое мнение, которое бы противоречило моим потребностям. Я мог отправить члена дорожной команды, чтобы сказать очередной фанатке, что он тоже участник группы, и она бы трахалась с ним также неистово.

В общем, я использовал женщин так, как они использовали меня. Соси, расставь ноги и свали куда подальше. Бездушные потрахушки.

Это же чувствовал и Джакс? Бездушность? Неуравновешенность?

Впервые за несколько лет я чувствую себя так, словно стою на твердой земле. И при этом не делаю ничего, кроме ухода за лужайкой. Либби бросила на меня косой взгляд, когда я спросил, что еще могу сделать, поэтому я отшутился на этот счет. Но при этом был абсолютно серьезен. Я чувствую себя хорошо. Хочу больше этого — больше понимания того, что я нормальный, что я — человек, как и все остальные в этом мире.

Вытягивая футболку из заднего кармана, я вытираю пот со лба и направляюсь к большому гаражу-сарая в задней части имения. Газон покошен. Не идеально — линии слегка косят.

Я разминаю плечи, когда Либби появляется на задней веранде дома. Она держит два стакана с ледяным лимонадом. Девушка встречает меня на полпути, и я едва выдавливаю искреннее «спасибо» до того, как залпом выпиваю содержимое стакана. Холодный. Свежий. Идеальный.

Я начинаю думать, что эта девушка никогда не даст мне ничего ниже звания «охуенно». Затем бросаю беглый взгляд внутрь сарая и чуть не давлюсь последним глотком лимонада.

— У тебя есть самоходная ездочка, — выпаливаю, прыская напитком и глядя на косилку «JohnDeere», которая справилась бы с моей работой меньше, чем за час.

Либерти, маленький дьявол, просто пожимает плечами, делая глоток вкуснейшего лимонада.

— Разве мистер Мяги позволил бы Даниелю-сану использовать силу шлифовального станка? Я так не думаю.

Либби испускает удивленный девчачий визг, когда я бросаюсь на нее, перехватывая девушку за талию и закидывая на свое плечо.

— Ты пролил мой лимонад, урод, — кричит она, но смеется.

Слава богу. Правда, потому что я не думал о последствиях, когда набросился на нее. Я вообще редко думаю о последствиях. Но я не хотел разозлить ее или свести с ума. Широко усмехаясь, кружу девушку и шлепаю ее по сочной попке.

Она еще раз громко визжит, молотя ногами по моим бедрам, а руками — по заднице.

— Ты умрешь за это, мистер.

— Значит, я могу повеселиться напоследок, — кричу я в ответ на ее протесты и снова шлепаю ее по попке. Иисусе. Мне нужно остановиться, потому что сейчас я хочу сжать обеими руками ее округлую задницу. Возможно, проскользнуть пальцами между ее ягодиц и...

«Успокойся, парень».

Я мог бы обвинить жару и недостаток сексуальной жизни, но не уверен. Есть что-то странно-привлекательное в этой колючей, но такой плюшевой Либби.

Нехотя, я опускаю ее на ноги и напрягаюсь, готовясь к нападению. Вместо этого она

ударяет по моей руке, а ее лицо такое же красное, как и томаты на грядке.

— Придурок, — говорит Либби без эмоций. — У меня теперь кружится голова.

— А, это к лучшему, — до того, как она сможет пошатнуться, я прикасаюсь к ее локтю, чтобы помочь удержать равновесие. Сейчас она не у меня на руках, и я почему-то не решаюсь снова полноценно прикасаться к ней. Только вчера мы были готовы перегрызть друг другу глотки. А теперь я хочу прикасаться к ней так много раз, как она мне позволит.

— Ты сумасшедший придурок, знаешь это? — ее хмурое выражение лица кажется милым.

— Я бы сказал, что так лишь время от времени.

— Не удивлена, — Либби пропускает волосы через пальцы, и солнце заливает светом ее пряди. — Я собиралась предложить тебе пойти на пляж...

— Пойдем же, — я пытаюсь схватить ее за руку, но на этот раз она уворачивается.

— Я не знаю...

— Либбери, — предупреждаю я. — Не заставляй меня перебрасывать тебя через плечо и тащить туда твой маленький зад.

— Ага, верно. Спорю, здесь ты тоже брешешь, чувак.

Я делаю шаг вперед так быстро, что почти прижимаю ее тело к стене сарая. На самом деле наши тела не соприкасаются, но она всё равно замирает. Я пользуюсь преимуществом и наклоняюсь вперед, пока наши носы не оказываются в миллиметрах друг от друга.

— О, я кусаюсь, детка. Но тебе это понравится.

И только затем я осознаю, что делаю. Ее запах словно солнце, лимоны и топленый сахар. Сигнал об опасности раздается в моей голове, крича «осторожно» и «сделай шаг назад». Но я не могу остановиться и опускаю взгляд на ее губы. Ошибка. Огромная ебаная ошибка.

Они такие розовые, мягкие и приоткрытые, словно ждут, пока их поцелуют. Жар приливает к моему члену, и приходится физически бороться с невыносимым желанием толкнуться бедрами вперед. Что за хуйня? Я потерял самоконтроль.

Доказательством того, что это плохая идея, служит то, что Либби сжимает вместе эти красивые губки.

— Я кусаюсь в ответ, и тебе это не понравится.

В результате я широко и фальшиво улыбаюсь.

— Ты так только говоришь. А теперь собирайся, или я буду донимать тебя весь день.

Она закатывает глаза, но, слава богу, поворачивается к дому.

— Я упакую обед.

Боже, она собирается меня накормить. Мне нравится эта девушка уже только за это. Но я должен собрать себя в кучу. Потому что она не мой тип, чтобы дурить ей голову. Любой парень с половиной мозга может это понять. Может, она и грубая снаружи, но это кажется лишь хрупкой оболочкой. Христос, в этом плане она напоминает мне Джакса. Данная мысль охлаждает меня. Возможно, мне следует сказать ей забыть обо всем и просто пойти домой.

Но затем она поворачивает голову в сторону входной двери.

— Входи. У меня есть, чем тебя нагрузить.

И вот я снова на крючке. Есть в ней что-то такое, что не могу игнорировать. Я отталкиваюсь от стены сарая и тащусь к лестнице в дом.

— До тех пор, пока ты не забыла об обеде, я весь твой, мисс Белл.



Либби

Полоса пляжа возле дома довольно узкая, но переходит в дикие дюны. Я стелю одеяло, устанавливаю зонтик и кресло, пока Киллиан в полной растерянности осматривается.

— Выглядит так, словно ты собираешься разбить здесь лагерь, — говорит он мне, когда я беру из его рук переносной холодильник и ставлю его в тени за пляжным креслом. — Дальше собираешься вытянуть надувной матрас? Или кухонную раковину?

— Мне нравятся удобства. И я предпочитаю не сгореть на солнце, как картофельные чипсы.

Киллиан фыркает.

— Я буду картошкой.

Я стягиваю с себя футболку и освобождаюсь от джинсовых шорт.

— Делай, что хочешь. Но не приходи ко мне поплакаться, когда сгоришь. Я не стану втирать алоэ в твою спину.

Ложь. Я была бы крайне рада втереть в него что-то.

— Станешь, Либс, — его голос подозрительно тихий, отвлеченный. — Ты всё брешь, детка.

— Детка? Так ты не заставишь меня... — я поднимаю взгляд и обнаруживаю, что он наблюдает за мной. Не искоса, а прямо.

И у меня возникает желание надеть футболку обратно. Мой черный бикини выбран с точки зрения комфорта, а не сексуальности, и он прикрывает больше, чем простой лифчик и трусики. Но я не привыкла, чтобы мужчина видел так много моего тела. Я не стыжусь себя — хотя не буду рыдать, если моя задница вдруг станет меньше, а грудь побольше. У меня второй размер груди, так что приходится носить лифчик каждый день, и я не возмущаюсь на сей счет. Что-то подсказывает мне, что Киллиан видел за свою жизнь приличную долю впечатляющих сисек. И меня раздражает то, что я боюсь показаться слишком плоскогрудой.

Наши взгляды встречаются, и, кажется, воздух между нами замирает. Темные глаза Киллиана прищуриваются, а выражение его лица становится непроницаемым. Интересно, о чем, черт возьми, он думает. Мое сердце начинает колотиться, а небольшой поток тепла разливается внизу живота.

Не знаю, как долго мы так стоим, глядя друг на друга, словно чужаки, которые наткнулись друг на друга на этом пляже. Вероятно, несколько секунд, но они кажутся

вечностью. А затем он моргает, прерывая эту связь, и притворно спокойно осматривает весь пляж. Мы здесь одни. Хотя на приличном расстоянии от нас видно очертания нескольких людей, идущих вдоль берега.

— Я схожу поплавать, — говорит он. — Хочешь со мной?

— Ты не хочешь сперва съесть сэндвич? — что-то в груди сжимается сильнее, потому что сейчас парень вроде как нервничает, словно жаждет отделаться от меня.

Киллиан смотрит на сумку-холодильник и шумно выдыхает.

— Верно. Забыл об этом.

Он приземляется рядом со мной на пляжное одеяло, достаточно близко, чтобы его бедро почти задело мое, и я почувствовала тепло его тела. У парня отличные ноги, мускулистые и с темными волосками, его кожа уже довольно загорелая.

Мне не следует разглядывать его ноги. Не стоит суетиться с тарелками.

— Ты часто сюда приходишь? — спрашивает он.

— Почти каждый день.

— С друзьями?

Я вытираю руки о бедра.

— Нет. Одна.

Он откусывает кусочек сэндвича, глядя при этом на море.

— Нет друзей?

Боже, этот мужчина — ищейка. Или раздражительная крыса, сующая свой нос во все мои слабые места. С этим прекрасным образом перед глазами я кладу свой сэндвич.

— Здесь не очень-то развита социальная жизнь. Большинство моих друзей в интернете.

И когда в последний раз я говорила с кем-то из них? В шоке я осознаю, что не писала никому в течение нескольких месяцев. И никто не писал мне тоже.

Я не стеснительна. Но всё же интроверт. Гулянки и тусовки — это не мое. Но когда я стала такой изолированной? Почему сама не заметила? Или почему меня это не заботило?

— В любом случае, мне нравится приватность, люблю заниматься собственными делами... — моя шея напрягается, и я делаю большой глоток лимонада.

Не представляю, что думает Киллиан. Он просто кивает и ест сэндвич, аккуратно откусывая большие куски булочки. Вздох удовлетворения покидает его, прежде чем он опускает сверток бумаги в холодильник и немного хмурит брови.

— Держи, — я даю ему еще один сэндвич. — Я сделала тебе три штуки.

Его усмешка мимолетная и широкая.

— Я знал это. Всё брешешь.

Я не улыбнусь. Не-а.

— Ешь свой обед.

— Я вижу эту улыбку, Либс.

— Я могу забрать еду.

Он хватается за третий сэндвич и кладет себе на колени, скрючившись и прикрывая его грудью, пока поглощает второй.

— Ты выросла здесь? — спрашивает он, после того как проглатывает огромный кусок еды.

— Нет. Я выросла в Уилмингтоне. Это дом моей бабушки. Она оставила его моим родителям, когда умерла, а они оставили его мне, — вот. Я произнесла это. И ощутила лишь капельку боли. Тупой боли, что как валун дробит мои ребра. — Я жила в Саванне, но

после... Ну, я просто захотела уехать домой. Это было ближайшее место для меня.

Киллиан хмурится, но его голос нежен.

— Когда они умерли, Либби?

Я не хочу отвечать. Но молчание еще хуже.

— Чуть больше года назад, — я делаю вдох. — Мои мама и папа поехали на ужин. Папа напился, но всё равно сел за руль.

Я не говорю ему, что папа всегда был пьян в конце дня, отдаваясь тому образу жизни, от которого обещал отказаться, когда родилась я. Была ли я виной его пагубного выбора? Нет. Но в некоторые дни казалось, что так. Я напряженно сглатываю.

— Он врезался в семейный минивен. Убил мать в минивене, себя и мою маму заодно.

— Ебанный ад.

Я пытаюсь пожать плечами, но ничего не выходит.

— Что есть, то есть.

— Это отстойно, сладкая.

Кивая, я тянусь к холодильнику за еще одной порцией лимонада.

— Либерти?

Его голос такой нежный и осторожный, что я сразу же замираю и поднимаю голову.

Киллиан сжимает свой затылок рукой, его челюсть стиснута. Но он не отводит взгляда, хотя очевидно, хочет это сделать.

— Я... Блядство... — он делает еще один вдох. — Прости меня. За то, как мы познакомились. За то, что меня вырвало на тебя, и я испортил твой газон, — его щеки краснеют, что даже немного мило. — Но больше всего за то, что заставил тебя заботиться о пьяном водителе.

Он стряхивает несколько песчинок с колен.

— Это было отстойно. И я не такой парень, — его темные глаза округляются, и в них мерцают призраки. — Или я не был таким до недавнего времени. У меня просто... в последнее время трудный период, — заканчивает он, бормоча и хмуро глядя на море.

— И ты обратился к бутылке, — не мне его критиковать. И я пытаюсь смягчить свой голос. — Это никогда не помогает, знаешь ли.

Он фыркает.

— О, я знаю, — Киллиан снова бросает на меня взгляд, и его губы изгибаются в горькой улыбке. — Очевидно, что я провалил этот эксперимент.

— Если бы ты провалил его, — говорю я тихо, — то был бы мертв.

Киллиан бледнеет.

— Думаю, ты права, — говорит он очень тихо.

Мы молчим, слушая шум волн и крики чаек. Затем я передаю ему сэндвич.

— Я рада, что ты не умер.

«Рада, что ты здесь. Со мной».

Но у меня не хватает смелости произнести это.

Он качает головой, словно смеется над самим собой, но когда встречается со мной взглядом, в его выражении появляется легкость.

— Я тоже рад, Либерти Белл, — Киллиан наклоняется вперед и глядит на меня. — Теперь мы в порядке?

Кажется, он переполнен надеждой — и немного неуверенностью — что разрушает остатки гнева, оставшегося во мне по отношению к парню. И это слишком пугает меня. Гнев

— отличная стена, которую построила для своей защиты. Я знаю это. Чего я не знаю, так это того, как защитить себя от боли без гнева. Но хочу попытаться.

Так что я улыбаюсь.

— Мы в порядке.

Глава 5

Либби

Мы друзья. Не знаю, как так вышло. Я была настроена ненавидеть Киллиана, но он проделал путь мне под кожу, приложив при этом до неприличия мало усилий. Возможно, так вышло потому, что проходят дни, а парень не оставляет меня. Каким-то образом на следующее утро он завтракает со мной, затем мы проводим вместе весь день, аж до самой ночи. Или, быть может, так получилось потому, что я канула в типичное наслаждение его компанией, а затем стала ждать, когда он снова вернется ко мне. Клянусь, кажется, я жду его даже во сне, а мои мысли поглощены всем, что связано с Киллианом: чем он сейчас занят? О чем думает? Придет ли он снова?

Раздражает то, что до его появления я была удовлетворена абсолютно всем. Моя жизнь шла по плану, и это было удобно. Надежно. Теперь же от этого ничего не осталось. Всё движение запускает лишь ожидание *его* прихода.

Я говорю себе, что не по моей вине так вышло. Не думаю, что на Земле есть человек, способный противостоять этому мужчине. Киллиан словно павлин в мире воробьев. Он ловит мой взгляд и удерживает. Странно, но это даже не похоже на обычный взгляд. Черты лица Киллиана выразительные и сильные; он хорошо выглядит, конечно, но не уникально. И всё же он такой, потому что то, что бы ни делало Киллиана *Киллианом*, освещает парня изнутри и привлекает людей, будто свеча во тьме.

Неопровержимое доказательство в том, что я не одна такая. Сварливая старуха миссис Нилвуд на самом деле светится, когда видит Киллиана, словно он ее любимый внук. Даже несмотря на то, что он роется в ее магазине и очень шумит.

Киллиан оторвал меня от работы и притащил в город. Ненавижу ходить в город, но он скулил и дулся, а затем усмехнулся и стал тыкать пальцем мне в бок, пока я не согласилась подвезти его.

— Ты же не заставишь меня идти пешком всё это расстояние, верно, Либби? — сказал он, одарив меня однобокой улыбкой, той, от которой в уголках его темных глаз появляются морщинки. — Сколько там идти? Как минимум милю. Может, даже две.

— Ты здоровый молодой парень. Выживешь.

— Я здесь новичок. Могу потеряться. Следующее, что тебе стоит знать обо мне — это то, что я немного голоден, а в ослабленном состоянии меня могут съесть дикие, бешеные кролики.

— Кролики? — я не хотела этого, но всё равно засмеялась. — Из всех животных ты выбрал кроликов?

— Ты когда-то смотрела в глаза кролику, Либс? Они просто ждут шанса взять верх. Почему, как думаешь, они всегда нервничают?

— Потому что бояться того, что кто-то съест их на ужин?

— Не-а. Они сговорились. Просто вопрос времени, когда они сделают свой ход.

Припомни мои слова.

Так что вот, мы в магазине миссис Нилвуд. Киллиан скачет от полки к полке, собираясь, кажется, всё здесь потрогать.

— Вот дерьмо, — возмущается он. — Посмотри на это, Либс.

Он указывает на красную бейсболку и затем меряет ее.

— Что думаешь?

Конечно же, ему идет. Даже с этими длинными спутанными волосами. По правде говоря, он очень сексуален в этой бейсболке. Не помогает и то, что потрепанная черная футболка с изображением Стар Ворс обтягивает грудь парня, отображая его крепкие бицепсы и прекрасные изгибы. Тревожные фантазии с участием трейлера и стоянки для фургонов всплывают у меня в голове, и мне приходится дать себе мысленную пощечину, дабы сфокусироваться на насущном вопросе.

Его улыбка выражает тупое счастье, и я не могу сдержать ответную усмешку.

— В твоём духе на все сто процентов. На самом деле, тебе стоит купить ее во всех цветах.

Киллиан указывает на меня.

— Ты тоже получишь одну.

— Ага, но нет.

— Она защитит твою кожу от солнечных ожогов, которых ты так боишься.

Стоя за прилавком, мисс Нилвуд хихикает.

— Так сладко смотреть на вас обоих. Либерти, дорогая, кто твой молодой человек?

Мой молодой человек? Ха.

Из-под козырька бейсболки Киллиан игриво двигает бровями, хотя ему удастся сохранить невозмутимый вид, пока он делает это.

— Это мой новый сосед... — я гляжу на него и осознаю, что не знаю даже фамилию этого парня. Милостивый господь, я пустила в свою жизнь виртуального незнакомца. И стала к нему слишком привязываться.

Киллиан не смотрит на меня, так что, очевидно, не замечает моей паники, пока шагает к прилавку магазина и протягивает руку.

— Киллиан, мэ. Я арендовал дом Кромли на несколько месяцев.

Миссис Нилвуд расцветает, а ее белый пучок волос вздрагивает.

— Добро пожаловать на острова Коллар, мистер Скотт.

Киллиан хмурится так, словно смущен.

— Мистер Скотт?

Миссис Нилвуд одаривает его пронизательным взглядом.

— Я думала, в документе на аренду стояло имя мистера Скотта. Или я ошиблась?

Спина Киллиана застывает от шока. Он, очевидно, не понимал, что в этом городке все сплетничают и суют нос в чужие дела. Но парень быстро приходит в себя, широко и очаровательно улыбаясь старушке.

— Мистер Скотт арендовал его для меня. Пока я путешествовал.

Это странно. Наблюдая за Киллианом, я понимаю, что он говорит правду, и всё же он кажется странно расстроенным. Возможно, он просто ценит свою конфиденциальность. Я его не виню. Каждое лето в своей жизни я провела здесь. Тем не менее, ко мне относятся как

к отшельнице и любопытному объекту.

Я многое скрываю с тех пор, как переехала сюда окончательно. Идея о том, что ждет меня, если я ошибусь и раскрою свои сокровенные секреты, действует на нервы. Я ненавижу вести светские разговоры, всегда ненавидела. Ненавижу неловкость, натяжение кожи и боль в горле от подобных бесед. Уж лучше мне оставаться наедине с самой собой. Именно поэтому я редко бываю в городе.

Киллиан оплачивает свои вещи: гора конфет, чипсы, газировка, безделушки, которые никому не нужны, и кепки, когда звенит дверной колокольчик, и в магазин заходит группка хихикающих девушек.

На вид им, кажется, лет по шестнадцать, и это напоминает мне о том, что я и вправду очень долго скрываюсь, потому что не узнаю ни одну из них. Возле прилавка Киллиан перемещается так, чтобы повернуться спиной к девушкам. Видимо, я бы не заметила этого, если мое внимание не было постоянно приковано к этому парню.

Он спешно благодарит миссис Нилвуд, натянуто улыбается и затем подталкивает меня к двери. И хотя сам не двигается очень быстро, каждый его шаг, кажется, наполнен желанием свалить отсюда. Мне это подходит.

Движущаяся толпа подростков перемещается к проходу с косметикой, и оттуда доносится визг. Определенно они его заметили. Девочки начинают шептаться, пока глядят на его спину, что в целом неудивительно. Киллиан высокий и статный парень. Сексуальный незнакомец. Он мог бы стать чем-то вроде червя на крючке для местного женского населения.

Однако я шокирована, когда Киллиан берет меня за руку и тянет к двери. Не удивительно, что он уходит, странно то, что парень делает вид, будто мы пара. Молча, мы идем вдоль главной улицы, и всё, о чем я могу думать — это его теплая огрубелая ладонь в моей руке. Он держит меня уверенно, но нежно, его шаг замедляется, приспособиваясь к моему нормальному темпу.

Иисусе, мне нужно взять себя в руки. Я не могу втюхаться в этого мужчину. Мы уже выбрали шаблон отношений. Он дразнит, я насмехаюсь. Сама идея о том, что Киллиан узнает о моем влечении к нему, вызывает внутреннюю дрожь. Я никогда не смогу с этим жить. Никогда.

— Это было клевое местечко, — говорит он, отрывая меня от панических мыслей.

— Не думаю, что я когда-нибудь слышала, чтобы магазин миссис Нилвуд был описан как "клевоый". Но если тебе он так понравился, то в этом есть смысл.

Он смотрит на меня, его темные глаза мерцают весельем, хотя губы всё еще сжаты в тонкую линию. Киллиан легонько толкает меня локтем, пока мы идем вдоль улицы.

— Как великодушно с твоей стороны, Либби.

Вот еще одна особенность. Несмотря на его вечный "я своенравная задница" внешний вид, Киллиан, очевидно, хорошо образован. Думаю, лучше меня. Мне хочется спросить у него об этом, но каждый раз, когда речь заходит о чем-то отдаленно личном, он уходит от темы.

— О, эй, — парень останавливается и поворачивается ко мне, одновременно с этим копясь в пакете. — Дам тебе кое-что.

— Черт, нет, — выпаливаю я, когда он достает одну из бейсболок, фиолетовую.

— Теперь, Либби, не выбрасывай ее, пока не примеришь.

До того, как я могу избежать неминуемой участи, он надевает кепку мне на голову. Мы

стоим так близко, что Киллиан словно обнимает меня, когда поднимает руки, чтобы поправить края бейсболки. Достаточно близко, чтобы я ощутила слабый запах мыла от его кожи. Так близко, что приятное тепло омывает меня, и я борюсь с желанием прислониться к нему.

— Вот, — говорит Киллиан. — Ты выглядишь...

Он замолкает. Звук его и моего собственного дыхания становится громче в тишине. Краснея, я поднимаю взгляд. Он прикусывает нижнюю губу, концентрируясь, а эти ровные белые зубы создают маленькие вмятины на роскошном изгибе.

Глаза цвета горячего кофе встречаются с моими, и в ответ мое сердце издает громкое "тыдыщ". Дрожь проходит через мою сердцевину, а тело моментально вспыхивает, так что удивлена, что меня не бросает в пот. Я хочу отвести взгляд, но не могу. Он смотрит на меня, выглядя смущенно, его губы слегка приоткрыты.

Мои собственные же, кажется, наливаются кровью. Я хочу прижать их к его устам и облегчить эту странную боль. Но всё же не двигаюсь. Отчаянно пытаюсь думать, о чем же мы говорили и куда шли.

Откашливаюсь.

— Так как я выгляжу? — мой голос похож на кваканье.

Киллиан моргает и хмурит темные брови. Облизывает нижнюю губу, и я почти поддаюсь порыву. Когда он снова начинает говорить, его глубокий голос похож на гул.

— Мило, — произносит он. — Ты выглядишь мило в этой кепке.

Нежное прикосновение его пальцев, убирающих волосы от моего лица, вызывает озноб.

— Я думал, у тебя серые глаза, — говорит Киллиан, по-прежнему не отступая назад. Нет, он наоборот наклоняется вперед, а его мягкое дыхание ласкает мои губы. — Но сейчас они кажутся зелеными.

Его наблюдение дает мне силы разрушить наш зрительный контакт. Я делаю огромный шаг назад и отвожу взгляд, ощущая болезненный укол в сердце.

— У меня глаза моей мамы. Они меняют цвет в зависимости от освещения. Серые, зеленые, голубые, — я не хочу думать о глазах мамы. Или о том, что вижу их, когда смотрю в зеркало.

Киллиан прикасается к моему локтю. Выражение его лица становится мрачным.

— Они прекрасны, — кажется, будто он собирается сказать что-то еще, но затем группа девушек выходит из магазина, снова хихикая.

И Киллиан напрягается. Я смотрю в их сторону и обнаруживаю, что девочки глазеют на нас. Нет, не на нас. На него. Шушукаясь, они поглядывают на Киллиана и хмурятся.

Я тоже хмурюсь в ответ на их грубость, когда Киллиан игриво ударяет по козырьку моей кепки.

— Пойдем, маленькая дальнобойщица, пора перекусить.

Он снова берет меня за руку и тянет за собой. И тот простой факт, что он ни разу не смотрит в их направлении, заставляет меня поверить, будто парень пытается избежать любого контакта с девушками.

— Ты знаешь одну из них? — спрашиваю я, пока мы спешим к моему внедорожнику.

— Кого?

— Не прикидывайся дурачком. Это тебя не красит. Ты убегаешь от этих девушек так, словно твои яйца горят.

— Звучит довольно болезненно, — он вздрагивает. — На самом деле, больше никогда

не говори о том, что мои яйца горят. Добавь это в наш "Ни за что на свете" список.

— Киллиан, эти девушки. Ты знаешь одну из них?

— Мне двадцать семь. Откуда я должен знать местных девочек-подростков? Или не местных? Это было бы довольно странно.

— Я не знаю откуда. Но они смотрели на тебя так, словно знают. И ты, очевидно, избегал их.

— И кто теперь играет в детектива?

Я останавливаюсь у пассажирской двери своего пикапа. Его рука выскальзывает из моей, но Киллиан поворачивается ко мне лицом. Его хмурое выражение становится мрачным. Я оглядываюсь.

— Расскажи. Мне. Что происходит?

И затем он отшивает меня.

— Всё нормально. Просто... забирайся в машину, ладно?

Указываю на дверь, так как сегодня я за рулем. Он низко и гортанно рычит и дергает дверцу, забрасывая в кабину свои покупки.

И до тех пор, пока мы почти что не доезжаем до дома, он молчит.

— Ладно. Нет, я не знал тех девушек. Но думаю, они могли узнать меня. Или пытались понять, я ли это, — он хмурится и трет подбородок. — Мне не следовало бриться.

— Кто ты такой, что те девочки могли тебя узнать? — Иисус, он что, печально известный преступник, выпущенный условно досрочно? — Киллиан — это вообще твое настоящее имя?

Мой голос пропитан паникой, и парень бросает на меня неторопливый взгляд.

— Да, это мое настоящее имя.

Пикап качается, когда мы едем по грунтовой дороге.

Киллиан хватается рукой за подлокотник.

— Послушай, ты не могла бы съехать на обочину, чтобы мы могли завершить этот разговор? Я не хочу закончить в канаве.

— Ладно, — я сворачиваю на следующую широкую обочину возле общественного пляжа. Атлантический океан простирается справа от нас, темные полосы мерцают в солнечных лучах.

Киллиан морщится от света.

— Меня зовут Киллиан Джеймс.

Я смотрю на него, пытаюсь понять, почему имя звучит так знакомо. И затем озарение настигает меня так неожиданно, что аж ахаю. Вероятно, я выгляжу шокированной, потому что парень поворачивается ко мне и осторожно разглядывает.

Киллиан Джеймс. Вокалист и гитарист группы «Килл-Джон». Самой известной чертовой рок-группы мира. О, боже, мне хочется рассмеяться. Просто слететь с катушек, здесь и сейчас. Из всех мужчин мира судьба свела меня с ним. Рокером. И не каким-нибудь рокером, а одним из величайших звезд нашего поколения.

— У тебя руки гитариста, — произношу я тихо, словно это важно.

Его брови приподнимаются, будто Киллиан побаивается, что я свихнулась.

— Когда ты пожал мне руку, я заметила мозоли, — добавляю я, всё еще шокированная. Иисус, Киллиан Джеймс в моей машине. — И я гадала, музыкант ли ты.

Он опускает взгляд на свои руки, а затем кивает.

— Ага. Музыкант.

А затем парень начинает смеяться и мотать головой.

Жар растекается по моим щекам. Я чувствую себя так глупо, потому что не узнала его. Следом за этим приходит злость на парня за то, что он скрывал это от меня. Потому что, какого хрена, я должна была его узнать? Я почти не захожу в социальные сети. Знаю его голос и песни, но лицо? Не очень-то. И никто бы не ожидал, что рок-бог свалится на их лужайку. Пьяный и растрепанный.

— Почему ты здесь? — давлю я.

Он откидывается назад, опуская голову на подголовник.

— Джакс. Я не смог справиться... — он прикусывает губы, и его щеки сильно краснеют.

Джакс. Солист «Килл-Джон». Я знаю эту историю. В основном потому, что она была во всех вечерних новостях. В прошлом году Джон Блеквуд, то есть Джакс, как прозвали его во всем мире, пытался покончить с собой, выпив слишком много таблеток снотворного. Это стало достоянием общественности и было отвратительно. Из того немного, что я слышала об этом, знаю, что его попытка самоубийства разрушила группу.

— Киллиан... — я протягиваю к нему руку, но он отшатывается, закрываясь в себе.

— Я нашел его, понимаешь? — он смотрит в никуда. — Моего лучшего друга. Брата по духу. Думал, что он умер. После этого... Мы распались. Ничего не ощущалось настоящим или твердым. Мне нужно было убраться оттуда.

— Напиться? — спрашиваю я тихо.

Темные глаза встречаются с моими.

— Тогда была годовщина его попытки. На пути сюда я заехал в бар, — он качает головой. — Я не подумал. Вообще не думал.

Мое сердце болит за него.

— Мне жаль твоего друга. Это ранило тебя.

Он кивает, но всё еще хмурится, глядя на дорогу перед нами.

— Теперь ты знаешь.

Тишина заполняет авто. Я хочу посмотреть на него. Но не могу.

Киллианебаный Джеймс. В моей машине.

Я не одна из тех фанатеющих девочек, которые следят за жизнью членов своих любимых музыкальных групп или преследуют их на каждом шагу. Но я люблю музыку. Для меня музыка — личная часть моей жизни, мое наследие. У меня есть все альбомы «Килл-Джон». Меня поражает то, что за исключением фото Джакса в новостях, я не представляю, как выглядят остальные члены группы — они никогда не делали обложки альбомов со своим фото. Мне хочется спросить об этом у Киллиана. О миллионе вещей.

Но я не спрашиваю. Вместо этого завожу машину и выезжаю на дорогу.

— Поехали, перекусим. А затем я приготовлю тебе знаменитые бабулины клецки и курицу.

Клянусь, он облегченно выдыхает.

И когда говорит, то снова становится старым добрым очаровашкой.

— Звучит подобно раю, Либерти Белл.



Будучи верной своему обещанию, я готовлю для Киллиана курицу и клецки, а также пеку персиковый торт на десерт. Подготовка успокаивает меня. А сегодня вечером мне пригодится спокойствие. Шмели поселились у меня в животе, ударяясь друг об друга и борясь за главенство в этом маленьком месте. Неосознанно я кладу руку на живот на протяжении всего вечера, пытаюсь уговорить их.

Не знаю, что еще могу сделать. Почему на всей Земле он здесь, со мной? Тогда как мог бы зависать с кем угодно. Seriously, я с трудом могу представить богатого и знаменитого человека, который бы отверг Киллиана. Но я? Я колкая, замкнутая и обычная. Довольно скучная женщина, что прячется в своем доме. Таковы факты. Очень раздражает то, что я оцениваю себя. Но я не могу отделаться от этих мыслей. Не понимаю его.

Киллиан, в свою очередь, молчит сегодня вечером, словно он устал. Однако парень не уходит. Спокойно сидит за кухонным столом и наблюдает за мной, полуприкрыв веки.

От этого я лишь сильнее нервничаю и осознаю, что прыгаю то туда, то сюда.

Вот, я снова это сделала, и Киллиан фыркнул.

— Что? — спрашиваю, встречаясь с ним взглядом.

Он указывает пальцем на меня так, словно обвиняет.

— Ты ведешь себя странно.

Я замираю, при этом наливая ему чашку кофе, в результате чего напиток льется через край.

— Дерьмо, — вздрагиваю и сажусь. — Ага. Да.

— Ладно, остановись, — его челюсть сжимается, когда парень отбрасывает в сторону вилку. — Это раздражает меня.

— Прости, — мои руки поднимаются в беспомощном жесте. — Я не хотела. Просто продолжаю думать об этом.

Киллиан Джеймс. На моей кухне. Голова. Кругом.

Он смотрит на меня взглядом, который, кажется, пронизывает насквозь. Болезненные облака клубятся в темных глубинах этих глаз.

— Только не ты, Либерти, — говорит он тихим хриплым голосом. — Ладно? Просто... Не ты.

Мое сердце колотится в груди.

— Ч-что ты имеешь в виду?

Киллиан упирает предплечья о стол, у него усталое выражение лица.

— Ты уже гуглила меня?

— Нет, — в моем голосе слышно раздражение. Конечно, я бы могла впасть в такую нелепую крайность, но не настолько плоха. — Я подумала, что ты бы рассказал мне о себе, если бы захотел.

Он натянуто криво улыбается, словно хочет снять напряжение в комнате, но у него не выходит.

— Моя мама типа тоже известна. Она была топ-моделью. Ее зовут Изабелла, — его губы кривятся. — Она известна *просто* как Изабелла.

— Та самая Изабелла? — говорю я шокированно.

Он бросает на меня косой взгляд.

— Ага, та самая.

Изабелла Вилла — известная супермодель и представительница второго поколения американцев кубинского происхождения. Она великолепна: идеальная золотистая кожа, выразительные скулы, светло-карие глаза и блестящие черные волосы. У Киллиана ее глаза, цвет кожи и харизма. Он, должно быть, унаследовал выразительные черты лица от отца, потому что у Изабеллы были очень тонкие линии лица, как у куклы.

— Ее образ был везде, когда я ходила в старшую школу, — говорю я.

Он трет затылок, морща нос.

— Ага. Попробуй быть подростком, когда у всех ребят висит фото твоей матери в школьном шкафчике.

Одна из фотографий Изабеллы, на которой она одета в бюстгальтер в бриллиантах и трусики в паре с белыми ангельскими крылышками у нее за спиной, пока девушка стоит на подиуме, сразу же приходит мне на ум. Не увлекаюсь женской красотой, но даже я посчитала эти фото неотразимыми.

— Спорю, ты ввязывался в кучу драк.

Улыбка освещает его глаза. Но лишь немного.

— Ты себе даже не представляешь, — невесело смеясь, он качает головой. — Дело в том, что она хорошая мать. Любящая, хоть и немного ветреная.

— А твой отец?

— Киллиан Александр Джеймс второй, — парень криво улыбается. — Я третий. Мой отец — менеджер хедж-фонда. Он познакомился с мамой на благотворительном вечере и влюбился. Они были хорошими родителями, Либс. Ну, настолько хорошими, насколько могли. Но еще они всегда были заняты и много путешествовали. Моя бабушка заботилась обо мне большую часть времени. Она была замечательная, знаешь ли? Не терпела оскорблений, всегда держала меня в узде, занимала делами, научила готовить и всякое такое.

— Она кажется прекрасной женщиной.

Киллиан кивает, но не фокусируется на мне.

— Она умерла два года назад. Я всё еще скучаю по ней. Она вдохновила меня начать группу. Черт, она вдохновила всех нас ввязаться в это. Мы репетировали, а она слушала. Даже когда мы хреново играли, она хвалила нас, — он погружен в себя, а губы недовольно кривятся. — Когда наш альбом стал платиновым, бабушка была первой, к кому я пошел повидаться.

Он прерывает рассказ и хмурится, глядя на поцарапанный кухонный стол. И невольно я протягиваю к нему руку.

Когда мои пальцы касаются его, Киллиан поднимает взгляд.

— Она порхала по квартире, возвращая меня, сдувая с меня пылинки, готовя мне кофе и блинчики. Моя *abuelita*, — шипит он, наклоняясь вперед. — Словно я был какой-то чертов президент или кто-то в этом роде.

Мои пальцы переплетаются с его холодными.

— Мне жаль, Килл.

Он держит меня за руку, но, кажется, не видит.

— Я сидел там, на ее старом диване Честерфилд, на который написал, когда мне было два года, пока она хихикала, и знал, что моя старая жизнь закончена. Я никогда уже не стану прежним. И не важно, чего я хотел, невозможно было провести грань между миром и человеком, которым бы я стал.

— Киллиан...

— Всё не так плохо, Либби. Я живу в мечте, — его губы кривятся. — Но временами охуенно одиноко. Ты начинаешь гадать, кто ты и кем должен быть. Я думаю... дерьмо, знаю, почему Джакс не мог с этим справиться.

И только теперь он встречается со мной глазами.

— Я не хотел рассказывать тебе, кто я, потому что ты смотрела на меня, как на обычного парня.

— Скорее, как на занозу в заднице, — поправляю я, несмело улыбаясь.

— Ага, — произносит он нежно. — И так тоже.

— Ладно, итак, я типа немного... твой фанат. Но всё еще считаю тебя занозой в заднице.

— Правда? — беспокойство в его голосе, взгляде вынуждает меня снова сжать его руку.

— Мой папа был студийным гитаристом, — говорю я. — Играл бэкапы для записей многих известных групп в девяностых, — Киллиан удивленно поднимает голову, но я продолжаю до того, как он успеет заговорить. — Мама же пела на бэк-вокале. Так они и познакомились.

— Черт, это круто.

— Ага, они тоже так думали, — и я всё еще так считаю.

Солнце вставало и садилось для мамы и папы. Они были дуэтом, и радость наполняла меня. Музыка всегда была частью моей жизни. Способом общения. Тишина заполнила мир, когда они умерли.

Пустота угрожает поглотить меня. Я сосредотачиваюсь на настоящем.

— Дело в том, что папа всегда крутился среди известных людей. Он никогда не делал из этого события. Уважал их талант, хорошую работу и этику. Но однажды в студию пришел Дэвид Боуи, и мой отец буквально свалился со своего стула. И не смог спокойно играть, был слишком возбужден. Потому что Боуи был для него кумиром.

Киллиан посмеивается.

— Могу себе представить.

— Ты никогда не встречал ни одного своего кумира? — спрашиваю я.

— Многих, — признается он. — Эдди Веддер был самым значимым. Думаю, я улыбался в течение часа, словно идиот. Он крутой чувак. Приземленный.

— Ну, так вот. Ты — мой Боуи, мой Эдди Веддер.

Начинаю отстраняться, но он несильно тянет меня за руку, так что я наконец вижу блеск в его глазах.

— Я нравлюсь тебе сильнее Эдди.

— Как скажешь, дружок.

Но он прав. Я начинаю думать, что он мне нравится больше кого угодно.



Киллиан просит второй кусок пирога, пока мы сидим на полу, перебирая старые записи папы. Я решила больше не вести себя, как сумасшедшая.

Мы слушаем Джанго Рейнхардта, одного из любимых исполнителей папы.

— Ты знаешь, что он мог использовать только три пальца на левой руке? — говорю Киллиану, когда мы склоняем головы над "LimehouseBlues".

— Один из величайших гитаристов всех времен, — говорит Киллиан, а затем вытаскивает еще один альбом из упаковки и кладет на ковер между нами. "*Фиолетовый дождь*". Теперь мы говорим об офигенно выдающемся гитаристе. — Принц был монстром, таким... непринужденным, но с такой злобной душой.

Опуская голову на свою руку, я улыбаюсь Киллиану.

— Ты когда-то видел настоящий альбом?

Его темные брови изгибаются.

— Нет.

Моя улыбка становится шире, когда он вынимает пластинку из упаковки и его глаза округляются.

— Это же, на хрен, фиолетовый!

То, как его глубокий голос почти переходит на писк, вызывает у меня смех.

— Ага. У меня была такая же реакция, когда в восемь лет я нашла его. Папа так кричал на меня, когда поймал за тем, что я использовала пластинку как поднос под чай для моих кукол.

Киллиан осторожно засовывает фиолетовую пластинку в упаковку.

— Думаю, очень круто, что ты выросла в таком тесном контакте с музыкой. Моя семья оценила бы это, но не так восхищенно, как я сам.

Я угукаю в знак согласия, но печаль от потери держит мой язык за зубами. Жизнь превратилась в тишину с тех пор, как умерли родители. Слишком тихо. Я никогда на самом деле не думала о том, что повернулась спиной к обычной радости наслаждения музыкой, и о том, как сильно это повлияло на меня.

Я с головой погружаюсь в свои мысли и не замечаю, как Киллиан тянется к черной коробке, пока он не открывает ее.

— Нет, не... — мои слова увядают, когда он поднимает потрепанную стопку бумаг.

Его взгляд бросается к первой страничке.

— Что это?

Убейте меня сейчас же. Просто заберите меня отсюда и застрелите. Жар разливается по моей плоти, словно удар сильного огромного кулака.

— Ничего. Просто каракули.

Я пытаюсь выхватить у него стопку бумаг, но парень с легкостью уворачивается от меня, одной, до ужаса длинной рукой удерживая мое плечо, приложив при этом не дюжую гребаную силу.

— Постой, — улыбка начинает растягивать его губы, и Киллиан использует большой палец, чтобы пролистать несколько первых страниц. — Это песни, — темные глаза встречаются с моими. Вспышка удивления появляется в его выражении лица. — Твои песни.

— Откуда ты знаешь, что они мои...

— Ты вывела свое имя вверху каждой странички.

Я плюхаюсь на пол и закрываю глаза рукой.

— Они *были* личными.

Меня встречает тишина, но я не смею открыть глаза. Сейчас я так уязвима. Даже хуже, чем оказаться голой. Потому что окажись я голой с Киллианом, это, по крайней мере, было бы результатом удовольствия. А это? Пытка. Я напряжено сглатываю и сжимаю зубы.

Пол скрипит, и я ощущаю тепло его тела. Его прикосновение осторожно, когда парень убирает мою руку с лица и усмехается.

— Это охуенно здорово. Почему ты смущаешься?

— Ты только что прочитал эквивалент моего дневника. Так почему бы мне не смущаться?

— Ты права. Мне жаль.

— Забавно, но глядя на тебя, я не замечаю сожаления.

Он прикусывает нижнюю губу, очевидно, пытаясь скрыть свою радость.

— Ну, когда я еще наткнусь на подобный этому дневник? — он поднимает стопку бумаг немного выше. — Я просто не могу об этом сожалеть. Это словно отыскать единорога.

— Веришь в единорогов?

— Ха. Перестань менять тему, — Киллиан скрещивает ноги и продолжает листать мои песни, словно чужак, отыскавший давно потерянные главы "Властелина колец". — Почему ты не сказала мне, что пишешь песни?

Я приподнимаюсь и вырываю бумаги у него из рук.

— Это то, что я делала, когда была младше. Хобби, — то, что по словам моих родителей было глупым, никуда не ведущим занятием.

— Последняя песня написана несколько лет назад, — выражение его лица искажается, когда Киллиан наблюдает за тем, как я прячу стопку в коробку и закрываю ее крышкой.

— Здесь нечего стыдиться, Либс.

Вздыхая, я прижимаю руки к крышке коробки.

— Знаю. Честно говоря, я не думала о них уже очень долго. Ладно, после того, как ты сказал мне, кто ты на самом деле, я вспомнила об этом. Но не хотела, чтобы ты что-то этакое подумал.

— Что-то этакое?

Я не могу на него взглянуть.

— Ты справедливо сказал, что я вела себя странно. Так что я никак не могла произнести

что-то типа "О, знаешь, я написала несколько песен!". Это бы прозвучало, словно конченная попытка продать тебе свой хлам. А я бы не стала вести себя так с тобой, Киллиан.

— Либс, — он касается моей руки, вынуждая встретиться с ним взглядом. — Я бы никогда не подумал о тебе ничего подобного.

Я киваю.

— В любом случае, не велико дело. Это было лишь забавы ради.

Хмурое выражение его лица не исчезает, словно парень всё еще жаждет задать ворох вопросов, на которые мне бы не хотелось отвечать.

Паника стягивает мою грудь.

— Я серьезно. Мы можем забыть об этом?

Киллиан глубоко вздыхает.

— Ладно, Либби.

Он осматривается, разглядывая остальные предметы в комнате. И я повторяю за ним. Но до того, как могу ощутить себя еще более неловко, он пожимает плечами и возвращается к копанию в пластинках, словно ничего не случилось.

И я благодарна за это, так как мое зрение уже затуманено слезами и приходится моргнуть, чтобы прояснить взор.

— О, боги, это же "Nevermind", — он поднимает альбом Нирваны и переворачивает его к себе задней стороной обложки. — Господи, я помню, как мы с Джексом открыли для себя "SeattleSound". Словно смесь прекрасной ярости и совершенного высокомерия. Сила всего этого, будто чертовы волны звука, что разбиваются о тебя и вызывают дрожь, — он широко усмехается. — Мы слушали, учились, а затем делали нелепые попытки скопировать их музыку.

Ложась на живот, я опускаю подбородок на ладонь. Внутренне я всё еще потрясена, но разговаривать о легендах рока довольно легко. Почти комфортно.

— Ты не копировал их. Ты нашел свой собственный голос.

Нирвана выпустила альбом "SmellsLikeTeenSpirit". А "Килл-Джон" — альбом "Апатия" боевой клич нашего поколения. "Апатия" заводила так же сильно и быстро, как и "TeenSpirit", но с большей примесью боли и меньшей яростью. Ставя вопрос о том, зачем мы здесь. Песня одиночества и чувства бесполезности.

— Когда мои родители умерли, — произношу я тихо. — Я слушала "Апатию" на повторе в течение недели. И от этого чувствовала себя... Не знаю, немного лучше.

Губы Киллиана приоткрываются от удивления, его взгляд бросается к моему лицу.

— Да? — его голос тих. — Я рад, Либс.

Он протягивает ко мне руку так осторожно, словно боится, что я укушу. Но всё же он смел. Кончики его пальцев касаются моей щеки. И мои веки опускаются, когда я слышу его низкий хриплый голос.

— Если бы я был здесь, то хотел бы утешить тебя.

Тепло растекается по моему животу, просачиваясь наружу. Я бы хотела, чтобы он был со мной. Откашливаясь, открываю глаза.

— Итак, сперва были лишь ты и Джекс?

Киллиан устраивает свою руку на бедре.

— Ага. Мы выросли вместе и затем оба пошли в одну школу-интернат. Там встретили Уипа и Рея.

Я смеюсь.

— Не могу представить тебя в школе-интернате.

Киллиан корчит рожу.

— Я был почти святым, знаешь ли. Хорошие отметки. Следовал правилам.

— Тогда как ты стал рок-звездой?

Он опускает голову, едва качая ею.

— Я не считаю себя рок-звездой. Я — музыкант. Всегда любил музыку и любил ее создавать.

— Если тебе нравится создавать музыку, — спрашиваю я, — то почему ты здесь? Почему не в студии?

Выражение его лица становится непроницаемым.

— Ты не рада, что я здесь?

Я рада тебе и всему, что ты захочешь мне дать.

— Ну, это место наименее вероятное из всех на Земле, где кто-то ожидал бы тебя повстречать, — бросаю я. — Так почему же? Ты скрываешься?

Он фыркает.

— Иисусе, Либс. Что за допрос?

— Это не допрос, — произношу я спокойно. — Это логичный вопрос. И то, что он тебя нервирует, лишь сильнее подтверждает мои догадки.

Киллиан резко поднимается на ноги, сердито глядя на меня.

— Большинство людей прекратили бы давить на меня.

— Ага, я немного раздражающая, — смотрю на него, не моргая.

Он фыркает себе под нос, сжимая ладонями затылок.

— Я не чувствую этого, ясно? — его голые ноги шаркают об пол, когда Киллиан шагает. — Не хочу петь. Не хочу играть. Это просто... пустое место.

— Когда в последний раз ты пытался?

Он раздраженно разводит руки в стороны.

— Я не хочу пытаться прямо сейчас. Просто хочу быть, — он останавливается, глядя на меня через плечо. — Такой ответ тебя устроит? Я не имею права просто существовать хоть одну гребаную секунду?

Я смотрю на него в течение длительного мгновения, а затем медленно поднимаюсь на ноги.

— Ты можешь быть тем, кем хочешь. Тем, кем будешь счастлив. Тебя устраивает такой ответ?

— Ты первая начала этот разговор, — бросает он в ответ, указывая на меня. — Скажи мне прямо сейчас, разве ты сама не прячешься от жизни в этом старом доме? Боже, ты молодая женщина, живущая, словно старуха. Ты даже не позволяешь нам разговаривать о твоём скрытом таланте. Честно, я бы не удивился, если бы узнал, что ты работаешь в порно индустрии.

Медленная дрожь зарождается в глубине моего живота, такая холодная и неприятная.

— Я не хочу с тобой ссориться, — произношу тихо. — Просто хочу, чтобы ты был счастлив. И я не думаю о том, кто ты такой.

— Ага. Ну, вернемся к тебе, детка.

— Ладно, я расстроена.

Он фыркает, упирает руки в бедра и смотрит на меня сверху вниз.

— Спасибо, что сообщила. А то я не заметил.

— Иди к черту, Киллиан.

Его челюсть вздрагивает, а зубы стискиваются.

— Знаешь, что? Похер. Вот правда: я был счастлив, пока не встретил тебя.

Я буквально отшатываюсь от него назад, почти подкошенная его признанием.

Киллиан сжимает руки в кулаки и делает шаг ближе ко мне.

— Я пробыл здесь почти два месяца. А я никогда не останавливался в одном месте так долго. И почему, как думаешь, я всё еще здесь? Местность красивая? Нет. Это я тебя не хочу оставлять.

— Я... Я не... Тебе не следует... — напряженно сглатываю. Нет, нет, нет. Никогда не влюбляйся в музыканта. Не это ли постоянно говорила мама? Он разобьет твое сердце так же легко, как забывают о предыдущем концерте, устремляясь к следующему.

Киллиан кривит губы.

— Это слишком по-настоящему для тебя? Шокирует?

Я вздрагиваю от горечи в его тоне и пытаюсь говорить спокойно.

— То, что ты делаешь, то, как воздействуешь на мир, я могу только отдаленно представить, как приятно это ощущать.

Он снова фыркает, но я продолжаю говорить.

— У меня есть твои альбомы. Я слышала твои песни. В твоей музыке кроется так много жизни. Боже, люди бы убили за такой талант, эту власть над столькими эмоциями. А я... — качаю головой. — Прячась здесь, за нашей дружбой... Я не могу притворяться, будто это правильно, Киллиан. Если бы я так поступала, то не была бы тебе другом.

Он молчит в течение долгих секунд, его лицо подобно камню. А затем парень быстро кивает.

— Понятно, — он оглядывается, словно вдруг проснулся и не понимает, где находится. Его взгляд скользит по моему телу, не задерживаясь ни на чем. — Уже поздно. Мне нужно идти.

До того, как я успеваю вымолвить хоть слово, он уходит. И мне требуются все внутренние силы, чтобы не кричать ему вслед, прося вернуться.

Глава 6

Киллиан

Я держался подальше от Либби в течение нескольких дней. Сомневаясь насчет того, что делать, но продолжая держать дистанцию, пока не успокоюсь. Она ударила меня ниже пояса, когда, в целом, сказала правду. Черт возьми. Но хуже всего было то, что Либс утверждала, будто не хочет, чтобы я использовал ее в виде предлога, дабы остаться.

Извинения? Это последнее в списке поводов для того, чтобы повидать ее. Я был на расстоянии вдоха от поцелуя с ней, когда она смотрела на меня, а ее глаза округлились под той уродливой кепкой. Черт, я хотел поцеловать ее уже несколько дней. Каждый раз, когда смотрел на девушку. Обычно я бы не стал сдерживаться, но наши отношения с Либби сложно назвать обычными.

Я не провожу время с цыпочками. Не провожу время ни с кем. Есть написание песен,

репетиции, звукозапись, выступления в рамках туров, перепихон и сон. Старый добрый круговорот. Я привык зависать с ребятами, но это почти осталось в прошлом, когда наш первый альбом стал платиновым. Отсутствие свободного времени и слишком много внимания к нашим персонам в публичных местах позаботились об этом.

Мне двадцать семь, я мультимиллионер и вокалист-гитарист крупнейшей рок-группы мира, но у меня нет ни малейшего понятия, как завести отношения с женщиной. Можно было бы посмеяться над этим. Но мне не смешно.

Потому что я хочу Либерти Белл.

Дерьмо, я знал, что попал в беду, когда она разделась до простого черного бикини, и я во мгновение стал твердым. Клянусь, она пытается скрыться за одеждой, потому что ее тело сногшибательно. Не в модельном плане — у меня было довольно много моделей. В какой-то момент ты понимаешь, что тело — это просто тело. Особенности — вот совершенно иной зверь.

Упругая кругленькая попка Либерти, нормальной ширины талия и маленькая грудь просто поразили меня. Иисусе, ее сиськи. Они прекрасно поместились бы в моей ладони, такие сладкие торчащие соски буквально умоляли о том, чтобы их пососали.

В тот день на пляже я до безумия хотел прикоснуться к ним руками и губами, так сильно, что почти побежал к океану, лишь бы не наброситься на девушку.

Так что да, у меня проблемы. Она находилась под впечатлением, узнав, кто я такой. Хоть и понимаю, что Либс всё еще симпатизирует мне из-за того, какой я человек, но когда пытаюсь представить ее внутри моего мира, то терплю неудачу. Не потому, что она не подходит ему. А потому что всё, что мне известно о Либби, свидетельствует о том, что она не захочет. Когда ее защита спадает, я вижу, что тоже ей нравлюсь. Но она борется, так отчаянно восстанавливает стены. Ну и что парню с этим делать?

Поэтому я проложил между нами дистанцию в самом буквальном смысле, в котором могу.

Мой мотоцикл вернули из мастерской, и я совершил длительную прогулку вдоль побережья материка, останавливаясь в дешевых мотелях, выезжая в путь с рассветом и делая паузы для перекуса, когда проголодаюсь. Это прекрасно и умиротворяюще. А еще одиноко. Я скучаю по ней. И это странно, так как мы буквально недавно по-настоящему познакомились. Но я ее знаю. После недель вместе, я знаю всё, что связано с Либби.

Знаю, что даже несмотря на то, что эта девушка печет лучшее в мире гребаное печенье и идеальный персиковый пирог — вызывающую у меня стон удовольствия еду — ей нравится лапша рамен с соусом барбекю и маслом, а это реально отвратительное дерьмо. Я знаю, что она любит мультик о Скуби-Ду и по-настоящему пугается во время "жутких" сцен.

И она знает меня. Ей известно, что первый концерт, на который я пошел, был концерт Бритни Спирс, а не группы TheStrokes, как думают все другие — хотя мне хотелось бы, чтобы это было правдой. Она знает, что я ненавижу бобы, не из-за их вкуса, а потому что мне неприятно прокусывать их кожицу.

Мы знаем друг друга. Можем говорить обо всем или ни о чем. И это никогда не надоест и не наскучит. Либби — мой резонанс. Когда я нахожусь с ней рядом, то вдруг становлюсь гиперактивным, словно двигаюсь на совершенно иной частоте. И меня не волнует, что это глупо. Это правда.

Я не в состоянии держаться вдали от нее очень долго. Если мы с ней можем лишь дружить, то я соглашусь на это.

У меня уходит целый день на то, чтобы вернуться домой. Когда пересекаю путь между нашими домами, небо уже затянуто дымкой смеси голубого и кораллово-розового цветов. Мой дом поглотила тьма тени. Золотые потоки света проникают через окна дома Либби, освещая лужайку. Ее силуэт мелькает в окне кухни. Думаю, она готовит нечто невероятное.

Мой мотоцикл приближается к развилке дороги, один путь приведет к ней, второй — к моему дому. Я хочу поехать к Либби так сильно, что мою грудь и живот пронзает физическая боль. Хочу сесть у нее на кухне, ощущая этот успокаивающий запах еды, слушать, как булькает что-то в ее кастрюльках и сковородках, пока девушка, в сущности, болтает ни о чем, и наблюдать за тем, как невероятно завораживающе она двигается по пространству комнаты.

Мне очень хочется этого.

Но я всё-таки поворачиваю к своему дому. И это ранит.

После принятия душа я хватаю бутылку пива и плюхаюсь в большое кресло-качалку на крыльце. Нахожу свой телефон на маленьком столике. Поднимаю его без цели. Пять пропущенных звонков от Скотти и сообщение:

"Джакс готов. Тащи свою задницу в Нью-Йорк".

Ну, на этот раз не готов я. Пишу сообщение в ответ, потому что он не остановится и будет доставать меня.

"Тур начнется лишь через месяц. Так что у нас есть время".

Он отвечает в следующую секунду:

"Ребята хотят вернуться к работе. Они просят меня поставить несколько шоу на более раннее время".

Блядь. Часть меня злится на то, что они не позвонили мне сами. Но я был крайне необщительным. И мы все знаем, что лучший способ заставить наши задницы двигаться — попросить Скотти дать пинок.

Потирая шею, я думаю о том, чего хочу. Либби права, я не могу скрываться вечно. Но я не готов уехать. Пока что нет. Потому отправляю Скотти последнее сообщение:

"Перезвоню тебе через несколько дней".

А затем выключаю телефон.

Сегодня ночью душно, но у меня есть ледяное пиво. Поверх гула цикад слышится брэнчание гитары. Акустическая версия песни "Ты одна" группы TheBlackKeys. Должно быть, это новая запись, так как я не слышал ее прежде.

Но затем я осознаю, что это не запись. Кто-то играет в живую. Либби играет на гитаре. Конечно, это Либби — девушка, выросшая среди музыкантов, которая пишет красивейшие песни, скрывая их от других, словно грязный секрет. Конечно, она скрывала от меня и это.

Я хочу рассердиться на нее, но музыка отвлекает меня. Волоски на руках встают дыбом. Она реально хороша. По-настоящему. Ее стиль такой легкий и плавный, не тяжелый и напряженный, как мой. Более фолковый, чем роковый. Но мне он до пиздеца по душе.

Мои пальцы вздрагивают от желания схватить собственную гитару. Впервые за несколько месяцев я хочу играть. К черту всё, мне *нужно* сыграть, подыграть ей или перенять лидирующую партию. Узнать, на что она способна.

Она плавно переходит на песню "Последний день нашего знакомства" Sinéad O'Connor. Это старая песня, редко звучащая в общественных местах. Но Рей очень увлекся O'Connor, после того как просмотрел ее видео "Nothing Compares 2 U" в каком-то документальном фильме о роке, и мы делали всё возможное, чтобы заставить его выключить ее песни.

Уверен, что он мечтает о девушке с бритой головой.

Воспоминания о Джаксе, бросающем в Рея бутерброд с салями в нашем тур-автобусе после пятисотого раза проигрыша песни “Mandinka”, всплывают у меня перед глазами, вызывая улыбку. И затем Либерти начинает петь.

Бутылка пива выскользывает у меня из рук. *Святое. Дерьмо.*

Ее голос — как растаявшее масло на теплом тосте. Полный тоски, нежности и хрипотцы. Потребности. В нем столько потребности. И боли.

Я вскакиваю на ноги до того, как осознаю это. Захожу в дом и вытягиваю свою акустическую гитару Gibson из чехла. Гриф, такой гладкий и знакомый, касается моей ладони. Ком встает в горле. Христос, я готов заплакать.

Соберись, Джеймс.

Мои пальцы сжимаются вокруг инструмента. Из открытой двери доносится голос Либби, она поет о потере и разлуке с надрывом. Этот голос направляет меня, пускает мое сердце в пляс.

Она не слышит, когда я поднимаюсь на ее порог, открываю дверь в дом. Ее глаза закрыты, а тело изогнулось над гитарой, словно пытаюсь ее защитить. Но в данном положении голос девушки несет в себе столько энергетики, что это впечатляет. Однако выражение ее лица — потерянное, но всё еще спокойное — добивает меня.

Она чувствует музыку, знает, как спеть, и ей это удается в совершенстве.

Я возбуждаюсь лишь от того, что нахожусь рядом с ней. Мои яйца сжимаются, когда она в последний раз со страстью исполняет припев, а ее голос бьет так сильно, словно наковальня. И, клянусь, слыша его, я не могу дышать. Это напоминает мне тот первый раз, когда я пел на сцене и почувствовал, как мир открывает передо мной все свои возможности.

Думаю, в этот момент я немного влюбляюсь в Либерти Белл.

Но затем она замечает меня и вскрикивает, убивая всю красоту последней ноты.

— Иисусе, — говорит она, когда снова приходит в себя. — Ты напугал меня до смерти.

"А ты вернула меня к жизни".

Мысль проносится в голове так ясно, словно чистое стекло. Но я не произношу ее вслух. Я вообще едва способен вымолвить хоть слово. Стою здесь, как идиот, ощущая тяжесть в груди и сжимая гитару так, словно от нее зависит моя жизнь.

Румянец заливает шею и щеки девушки. Она кивает головой, будто стыдится. Ни за что на свете. Я не позволю ей скрываться.

— Красивая, — хриплю я, сглатывая ком в горле. — Ты красивая, — я до жути четко знаю, что никогда в своей жизни не увижу ничего и никого более ошеломляющего. Всё изменилось. Всё.



Либби

Мое сердце всё еще пытается выпрыгнуть из груди после того, как Киллиан меня испугал. Но я медленно успокаиваюсь и сразу после этого чувствую что-то похожее на обиду. Киллиан поймал меня за пением, и это как серпом по яйцам — или какой там женский эквивалент данной фразы.

Несколько дней назад я слышала, как Киллиан уехал на своем мотоцикле, и, когда он не вернулся вечером и на следующий день, мое сердце сжалось, а желудок затопила пустота. Я могла бы подумать, что он уехал в поисках лучшего, вот только Киллиан прикрепил записку к моей входной двери, перед тем как уехать.

"Отправился странствовать на какое-то время. Не делай ничего, чего бы я не сделал — по крайней мере без меня".

Было одновременно больно от того, что он так легко оставил меня в прошлом, и обидно, что даже не позаботился попрощаться лично. Но я ему не сторож. И, очевидно, не могу никого заставить задержаться в моей жизни. Так что я вернулась к своим обычным делам, пытаюсь игнорировать зияющую дыру в животе, и волей-неволей осознавая, что мой "обычный" образ жизни теперь кажется пустым и тихим. Слишком тихим.

Чтобы заполнить эту пустоту, я играла на гитаре и пела. Каждую ночь. А ведь я не делала этого уже много месяцев. Это вызывает воспоминания о родителях, а они так болезненны, словно засохшая рана, которую вы раздираете, несмотря на боль. Или, может быть, ради нее.

А теперь Киллиан вернулся, заполняя дверной проем входной двери моего дома и освещая комнату своим присутствием. Он здесь. Мой персональный магнит. Его притяжение настолько сильное, что мне приходится бороться с желанием вскочить на ноги и броситься навстречу. Бороться с тем, чтобы не улыбаться, словно дура, даже несмотря на то, что мне всё еще больно. Но я хочу усмехнуться, очень хочу. Потому что ОН ЗДЕСЬ.

И от этого всё снова встает на свои места. Хотя одновременно с этим переворачивается весь мой мир.

То, как он смотрит на меня... Черт, это воспаляет, посылает искры и вспышки ко всем моим нервным окончаниям.

Красивая. Он назвал меня красивой, его темные глаза бродят по моему телу так, словно я смысл его жизни, единственный смысл.

И я замираю под прицелом этого сильного взгляда. На лице парня сейчас нет его обычной игривой усмешки. Он кажется почти злым, отчаянным.

Его пальцы крепко сжимают гриф гитары, отчего белеют костяшки.

— Поиграй со мной, Либерти.

Мне стоило ожидать этого, ведь в его руке гитара, но я удивлена, и мой ответ застревает в горле.

Сдавленный звук срывается с уст. Я не могу выступить перед Киллианом Джеймсом. Несмотря на то, что мне уютно с Киллианом, как с мужчиной, Киллиан-музыкант пугает меня до чертиков. Его вокал легендарен — сильный, чистый и властный, цепляющий за крючок вашу душу и утягивающий за собой. Он поет, и вы чувствуете, что эти слова исполняются лично для вас, забирая вашу боль, разочарование, гнев, печаль, радость, ярость и любовь, наполняя взамен этим голосом. И хотя я знаю, что умею петь, мои навыки любительские.

Глаза Киллиана округляются, когда он делает шаг вперед.

— Пожалуйста.

Он стоит в центре комнаты, всё еще сжимая гриф гитары, будто это единственная вещь, которая сохраняет его целостность. Но смотрит он при этом на меня, черты его лица напряжены, грудь вздымается и опадает с каждым глубоким быстрым вдохом.

Он хочет этого. Сильно. Подозреваю, что даже нуждается в этом. Каковы бы ни были его причины, парень отбросил музыку на какое-то время. Но сейчас он жаждет вернуться к ней. Отрицать это чувство для него так же сложно, как для весеннего цветка прорасти через холодный зимний снег.

Я облизываю пересохшие губы и заставляю себя сказать ему всё, что хочу.

— Впервые я пыталась выступить перед кем-то, кроме родителей, на шоу талантов в четвертом классе. Я исполняла песню Битлз "In My Life".

Киллиан начинает улыбаться, но я качаю головой.

— Всё было не очень-то хорошо. Я дрожала так сильно к тому времени, когда вышла на сцену, и думала, что потеряю сознание. Просто стояла там и глазела. А затем услышала, как кто-то хохочет. Так что я убежала и уписалась за кулисами, — гримаса боли искажает мои губы. — Они называли меня Мочезвон до старших классов.

— Ублюдки, — Киллиан хмурится. — А я знаю из достоверного источника, что Джакс уписался во время выступления на празднике в садике. Прямо на сцене.

Моя рука гладит изгиб гитары. Я люблю этот инструмент. Люблю на нем играть. Как так получилось, что этот инструмент также связан со множеством страхов и унижением?

— Во второй раз я попыталась сыграть на сцене в колледже. В ночь открытого микрофона. Даже не доиграла до конца. После нескольких аккордов взяла и убежала.

— Детка...

Я встречаюсь с его грустным взглядом.

— Так что я бросила, Киллиан. Бросила даже пытаться. Бросила мечтать. И части меня стыдно за это. Но другая часть чувствует облегчение. Мои родители были бы счастливы. Они не хотели для меня такой жизни. Говорили, что она слишком жестока.

Челюсть Киллана напрягается, когда он стискивает зубы, и слова с его уст выходят почти как рычание.

— Когда они сказали тебе это?

— С самого начало говорили. Просто сперва я не хотела верить в это.

Он кивает, словно получил для себя некое подтверждение.

— А затем они были рядом, чтобы сказать "Мы же тебе говорили". И ты отбросила свои песни и сосредоточилась на чем-то другом.

Мои пальцы сжимают гитарный гриф.

— Всё было не так.

Я вру. И это жалит.

Взгляд Киллиана не отрывается ни на миг.

— Ты написала те песни, пыталась играть на публику, потому что любишь музыку, как и я. Это в твоей крови, хочешь ты того или нет.

— Да, — шепчу я, потому что не могу ему лгать, когда он смотрит на меня так, словно видит мою душу.

Киллиан делает еще один шаг ближе.

— Сыграй со мной. Посмотри, как здорово это может быть.

— Я не...

— Я никогда не стану насмехаться над тобой, — обещает он страстно. — Никогда. Со мной ты в безопасности, Либби. Ты же знаешь это.

Какая-то струна внутри меня немного ослабляется, дает возможность глубоко вдохнуть. Я сглатываю страх.

— Что ты хочешь сыграть? Одну из твоих песен?

Его напряжение, кажется, покидает парня на выдохе, но при этом он морщит нос.

— Не-а. Кажется немного претенциозным заставлять тебя петь мои песни. Давай исполним что-то из классики. Ради веселья, — он прикусывает нижнюю губу, его брови сходятся на переносице, но через секунду лицо парня озаряется. — Ты знаешь песню Бон Джови "Wanted"?

Я улыбаюсь. Если бы отец был жив, то застонал бы, услышав, что Бон Джови причислили к классике. Но я не могу винить выбор Киллиана. На удивление я вижу в этом возможности. Песня может хорошо звучать в акустической обработке без ударных на бэкапе. И это своего рода дуэт.

— "Deador Alive"? Ага, я ее знаю, — настраиваю струны, подбирая тональность. А затем играю первые несколько нот старой, но знакомой мелодии, от которой невольно начинаю улыбаться.

Киллиан издает счастливый возглас, притягивает ближе стул и начинает вносить собственный вклад. Милостивый господь, просто от вида того, как его большая рука и длинные пальцы двигаются по ладам, как его предплечья бугрятся и изгибаются, у меня во рту пересыхает. Киллиан с гитарой в руках — это, с одной стороны, моя самая грязная фантазия, а с другой — наибольшая девичья мечта.

Мое сердце быстро стучит, ожидание и нервозность струятся по венам. Не могу поверить, что играю вместе с ним. Пою с ним.

Он смотрит на меня, его темные глаза светятся.

— Ты поведешь.

— Что? — мой желудок будто ухает вниз. — Нет. Ни за что. Ты же лидирующий гитарист.

Он смеется.

— Не сегодня. Ты лидируешь. Мы разделим слова, но ты бери первую строфу.

Спустя несколько минут репетиции мы начинаем петь, как договорились. Мои руки так

вспотели, что приходится вытереть их о шорты перед тем, как снова взять гитару в руки.

Голос Киллиана тихо и ободряюще мурлычет.

— Это будет весело, Либерти Белл. Просто отпусти всё и почувствуй.

Делая глубокий вдох, я начинаю. И тут же лажаю. Краснея, снова пытаюсь начать.

Музыка. Просто почувствуй ее.

Ладно. Это я могу.

Я начинаю петь, мямля первые слова, но становясь увереннее, когда Киллиан широко улыбается и кивает, поддерживая меня. Закрывая глаза, я думаю о смысле слов. Песня о музыканте, потрепанном и измученном жизнью. А еще одиноком. О мужчине, который является лишь развлечением для масс.

И это поражает меня. Я открываю глаза и смотрю на Киллиана. Мое сердце болит за него. Но он, кажется, не замечает. Вместо этого парень просто слушает, как я пою. Он подыгрывает мне, заходя на второй куплет. А затем поет.

Голос Киллиана, словно звуковая волна, прокатывается по комнате. Есть разница между тем, чтобы петь в душе и в концертном зале.

Я не попадаю в один аккорд, но быстро прихожу в себя. *Чувствуй музыку.*

Так я и делаю.

И мы поем, просто наслаждаясь.

Превосходный музыкант Киллиан позволяет мне лидировать, поддерживая меня, когда я лажаю. Иногда он что-то меняет, так что я вынуждена следовать за ним, но он делает это с улыбкой, бросая мне вызов выйти за пределы своей коробочки и рискнуть. Игра с ним похожа танец.

И я словно расту, тянусь ввысь, вкладывая всё больше эмоций в свой голос. Я становлюсь солистом, но горжусь этим.

Наши взгляды встречаются, и энергетика, будто языки пламени, лижет меня так, что мурашки бегут по коже, а соски твердеют. Радость в своем первозданном виде наполняет меня, и я улыбаюсь, даже когда пою от всей души. Он усмехается в ответ, пристально глядя на меня блестящими и темными, словно уголь, глазами. И это так заводит, что я хочу отбросить гитару в сторону, броситься к нему на колени и просто взять этого парня. От этого так хочется, чтобы песня никогда не заканчивалась.

Он поет припев, и этот глубокий голос проникает до мозга моих костей, бежит, словно жидкий жар, вверх по моим бедрам. Боже, он прекрасен. Идеален.

Киллиан исполняет гитарное соло, опуская веки и раскачивая свое сильное тело. Все его рельефные мышцы напрягаются и играют под кожей, но парень явно чувствует себя совершенно свободно, всецело отдаваясь песне. Это похоже на секс — наблюдать за тем, как он отпускает всё. И я дрожу.

Песня заканчивается слишком быстро. Я задыхаюсь, моя кожа покрыта потом.

Мы смотрим друг на друга в течение долгой минуты, у меня шумит в ушах так, словно мое тело не может успокоиться после испытанного кайфа.

— Иисусе, — наконец выдаю я.

— Ага, — говорит он, таким же хриплым голосом. — Ага.

Я вздрагиваю, когда ставлю гитару и провожу рукой по волосам.

— Это было... — тяжело вздыхаю. — Как ты мог это бросить?

Пламя в его глазах умирает, и он наклоняет голову, осторожно опуская гитару рядом с собой.

— Каждому бывают нужны перерывы, рано или поздно.

Достаточно справедливо. Я всё еще дрожу.

— Я чувствую себя так, словно пробежала спринт или что-то в этом роде.

— Это адреналин, — его губы изгибаются. — Так бывает, когда ты играешь хорошую музыку. И, Либерти Белл, мы только что сыграли офигенно хорошую музыку.

Жар растекается по моим щекам.

— Это всё был ты.

— Нет, — произносит он нежно. — Это мы, — Киллиан смотрит на гитару рядом со мной. — Хочешь еще?

Хочу ли? Я не уверена. Это кажется опасным, вызывающим зависимость. Если я поддамся один раз, то смогу ли потом жить без этого?

Киллиан смотрит на меня спокойной, когда наклоняется вперед, его тело напрягается. Ожидая. Я не могу устоять перед ним. Начинаю думать, что никогда не смогу.

Так что беру в руки гитару.

— Конечно. Ты знаешь песню "Безразличие" Pearl Jam?

Счастье озаряет светом его темные глаза.

— Снова с Эдди? — он качает головой, но на щеках парня появляются ямочки. — Спорь сколько хочешь, Либс, но ты знаешь, что я тебе нравлюсь.

Больше, чем просто нравится. И это еще одна проблема.

— В любое время, как захочешь сыграть одну из твоих песен, просто дай мне знать, — говорю я беспечно. — И тогда ты пересмотришь свое отношение ко мне.

Длинные пряди волос скрывают от меня его глаза, пока Киллиан играет несколько аккордов, но я слышу улыбку в его голосе.

— Возможно, это случится очень скоро.

Эти слова, кажется, полны надежды.

Глава 7

Киллиан

Посреди ночи происходят сразу три вещи: моя комната озаряется вспышкой молнии, за ней следует раскат грома, и слышится громкий, пронзительный крик Либби. Я вскакиваю с кровати так резко, словно кто-то дернул меня за яйца, оторвав задницу от матраса. Мое сердце стучит так, что может выпрыгнуть из груди.

Когда молния ударяет во второй раз, я уже сижу ровно, шаря взглядом по темной комнате, и пытаюсь понять, что, черт побери, происходит. Затем я вспоминаю крик. Либби.

Еще один удар молнии и раскат грома с очередным криком в унисон. Того факта, что я слышу ее крик, находясь в доме через дорогу, достаточно, чтобы мое сердце замерло.

— Господи, — ужас с примесью гнева выталкивает меня из постели и вынуждает потянуться к единственному имеющемуся у меня оружию — гитаре Гибсон. По крайней мере, она твердая, и я смогу выбить всё дерьмо из тех, кто обижает Либби.

Бросаюсь из дома на улицу в невероятную грозу, из-за которой я едва ли способен хоть что-то видеть. Ледяной дождь бьет по моей коже, когда я бегу, хлюпая ногами по грязным песчаным лужам.

Я уже почти возле живой изгороди, когда еще одна впечатляющая молния прорезает темноту. Но отчаянный крик из дома Либби придает мне сил мчаться вперед.

— Либби! — не стесняясь, я толкаю ногой дверь ее дома.

Меня встречает темнота. Либби всё еще орет, и этот звук разрывает меня в клочья. Мои босые ноги шлепают по полу, когда я бегу к ее комнате.

Я тоже кричу, словно ебаный раненый зверь. Адреналин и поток ярости пылают во мне. Поднимая гитару над головой, словно дубинку, и готовясь треснуть нападающего по голове, я на мгновение замираю, когда наконец-то вхожу в ее комнату.

Либби сидит на кровати, дико глядя перед собой и всё еще крича. Но больше в комнате никого нет.

С секунду я просто стою, держа гитару над головой, с волос капает вода, а моя грудь вздымается и опадает. А затем мой разум снова начинает работать, и я медленно опускаю свою Гибсон.

— Либби?

Не знаю, слышит ли она меня за своими криками. Теперь ее возгласы звучат чаще, и она раскачивается взад-вперед. Звук выбивает меня из колеи, разрывает сердце. Все волоски на моем теле встают дыбом, будто в знак протеста. Это ненормально.

— Либби, — я опускаю гитару и крадусь к девушке. — Детка, прекрати.

Она меня не слышит. Не думаю, что видит.

Ночные кошмары. Это поражает меня, словно свалившийся на голову кирпич. Мама рассказывала, что они мучили меня, и говорила, что было практически невозможно меня успокоить. Я совсем не помню этого, но она говорила, что было ужасно. И теперь я ей, блядь, верю.

На данный момент, игнорируя отчаянные крики Либби, я иду и закрываю входные двери. Когда возвращаюсь в комнату, девушка в том же состоянии, но я направляюсь к окну, которое она оставила открытым. После того как закрываю его и задергиваю шторы, иду в ванную и включаю свет, оставляя дверь открытой достаточно, чтобы спальня была освещена, но свет не разбудил Либби.

Возможно, из-за освещения или того, что теперь звуки шторма стали тише, Либби вдруг глубоко вдыхает, а затем всхлипывает.

— Либби? — шепчу я, медленно шагая к ней. — Куколка?

Всё ее тело вздрагивает, и она моргает. Еще один всхлип покидает ее.

— Киллиан? — у нее шокированный голос. — Что ты делаешь в моей комнате?

Я подхожу к ней, словно к тикающей бомбе. Мое сердце всё никак не может успокоиться, и я начинаю дрожать. Но сосредотачиваюсь на Либби.

— Ты кричала, Либс. Я думал, на тебя напали.

Она поднимает дрожащую руку ко лбу, закрываясь от меня.

— Я... гроза... — она сворачивается в клубочек, прижимая ноги к груди.

Я не могу больше ждать. Сажусь рядом с ней и притягиваю девушку ближе. Она покрыта потом и такая теплая, словно печка, в моих объятиях.

— Всё в порядке, Либс. Я здесь.

— Господи, — она кладет липкую ладонь на мою руку. — Ты промок. И замерз.

Я увереннее хватаюсь за нее, потому что Либби такая теплая и мягкая. И, да, я охуенно замерз. Но правда в том, что мне нужно обнимать ее прямо сейчас, нужно ощутить физическое доказательство того, что она в безопасности.

— Не знаю, заметила ли ты, — говорю спиритворным легкомыслием, — но там дождь из коров и кур.

Она фыркает напротив моей кожи.

— Из коров и кур?

— Мы же в фермерском селении, Либс, — выдаю я. — Здесь не падают с неба коты и собаки (*прим. пер. — в англ. языке фраза "льет как из ведра" в дословном переводе звучит как "дождь из котов и собак". Киллан видоизменил эту фразу на "дождь из коров и кур"*).

Я чувствую, как она улыбается напротив моей груди.

— Мы скорее выращиваем овощи и фрукты, чем держим коров. Может, ты видел заполненное томатами небо?

— Ну, может, меня и треснула по голове какая-то летающая руккола. На улице слишком ветрено, чтобы сказать достоверно.

Словно в подтверждение моих слов, порыв ветра врывается в окно, и весь дом, кажется, вздрагивает.

Либби прижимается ближе, и ее теплые руки скользят по моей коже.

— И ты выбежал в этот овощной шторм, даже не одевшись?

— По крикам казалось, что тебя здесь убивают, — ворчу я. — Что я должен был делать? — черт, уверен, что пройду через огонь и воду, чтобы спасти ее, если девушка снова так заорет.

— Так ты, голый и вооруженный гитарой, бросился на место возможного убийства, — она замирает. — Ты голый? Я не могу вспомнить.

— Но ты запомнила гитару?

— Я думала, ты собираешься выбить мне ею мозги.

— Миленько. Вот какую благодарность я получаю за свой могучий героизм.

— Давай сосредоточимся на важном. Пожалуйста, скажи, что ты не голый.

Я усмехаюсь.

— Я не скажу тебе этого, — на мне боксеры, но дразнить Либби так весело.

Ни один из нас не двигается. Я — из-за того, что довольно сильно замерз. А Либби? Несмотря на ее очевидный страх моей наготы, она прижимается к моему боку, словно возбуждена.

— Ты борешься с желанием взглянуть вниз и проверить, голый ли я? — произношу в темноте. Мой член приподнимается, словно знает, что стал темой нашего разговора и хочет выглядеть как можно лучше.

— Я уже видела твои прелести, Килл, — произносит она без эмоций.

Я сжимаю ее плечо.

— А это значит, что тебе известно то, насколько они хороши.

Ну, не совсем так. Она видела меня в ужасном состоянии. Мой член снова вздрагивает, словно протестует против этой несправедливости и требует еще одного раунда смотрин. Я приказываю ему успокоиться. Этому не бывать.

Но Либби уже отстраняется, ее тело напряжено.

— Тебе стоит вытереться. Твоя кожа холодная, как лед.

— Ага, — провожу рукой по мокрым волосам. Я дрожу, а это плохо. Но, тем не менее, не хочу уходить. Хоть и должен. Во мне больше нет нужды. Сдерживая вздох, я встаю, но она даже не поворачивает голову в мою сторону, так что не видит этого. Очаровательно. Знаю, Либс хочет проверить, голый ли я. Борюсь с дрожью, произношу. — Тогда я оставлю тебя,

чтобы ты могла поспать.

— Нет, — ее голос почти переходит в крик, и я останавливаюсь.

Она не поднимает взгляда, но ее руки тянутся вверх, умоляя меня остановиться.

— Ты не мог бы... ну то есть, ты мог бы, возможно, вытереться у меня в ванной? И просто... — она издает такой звук, будто задыхается. — Я имею в виду, что на улице дождь.

Улыбка растягивает мои губы.

— Ты хочешь, чтобы я остался, Либ?

«Боже, пожалуйста, позволь мне остаться. Я, пиздец, как замерз. А моя кровать пуста».

— Ага, — шепчет она.

Я готов нырнуть под одеяло прямо здесь и сейчас. Но не могу.

— Либби, детка, я должен быть с тобой честен. Я не голый, но на мне лишь боксеры. Так что утром я могу проснуться со стояком. Черт, могу возбуждаться просто от физического контакта с тобой, — мне и вправду грозит жесткий стояк, как только я окажусь с ней в одной постели. — Просто не хочу, чтобы ты ударила меня по яйцам, если подобное вдруг случится.

Уголок ее губ приподнимается в усмешке.

— Киллиан не может контролировать свой член. Принято к сведению.

— О, у меня исключительный самоконтроль. Я мастер...

— Твои зубы стучат, — вставляет она вежливо. — Просто вытрись и забирайся в чертову кровать.

Ей не нужно повторять это дважды. Я тащу свою задницу в ванную и вытираюсь полотенцами. Через пять секунд проскальзываю под одеяло и всем телом обнимаю сладкую и теплую Либберти.



Либби

Киллиан, холодный как лед, забирается ко мне в постель, но и это не останавливает меня от того, чтобы броситься в его объятия. Ночной кошмар всё еще тревожит меня, посылая дрожь через тело. Впервые за несколько лет я не проснулась в темноте одна. В горле встает ком при мысли о том, что Киллиан бросился в ливень, вооружившись лишь своей гитарой.

Он дрожит рядом со мной и зарывается поглубже под одеяло. Я борюсь с улыбкой, пока помогаю ему укрыться. Его ноги касаются моих, и я вскрикиваю.

— Черт, ты холодный, — потребуется немало труда, чтобы отогреть его заледенелые стопы.

— Я не понимал, насколько замерз, пока ты не сказала об этом, — бормочет он, а затем вздыхает, когда я поправляю одеяло вокруг его шеи.

Мне стоило бы расстроиться из-за того факта, что Киллиан лежит со мной в одной кровати, а наши носы почти соприкасаются. Но я так рада, что он здесь, что даже не могу ни о чем больше думать. Гроза бушует на улице, и от каждого раската грома или молнии моя спина напрягается. Но здесь, с Киллианом, я чувствую себя в безопасности.

— Я влюблен в твои подушки, — сообщает он, словно, между прочим. — Я тебе уже это говорил?

— Нет, — я пытаюсь расслабиться, но дрожь у меня в животе никак не утихает. — Извращенец.

Он снова вздыхает.

— Они просто охренительно удобные. Почему они такие?

— Это подушка из суспензии, которая помнит форму твоей головы. Я заплатила за каждую по двести долларов. Не суди меня. Моя кровать — мое святилище.

Его глаза мерцают, словно темные звезды в ночи.

— Почему я должен тебя судить? Я за то, чтобы проводить четверть жизни в постели, — он улыбается. — Фактически, я собираюсь заказать такие же утром.

Я начинаю хохотать, а затем, к своему ужасу, всхлипываю.

— Эй, — мурлычет он. — Эй, иди сюда.

Киллиан притягивает меня ближе. Так, чтобы моя макушка оказалась у него под подбородком. Я чувствую его выпуклость напротив своего живота, но сейчас не настроена думать о сексе. Парень, словно якорь, — стена между мной и пустотой. Его сильные руки крепко держат меня.

Прошло так много времени с тех пор, как я ощущала простые человеческие объятия, поэтому сейчас я полностью раскисла.

Не могу остановиться, продолжая отвратительно всхлипывать.

— Я просто так... одинока. Они никогда не вернутся. Знаю, я уже взрослая и не должна сходить с ума из-за этого. У многих людей нет родителей. Но они были единственными, кто знал меня по-настоящему. А теперь не осталось никого.

— Это не так, — шепчет он сердито. — У тебя есть я. У тебя *есть* я, Либерти.

Но надолго ли? И в какой роли? Я не могу спросить. Всё это и так слишком. Стресс от того, что проснулась во время грозы, одиночество — всё дерьмо, которое я так пытаюсь игнорировать, сваливается на меня. Я плачу, пока не остается слез. Это некрасивые и громкие рыдания. И Киллиан держит меня всё это время, глядя по спине и бормоча бессмысленные слова мне на ухо. Он теплый, гладкий и живой.

В какой-то момент я засыпаю, измотанная и уставшая. Когда просыпаюсь, уже утро, и я одна. Мое горло болит, а в глазах жжение. Кровать слишком теплая, воздух тяжелый и затхлый. Я бреду в ванную и вздрагиваю, когда бросаю взгляд на свои отекающие глаза и неровную кожу.

Холодный душ хорошо помогает в вопросе моего возрождения к жизни. Я чищу зубы, натягиваю майку и шорты. Мои влажные волосы придают комфортную прохладу, но воздух всё еще слишком жаркий. И здесь слишком тихо. Я осознаю, что электричество отрубили, и вздыхаю, шаркая на кухню.

Останавливаюсь от вида широкой спины Киллиана, стоящего у моей столешницы. Без рубашки, в одних армейских шортах, которые низко висят на его бедрах и туго обтягивают зад, он движется с некой грацией. Мгновение я люблюсь тем, как перекатываются под загорелой кожей его мышцы, такие упругие и крепкие, и тем, как его длинные босые ступни изгибаются, когда парень переносит вес с ноги на ногу, чтобы схватить пару вилок. Странно, что я гляжу на его ноги, но почему-то это кажется мне очень интимным.

Он, должно быть, ощущает мой взгляд, потому что поворачивается и нежно смотрит в ответ.

— Привет. Электричество отрубили. Я приготовил фруктовый салат. Если так можно назвать нарезанные персики, апельсины и один банан, потому что это всё, что было.

Он очарователен. Тем не менее, я замираю в кухонном проеме. Думая о том, как слетела с катушек прошлой ночью. Никто не видел меня в подобном состоянии с детских лет. Даже мои родители. Возможно, Киллиан замечает мое смущение, потому что ставит на стол большую миску с крупно нарезанными фруктами и протягивает вилку.

— Сегодня мы должны наесться до отвала. А затем сыграть в веселую игру с водным пшангом, — он нахально улыбается мне. — Ты даже не представляешь, как сильно я жду возможности отомстить.

— Ага, спорю, что так, — я беру кусочек спелого персика. — И не важно, что таким образом я приобщилась к общественным работам.

— Не волнуйся, Элли Мэй. Я буду милостив. Или что-то типа того.

Мы усмехаемся друг другу, словно идиоты, а затем его телефон приглушенно звонит из кармана шорт. Улыбка Киллиана увядает, когда он достает и отключает мобильник.

— Ты даже не посмотришь, кто звонил? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами и накалывает на вилку кусочек персика.

— Мне и не надо. Это рингтон Скотти, моего менеджера.

— И ты не хочешь с ним говорить?

— Не сейчас, — парень гоняет по тарелке кусочки фруктов, словно играет в какую-то игру. — Он просто хочет поговорить о делах и... — Киллиан широко и фальшиво улыбается мне. Гнев и раздражение мерцает в его глазах. — Я в отпуске.

— Ну, тогда всё верно, — я пытаюсь дразниться, но мой язык становится деревянным.

Еда свинцом оседает у меня в желудке. Его менеджер хочет, чтобы он вернулся. Это же очевидно. Независимо от того, что Киллиан жаждет насладиться отдыхом, настоящая жизнь всё еще ждет его. И в конце концов, я потеряю его.

— Спасибо, кстати, — хриплю я, преодолевая боль в горле.

Он качает головой.

— Это ужасный фруктовый салат, детка. И мы оба это знаем.

— Нет, я имею в виду за то, что ты... здесь.

Киллиан смотрит на меня с минуту, его брови хмурятся, а затем он опускает ладонь поверх моей руки. Она теплая и тяжелая, а его пожатие нежное, но сильное.

— Спасибо, что позволяешь мне это.

Иисусе. Я вот-вот могу прицепиться к его руке и разреветься. Мне нужно взять себя в руки. Я поднимаю вверх кусочек изуродованного апельсина.

— Знаешь, добавлять фрукты с кожурой- интересная идея.

Его губы кривятся.

— А что на счет семечек, Марта Стюарт? Они тебе не мешают? — он бросается в меня

косточкой до того, как успеваю ответить.

Пока я готовлюсь к ответному броску бананом, напряжение в моей груди немного спадает. С этим я могу справиться.

Глава 8

Либби

Обычно после шторма всё остывает, земля начинает понемногу дышать. Но здесь не так. Жара, словно толстое одеяло, ложится на землю, душит и придавливает всё на своем пути, превращая мир во влажный, вязкий и медленный хаос. В таком состоянии остается только купаться. Хотя ходить на пляж тоже бесполезно. Полное летнее солнце нагревает песок, и как только ты выходишь из вод океана, сразу запекаешься в жаре воздуха и почвы.

Так что я, развалившись на диване в тени террасы, время от времени краду кусочек быстротающего льда из наполненного переносного холодильника. На мне хлопковые шорты и тонкая майка, потому как в такую жару что-то большее было бы слишком. А благодаря моим маленьким сиськам, я могу позволить себе отказаться от лифчика.

Или, может быть, нет. Меня очень сильно раздражает то, как пронизанная резиночками ткань впивается во влажную кожу, подчеркивая мои формы. Но что я могу поделать? Я не готова страдать от этой жары еще сильнее, натягивая больше одежды. Если Киллиана это смущает, то так тому и быть.

В любом случае, он не смотрит на меня. Килл развалился на полу, брэнча на гитаре и попивая приготовленный мной лимонад. Неспешная тягучая мелодия убаюкивает меня, и я то засыпаю, то просыпаюсь.

— Если погода не наладится к завтрашнему дню, — говорит он, вытягивая меня из оцепенения. — Мы просто уедем в отель в Уилмингтоне.

Я даже не забочусь о том, чтобы открыть глаза.

— Она наладится.

Судя по издаваемым звукам, Киллиан раздражен.

— Нам стоило уехать еще сегодня утром.

— Мы не могли знать, что всё затянется так надолго. К тому же, солнце уже садится. Скоро станет прохладнее.

Киллиан хмыкает, что может служить знаком согласия или звуковым эквивалентом закатывания глаз. Но меня это не волнует. Мне слишком жарко.

Жар внутри и снаружи. В данном состоянии я должна быть вялой. Но это не так. Я неутомима. Густое тяжелое тепло скользит вокруг, лаская мою кожу и привлекая к себе внимание. Я ощущаю, как опадает и поднимается моя грудь с каждым новым вдохом. Пот стекает вдоль моего позвоночника, лед, которым я медленно тру по груди, тает и ручейками стекает по впадинке на груди.

Но дело не в погоде. Не совсем в ней. Проблема в сидящем напротив Киллиане, одетом лишь в пару низко висящих на бедрах шорт, и в поте, что покрывает его и блестит на упругой груди. Дело в глубоком звуке его голоса, таком прекрасном, что мои соски торчат, а между ног возникает ноющее ощущение.

Я ерзаю, ненавидя пульсирующий там жар, влажность и нужду. Мне приходится

боротся с желанием выгнуть спину и выпятить грудь, обратив тем самым внимание на свои соски. Хочется умолять.

Киллиан тихо поет красивую песню, которую я никогда до этого не слышала. Сосредотачиваюсь на словах. Они о мужчине, у которого нет цели, и, пресытившись жизнью, он находит утешение в улыбке женщины. О сексе, ленивом и томном, который длится в течение нескольких дней.

Я хочу сказать парню петть о чем-нибудь другом. И всё же не желаю, чтобы Киллиан останавливался.

Но он смолкает. Смолкает и начинает петть снова. И я осознаю, что он сочиняет. Мою кожу покалывает.

— Новая песня? — бормочу я, когда он делает паузу, перебирая несколько аккордов. Он пишет песни с тех пор, как впервые сыграл со мной несколько дней назад. И для меня крайне волнительно быть свидетелем сего действия. Когда его посещает вдохновение, песня рождается на свет быстро и стремительно. Но Киллиану нужен отклик, чтобы кто-то поработал вместе с ним над ней. Он рассказал, что обычно эта роль отводится Джаксу. Вот только Джек сейчас не здесь, так что эта задача ложится на мои плечи.

После второй сочиненной им песни я начала приспособливаться к данной работенке. И поэтому теперь тихо повторяю припев, ощущая суть слов.

— Всё хорошо. Но, может, слово "жаждать" заменить на "страстно желать"?

Я пою припев снова, пробуя заменить слова.

Молчание.

А затем слышится его хриплый, грубый голос.

— Прекрасно.

Я поворачиваю голову. Его взор прожигает меня, эти темные глаза мерцают жаром. Мой желудок ухает вниз и сжимается.

Килл не отводит взгляда.

— Твой голос такой охренительно красивый, Либерти Белл. Словно воскресный секс.

Прерывистое дыхание срывается с моих уст.

Боже, его темный взгляд будто бы раздевает меня. И это так приятно.

— Тебе следует использовать это, — хриплю я, преодолевая ком в горле. — Словно воскресный секс. Хорошее сравнение для песни.

Киллиан фыркает.

— Прими комплимент, куколка.

— Куколка? — я сердито смотрю в потолок. — Ты пытаешься разозлить меня?

— Честно? Просто вырвалось.

Я бросаю на него шокированный взгляд. Он даже не вздрагивает, поворачиваясь ко мне, тем самым словно бросая вызов опровергнуть любые его заявления.

Смотреть на Киллиана так, словно хочешь сказать "отвали", довольно непросто. Его глаза слишком выразительные. Одно малейшее движение этих густых темных бровей передает целое предложение. Мы разговариваем, даже не произнося ни слова:

"Давай же, признайся, что тебе нравится это прозвище".

"Нет".

"Врунишка. Оно тебе нравится".

"А тебе бы понравилось, если бы тебя называли куколкой?"

"Зависит от обстоятельств. Мы голые в данном сценарии? Если да, то ты можешь"

называть меня так, как захочешь".

Ладно, вероятно, я сама придумала последнее предложение. Еще одна проблема от гляделок с Килланом — я слишком четко ощущаю его сексуальность. И против нее у меня нет защитных стен. Его точеные черты лица, особенно немного пухлая нижняя губа, направляют мои мысли в сторону секса.

Возможно, парень догадывается об этом, так как вдруг смеется, тихо и лениво.

— Я выиграл, — говорит он, играя аккорд В на своей гитаре, словно победную ноту.

Я закатываю глаза, пытаюсь не улыбнуться.

— Валяй, напиши об этом песню, красавчик.

— Скажи еще пару слов о моей красоте, и я так и сделаю. Только используй более конкретные детали моей внешности.

Он ловит кубик льда, который я в него бросаю, и втягивает его в рот, посасывая и издавая звуки удовольствия. Мышцы внизу моего живота сжимаются в ответ на этот шум, и мне приходится сдерживать стон, зажмурив глаза. Боже, этот рот. Теперь он явно холодный. А моя кожа такая горячая. Я облизываю пересохшие губы.

— Ты тянешь резину.

Он фыркает, но затем играет несколько аккордов и снова останавливается.

— Ты была права.

Я открываю один глаз.

— На счет?

Он сосредоточен на гитаре, лениво играя только что придуманную песню.

— Я скрывался.

Его признание рушится на меня так, как камень падает в пруд. Водная рябь проносится по моему телу, и я сажусь, чтобы просто ощутить землю под ногами.

Киллиан медленно качает головой.

— Я вижу этот взгляд, Либс. Я не собирался использовать тебя в роли развлечения. Но всё же не желал возвращаться к реальности. После того как я нашел Джакса, всё стало казаться ложью, — его рука гладит изгиб гитары. — Играя с тобой, я вспомнил. Музыка настоящая.

— И всегда такой останется, — хриплю я, а затем откашливаюсь. — Я рада, что ты вспомнил об этом.

Его пальцы напрягаются на грифе гитары, а тело наклоняется вперед, словно он собирается подняться.

— Ты разбудила меня, Либби. И ты должна это знать.

Даже не представляю, что ответить. Поэтому наклоняю голову, предаваясь жаре и влажности.

— Ты бы нашел свой путь и без меня. Музыка — неотъемлемая часть тебя, так что ты не можешь жить без нее очень долго.

— Возможно, — он не говорит ничего в течение нескольких минут. И когда наконец нарушает молчание, его голос пропитан болью. — Я должен вернуться.

Мои пальцы зарываются в подушку дивана.

— Когда?

— Мы отправляемся в тур осенью.

Одно короткое предложение, и я разорвана на части. Мне так сложно сложить слова воедино, но я справляюсь.

— Для вас это будет к лучшему. И твои фанаты будут так рады.

— Рады, — говорит он. — Ага, думаю, что так.

Киллиан хмурится, глядя на что-то вдалеке, проводит рукой по волосам, и его пальцы застревают в длинных прядях. Он бормочет несколько слов, до того как откидывается на спинку кресла.

— Я могу подстричь их.

Что я мелю? Мне придется подойти к нему достаточно близко, чтобы сделать это. Глупо. Но напряженность в отношениях между нами — это так неправильно, слишком неловко и неприятно. Не знаю, мы на грани ссоры или вот-вот воспламенимся.

Возможно, он думает о том же, потому что немного хмурится.

— Ты умеешь стричь?

— Я стригла папу. У меня остались ножницы.

Заткнись, и будь что будет.

Киллиан ставит на пол гитару.

— Ладно. Это было бы здорово.

Он кажется немного напряженным, как и я. Такая тупая идея. Но теперь уже никуда не денешься.



Я иду за ножницами, пока Киллиан вытягивает стул и садится на него.

Его большое мускулистое тело напрягается, как гитарная струна, когда я возвращаюсь. В свете уходящего за горизонт солнца его кожа приобретает медово-золотистый оттенок, тени играют на впадинках и выпуклостях его рельефного торса. Мои шаги замедляются, словно я могу отсрочить неизбежное, стоя здесь прямо перед ним. Но я не могу избежать этого, не сказав вслух о том, чего хочу. А я ни за что этого не сделаю.

Так что берусь за дело, раскладываю ножницы, расческу, гребень. Темные глаза Киллиана следят за моими движениями, выражение лица слишком суровое. Его это тоже беспокоит? Похоже на то. Интересно, по той же причине, что и меня? Или, возможно, он волнуется, что я стану подбивать к нему клинья?

Мне хочется засмеяться. Когда всё стало так сложно?

— Хочешь надеть ее, чтобы волосы не остались на всем твоём теле? — спрашиваю, поднимая накидку, которую принесла с собой.

Он качает головой.

— Мне и так слишком жарко.

Верно.

Я откашливаюсь.

— Есть пожелания по стилистике стрижки?

Он смотрит на меня так, словно я разговариваю на греческом.

— Стилистике?

— Ага. Это как бы важно, так как от стрижки зависит твой внешний вид.

Он пожимает плечами.

— Делай, что хочешь.

Я поднимаю ножницы.

— Значит... Маллет (*прим. пер. — стрижка, когда волосы сзади оставляют существенно длиннее, чем по бокам*), — я киваю. — Будешь выглядеть очень сексуально. Словно ты родом из восемьдесят пятого года. Возможно, мне удастся уговорить тебя еще и на усы.

— Ха, — он морщит нос. — Ладно. Постриги их короче.

Правда, всё это — словно вырывание жала у змеи.

— Может, попробуем прическу Ченнинга Татума?

Одна темная бровь изгибается.

— Ну, знаешь, как в «Супер Майке»?

Киллиан усмехается.

— Из всех его фильмов ты выбрала именно этот? Ни фиги себе!

— Заткнись, — хлопая парня по плечу, я двигаюсь позади него и пытаюсь расчесать спутанные пряди. — Ты сделал вид, что вообще не знаешь, кто это.

Киллиан фыркает.

— Не знаю его? Да мы с ним зависали вместе пару раз. Просто хотел понять, каким *ты* видишь его.

— Ну, теперь ты знаешь. Для меня он полуголый парень, крутящийся в танце.

И хотя мне видно лишь край щеки Киллиана, я знаю, что он корчит рожу. Так что невольно начинаю улыбаться. Опуская руку на теплое плечо парня, я наклоняюсь и встречаюсь с ним взглядом.

— Ты так и не ответил.

Он смотрит на меня в течение секунды, а затем моргает и откашливается.

— Ты достала.

— Значит стрижка в стиле Ченнинга.

И вот опять это царственное выражение презрения, что так хорошо дается Киллиану, появляется на его лице. Его темные брови приподнимаются и сходятся на середине, а ноздри расширяются, словно он что-то нюхает.

— Ты сделаешь стрижку в стиле Киллиана Джеймса, детка, запомни это.

Я начинаю работать над задней частью его головы.

— Не слишком ли высокомерно?

— Мужчина, который стрижется в стиле, названном в честь другого мужчины, вовсе не является мужчиной.

Длинная прядь шелковистых волос падает на деревянный пол.

— Ну, раз ты так говоришь.

Мы погружаемся в молчание, и это ошибка. Так как теперь я не могу не заметить, как

близко стою к нему, или что чувствую, пропуская между пальцами его густые волосы, и то, как моя грудь зависает у его виска, когда перехожу к стрижке по бокам.

Сейчас мне следовало бы поднять свои защитные стены от Киллиана. Реально следовало бы. Но если не брать в расчет ебнутую прошлую ночь, то я никогда не была к нему так близко в течение столь длительного отрезка времени. Жар от его кожи источает аромат — неопределенный, но приятный. Мой рот наполняется слюной, и приходится напряженно сглотнуть, чтобы не начать пускать слюни, как какое-то пресмыкающееся. Его дыхание, ритмичное и шумное, привлекает к себе мое внимание.

Возбуждение. Я слышу его. Чувствую. Возбуждение витает вокруг нас. Нарушает мою фокусировку на деле, поэтому не удивительно, что я нечаянно криво отрезаю прядь волос, двигая ножницами быстро и невпопад. К счастью, он попросил постричь его коротко, так что я могу исправить это. Прикусывая губу, сосредотачиваюсь на своей задаче, игнорируя самого парня.

Или, по крайней мере, пытаюсь игнорировать.

Чем больше волос я срезаю, тем отчетливее выделяются скулы на его лице. Киллиан выглядел офигенно привлекательно с длинными волосами. Но короткие? Он — произведение искусства. Благодаря острым скулам, квадратной челюсти и ровному выразительному носу, он кажется почти слишком суровым, если бы не эти прекрасные глаза.

Мои губы изгибаются, когда я думаю о том, чтобы сделать комплимент его глазам. Он бы возненавидел это.

— Что забавного? — его хриплый голос привлекает мое внимание.

— Ничего, — я осторожно стригу над линией ушей.

— *Либби...*

Он не собирается оставлять эту тему. Ему по душе цепляться к мелочам.

— Я просто подумала, что у тебя красивые глаза, — бормочу, ощущая, как краснеет лицо.

Он издает булькающий звук.

— Ты флиртуешь со мной, Либс?

Я не встречаюсь с ним взглядом.

— Констатирую факт. И ты знаешь, что они красивы.

Эти темные глаза наблюдают за мной, пока я заканчиваю работать над основной формой стрижки.

— Я ничего не знаю, — произносит он тихо.

Наши взгляды наконец встречаются. Мы всего в тридцати сантиметрах друг от друга, а воздух между нами такой горячий и влажный. Трудно дышать, сложно не отвернуться. На заднем плане слышно, как гудят вечерние цикады. Киллиан напряженно сглатывает, отыскивая в моих глазах какой-то подтекст. Я не знаю, что сказать. Все воспоминания о неловких, неуклюжих свиданиях с привлекательными мужчинами, которые только у меня были, проплывают перед глазами. Я крайне невезуча в этом плане.

Моргая, смотрю перед собой и провожу пальцами по его волосам. Я оставила их немного более длинными на макушке.

— Мне нужно лишь сформировать вот здесь, и готово, — мой голос звучит хрипло и прерывисто.

— Ладно, — отвечает он таким же хриплым голосом.

Я хмурюсь, сердясь на себя, пока продолжаю стричь. Эту пытку пора заканчивать до

того, как я совершу что-то глупое. Становлюсь между его бедрами, чтобы завершить работу над передней частью его волос. Ошибка. Теперь лицо Киллиана всего в паре сантиметров от моей груди.

Его плечи напрягаются. И клянусь, парень перестает дышать. Или, может, это я перестала. Тишина обрушивается на нас вместе с тем, как заканчивается песня цикад. Никто не движется и не произносит ни слова.

А затем всё меняется.

Не важно, что его пальцы едва скользят по моей майке. В ту секунду, как он прикасается ко мне, мое тело напрягается, а затем вибрирует, словно камертон, по которому только что ударили. Пульс останавливается, дыхание перехватывает, а потом сердце начинает бешено колотиться. Ножницы дрожат в руке, а затем скользят через его волосы, издавая громкий звук. Кончики его пальцев осторожно прижимаются к линии между моими шортами и майкой, удерживая меня на месте, так как я невольно начала немного раскачиваться.

На секунду мои глаза закрываются. Я могла бы отойти, сказать ему отвалить. Но не делаю этого. Легкое, но такое ощутимое прикосновение посылает тепло и пульсирующую потребность через всё мое тело. Мне так приятно, что почти начинаю хныкать. Я сглатываю и продолжаю стричь его волосы, теперь чувствуя себя менее уверенной, но всё еще полной решимости закончить начатое.

Ни один из нас не признает тот факт, что он прикасается ко мне. Мы не произносим ни слова, когда его пальцы медленно начинают двигаться под мою майку, скользя по голой коже. Но, Иисусе, я чувствую это, и мои колени угрожают подогнуться.

Его руки лениво перемещаются, словно парень просто наслаждается, ощущая меня. Как будто он вправе ко мне прикасаться.

И вот я больше не могу притворяться. Ножницы издают звон, когда я опускаю их на стол.

Киллиан откидывает голову назад, глядя на меня снизу вверх. В выражении его лица есть что-то почти вызывающее, так что я не могу встретиться с ним взглядом.

— Что ты делаешь? — шепчу я, слыша стук собственного сердца.

— Прикасаюсь к тебе, — он нежно гладит мою кожу и вздыхает, словно это дарит ему райское наслаждение.

— Зачем? — квакаю я, потому что, видимо, утратила свой чертов разум.

Голос Киллиана нежен, почти задумчив.

— В последнее время я думал лишь о том, как коснусь тебя, — низкий звук срывается с его уст, словно парень смеется над самим собой. — Больше не могу продолжать отговаривать себя от этого. Да и не хочу.

Мои руки дрожат, дыхание становится быстрым и прерывистым, когда он медленно и нежно играет пальцами по изгибам моей талии. Его глаза горят, взгляд устремлен на мою грудь, которая вздрагивает всё чаще. Соски твердеют, желая получить еще больше внимания.

Киллиан протяжно и тихо выдыхает, но сейчас я так сильно сосредоточена на нем, что этот звук словно взрыв бомбы для моих ушей.

— Ты когда-нибудь думала об этом? — спрашивает он шепотом. — Размышляла о том, каково это было бы? Ты и я?

— Да, — мой голос тише шепота, потому что, кажется, я утратила дар речи. Но Киллиан слышит. Свет мерцает в его глазах, а пальцы цепляются за талию и притягивают меня ближе.

Я, словно только этого и ждала, седлаю его бедра, соприкасаясь с существенной жесткой выпуклостью в районе его паха. Мне хочется потереться о нее, но решаю, что еще не время. Киллиан издает низкий гортанный стон, пододвигая меня ближе, перемещая руки на бедра так, словно переживает, что я сбегу. Да ни за что.

В течение мгновения мы просто дышим, глядя друг на друга так, будто пытаемся понять то, как оказались в таком положении. Киллиан смотрит на меня, выражение его лица расслабленное, но сосредоточенное. А затем его ладони накрывают мои щеки. Огромные руки с огрубелой кожей. Я хочу поцеловать каждую мозоль. Но не двигаюсь.

Кончиком большого пальца он прикасается к моей нижней губе. Его задумчивый взгляд наблюдает за тем, как палец скользит от одного уголка рта к другому и обратно. Мои губы открываются, выпуская поверхностный возбужденный выдох. Я почти до боли хочу, чтобы он меня поцеловал. Но он не делает этого.

Его пальцы движутся вниз по моей шее, посылая мурашки по коже. А взгляд наблюдает за движением руки. Когда она достигает ключицы, Киллиан останавливается. Его взгляд скользит ниже, и рычание вырывается из груди. Такое жадное и нетерпеливое. Он толкается бедрами вперед, двигаясь медленно, словно уже находится внутри меня.

— Ты весь день дразнила меня этой тонкой пародией на майку, — бормочет он, его голос такой мрачный и хриплый. Я хнычу, ерзая у него на коленях. Мне так жарко, что я едва могу это вынести. Его руки накрывают мою попку, слегка сжимая, а затем Киллиан передвигает меня чуть выше, тогда как сам немного ниже опускается на сидении.

Стул скрипит в знак протеста. Но Киллиан игнорирует это, шире разводя ноги и устраивая меня у себя на коленях. Я хватаюсь за его крепкие плечи, пока темный взгляд блуждает по всему моему телу. Его дыхание скользит по моей коже, а рот оказывается невыносимо близко к ноющим соскам.

— Ты едва прикрыла эту сладкую грудь. Теперь-то ты покажешь мне ее, а, Либби?

Боже, его голос. Словно плавленный сахар, липкий и насыщенный, он покрывает мою кожу. Темная магия руководствует моим телом. Я немного раскачиваюсь, желая прижаться к нему сильнее, стараясь продержаться как можно дольше, потому что болезненное ожидание так сладостно.

— Ты ведь хочешь, чтобы я взглянул на тебя, Либби?

Я могу лишь издать сдавленный звук.

— Да, думаю, хочешь, — его пальцы вздрагивают у меня на боках, а прожигающий, полный потребности взгляд опускается к моей груди. — Опустить свою майку, куколка. Покажи мне то, о чем я мечтаю уже несколько недель.

Звук моего собственного хныканья заводит еще сильнее. Его стояк толкается напротив моей попки. Я прерывисто вдыхаю и медленно поднимаю руки к бретелькам на плечах. Тонкий хлопок легко сползает вниз по моей руке. Я стягиваю бретельку со второго плеча, и майка скользит по груди, как будто лаская меня.

Дыхание Киллиана становится прерывистым, его губы приоткрываются, будто парню не хватает кислорода.

Майка доходит до моих сосков и цепляется за них.

Мы оба замираем. Тепло лижет мою кожу, словно пламя, и я выгибаю спину, приподнимая грудь вверх. В результате майка спадает к талии.

Киллиан протяжно и гортанно стонет.

— Черт, да. Такая офигенно красивая, — его мягкие губы касаются одного припухшего

соска. — Я знал, что они окажутся именно такими.

Он проводит приоткрытыми губами вверх и вниз, лаская мою дрожащую плоть. Кончик его языка шелкает, пробуя мою кожу на вкус, отчего всё тело вздрагивает.

Гудящий звук удовольствия доносится из его груди.

— Тебе нравится?

Я извиваюсь, когда он лениво осыпает поцелуями грудь, одновременно с тем двигая большими ладонями вдоль моей спины.

— Да, — шепчу в ответ.

Киллиан снова издает этот звук, а затем наклоняет голову и всасывает мой сосок. Я стону, выгибая всё тело. И на этом все разговоры прекращаются. Остается лишь играющий с моими сосками рот Киллиана. Он сжимает ладонями мою небольшую грудь. Сперва нежно, но затем более грубо.

Сосет, лижет, щипает и кусает, словно это его самая любимая игрушка во всем мире. А я в это время раскачиваюсь напротив его твердого члена. Шов джинсовых шорт трется о мою чувствительную плоть, и так сильно хочется кончить, что приходится стиснуть зубы.

— Киллиан, — его имя больше походит на нуждающееся хныканье.

Но в ответ он поднимает на меня взгляд. Я так потеряна в ощущениях, что не замечаю, как движутся его руки, пока они не оказываются в моих волосах, притягивая меня ближе к нему. Мы встречаемся на полпути, наш поцелуй страстный, глубокий и хаотичный, но он поражает прямо в сердце, словно мы оба знали, что именно так всё и будет. Словно мы уже делали это раньше.

И, тем не менее, каждое прикосновение наших губ и каждое проникновение его языка в моем рте кажутся чем-то неизведанным, ярким и безумно сексуальным, посылающим импульс по всему моему телу. Каждый раз.

Я растворяюсь в этом поцелуе, погружаюсь в его пучину, нуждаясь в большем, намного большем. Тело горит, покрывается потом. Киллиан буквально источает тепло, а я жажду быть еще ближе к нему. Кожа к коже. Скольжение и ласки.

Мои руки оборачиваются вокруг его шеи, а пальцы зарываются в недавно постриженные волосы. Соприкосновение моей ноющей от боли груди с его твердой как камень грудью вызывает у нас обоих одновременный стон. Он хватается за мои плечи и крепко удерживает на месте.

Не знаю, как долго мы остаемся в данном положении, зажимаясь, словно подростки в темноте. Но это длится достаточно долго для того, чтобы моя голова пошла кругом, а плоть превратилась в один большой пульсирующий комок желания. Достаточно долго, чтобы моя челюсть начала болеть, а губы припухли.

И когда Киллиан наконец отстраняется, то делает это буквально на пару миллиметров. Его губы всё еще касаются моих, пока мы пытаемся отдышаться, ощущая, как трепещут наши тела.

— Нам давным-давно стоило это сделать, — произносит он напротив моих уст.

— Дни напролет, — я касаюсь его подбородка, легонько целуя опухшие губы.

Его веки немного опускаются, длинные ресницы касаются щек. А затем Килл поднимает на меня взгляд, потираясь кончиком своего носа о мой.

— Я знал, что это будет так приятно. Мне не стоило сдерживаться с того первого раза, как захотел я тебя поцеловать.

— Когда это было?

Кажется, что всё вокруг замедляется, становится ленивым и неспешным. Его прикосновения, мои. Я прячу лицо в изгибе его шеи, вдыхая запах кожи Киллиана.

Он улыбается легко и самодовольно.

— Когда ты угрожала меня застрелить.

— Тогда я ненавидела тебя.

Низкий гул раздается вибрациями по его груди.

— Да ладно, ты считала меня неотразимым. Ты бы мне уступила.

— Я скорее бы тебя укусила.

— Укуси меня сейчас.

Этот хриплый шепот вынуждает меня начать двигаться. Я прикусываю его пухлую нижнюю губу, нежно дергая ее, и Киллиан стонет, притягивая меня и проскальзывая своим языком навстречу моему.

— Скажи, что ты тоже хочешь этого, куколка.

— Хочу, чего? — я не могу думать, голова кажется такой тяжелой, а конечности неподвижными.

Его темные глаза встречаются с моими.

— Всего.

Мои пальцы дрожат, когда я провожу ими по линии его брови. Веки парня опускаются, его голова наклоняется навстречу моему прикосновению. И я целую уголок его глаза.

— Только с тобой.

Глава 9

Киллиан

Когда я беру Либби на руки, кажется, что она почти ничего не весит, но мои колени подгибаются, когда натыкаюсь на кровать. Я почти не вижу, куда иду. Не могу прекратить ее целовать. Боже, какой же замечательный у нее вкус. Я даже не хочу останавливаться.

Мы валимся на кровать, я защищаю ее от удара, а затем зависаю над ее телом.

Но она жадная девочка, поэтому дергает меня вниз, оборачивая свои длинные ноги вокруг моей талии, и потирается о мой член. Я уже люблю всё это. То, как она целует меня, словно невероятно сучала по этому. То, как гладит мою кожу, одновременно нежно и властно.

Не подумайте, что я самовлюблен, но меня реально обожают миллионы. За мной бегало бесчисленное количество женщин. Но я никогда не чувствовал себя таким желанным, как сейчас. Находиться на сцене — это зависимость, но по сравнению с этим, сцена — ничто.

Мои пальцы шарят по застежке ее джинсовых шорт. Либби приподнимает свою сладкую попку, помогая мне снять их. Мы оба задыхаемся. Слишком жарко, чтобы заниматься подобным. Но меня это не волнует. Я ни за что не остановлюсь. Прямо сейчас я так сильно хочу ее, что едва могу четко видеть.

Шорты летят через мое плечо, и я прокладываю дорожку из поцелуев вдоль худенького тела Либби, задерживаясь в районе груди, потому что эта область больше других нуждается в поклонении. Я могу провести так всю ночь. Но замечаю боковым зрением то, что еще ждет меня.

Не могу оказаться там достаточно быстро, потому спешно сажусь на кровати и осторожно развожу ее ноги, освобождая себе место. Жар лижет мою кожу, и яйца напрягаются.

— О, боже, у тебя такая маленькая миленькая киска.

Голова Либби резко поднимается, она смотрит на меня сверху вниз.

— *Не* называй ее *миленькой*.

— Но это так, — напеваю я, оставляя нежный поцелуй на ее розовом бутоне, наслаждаясь тем, как ее тело вздрагивает от моего прикосновения. Я довольно урчу. — Такая охренительно миленькая.

Она шлепается обратно на подушку, ее голос еле слышен.

— Ладно. Как хочешь.

Я знаю, ей это нравится. Каждое грязное слово, что срывается с моих уст, лишь сильнее возбуждает девушку. Костяшками пальцев я поглаживаю ее половые губки, они блестят от влаги. Мой голос низкий и хриплый.

— Нам нужно поработать над тем, чтобы мой член оказался здесь.

Она хнычет, выгибая бедра и пытаясь следовать за моими прикосновениями.

Я же толкаюсь собственными бедрами напротив матраса.

— Эта маленькая киска окажется такой тугой.

Иисусе, я почти кончаю. Мое дыхание прерывистое, а голова немного идет кругом. Опускаю голову. И плаксивый стон покидает Либби, когда я нежно всасываю ее клитор. Черт, я тоже стону, потому что ее вкус подобен вкусу ириса — насыщенный, сладкий и чертовски совершенный.

Всё погружается в туман, густой и темный. Мою кожу покалывает: она горит и покрывается мурашками. Не существует ничего, кроме меня и ощущения плоти Либби под моим языком, ее стонов в моих ушах, тихих похныкиваний и соков, которые я втягиваю в рот. Мои ладони цепляются за ее округлые бедра, удерживая их на месте, пока Либс пытается ерзать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Киллиан... Боже.

Я отстраняюсь, наслаждаясь тем, какой возбужденной она стала из-за меня, а затем улыбаюсь ей.

— Я отвечу за обоих для тебя.

Милое рычание покидает ее губы. Рука Либби быстро цепляется за мой затылок и притягивает голову ближе.

— Еще.

Я тихо и с удовольствием смеюсь.

— Да, мэм.

Когда она кончает мне на язык, а мои пальцы погружены в ее тугую щелочку, — это великолепно. Всё ее тело выгибается, отдаваясь удовольствию, грудь приподнимается, а кожа блестит от влаги.

Либби падает обратно на матрас, слегка сжимая в кулаки простыни.

— Ебать.

— Скоро, куколка, — я пытаюсь стянуть с себя штаны, потому что мне очень нужно оказаться внутри нее.

Либби валяется на кровати, наблюдая за мной. И я останавливаюсь, разглядывая ее. Мое

дыхание замирает в груди, и я не могу сдержаться, чтобы не провести ладонью по ее бедру.

— Смотрю на тебя, такую влажную и готовую для меня. Такую охренительно красивую. И мое сердце болит.

Ее грудь вздрагивает, когда девушка хихикает. Хихикает. Я заставил свою девочку-затворницу хихикать.

— Только сердце болит? — спрашивает она.

— О, мой член тоже побаливает, — я накрываю его ладонью. Он такой твердый, такой тяжелый. — Он нуждается в объятиях.

Ее улыбка светится, как солнце, распространяя тепло по моей коже.

— Иди сюда, — говорит она.

И я слушаюсь.

Кровать скрипит, когда стягиваю шорты и отбрасываю их в сторону. Мои руки охренеть как дрожат, когда я наклоняюсь к ней. Член толкается напротив ее киски, и при этом Либс смотрит на меня. Когда наши взгляды встречаются, мое горло сжимается.

— Либби.

Она прикасается к моей щеке, но затем хмурится.

— Постой.

Я замираю. Думаю, мое сердце превращается в ледышку. Мне хочется умолять, но когда я произношу слова, то голос надламывается.

— Что такое?

Прошу, только не говори, что ты передумала.

Она слабо улыбается мне.

— А ты не забыл о кое-чем?

Кое-чем? Понятия не имею, о чем она. Мой член взял на себя весь умственный процесс и буквально орет "впустите меня!"

Ее брови приподнимаются.

— Презерватив?

Реальность ебашит о мою голову. Моргая, я гляжу на Либби за мгновение до того, как протяжно и болезненно стону.

— Вот же блядство.



Либби

Некая большая часть меня хочет рассмеяться над страдальческим выражением лица Киллиана. Но большая часть желает рыдать. Потому что очевидно: у него нет презерватива.

Его голова понуро опускается на мое плечо, когда парень вздыхает.

— Дерьмо. У меня нет... Они не были нужны мне до этого.

Назовите меня ревнивой шлюхой, но тепло наполняет мою грудь.

— Как и мне.

Он легонько меня сжимает.

— Я не планировал это. То есть, конечно, я фантазировал об этом постоянно. Это да. Но не думал, что подобное случится сегодня.

Эти слова вынуждают меня любить парня даже сильнее. Я обнимаю его широкие плечи и целую в щеку.

— Знаю.

Если бы у меня была хоть капля здравого смысла, я бы сама запаслась впрок.

— Я чист, — говорит он почти с надеждой. — Никогда раньше не трахался без презерватива. Регулярно делаю тесты. Мне стоило сказать об этом раньше.

— Мне тоже, — я немного ерзаю под ним, потому что тело Киллиана так приятно ощущать напротив моего. Кончик его члена такой широкий и горячий. Мне реально больно от того, что он не может в меня толкнуться, ведь я так сильно этого хочу. — Но я не принимаю противозачаточных.

Он вздыхает и, словно не может сдержаться, толкается немного вперед. Толстая головка проникает в меня. Мы оба издаем звуки желания. Я закрываю глаза и облизываю припухшие губы.

— Киллиан...

— Только кончик, детка, — шепчет он, наполовину смеясь, наполовину стеноя. — Клянусь, я буду вести себя хорошо.

Я тоже смеюсь. Не сильно, потому что почти готова согласиться. Но он не проникает глубже.

Его тело вздрагивает, а мышцы сильно напрягаются.

— Я схожу в магазин.

— Нет электричества. Он закрыт.

Киллиан хнычет, его щека соприкасается с моей.

— Я сейчас разревусь.

Я фыркаю, но разделяю с ним чувства. Мне тоже хочется заплакать.

— Я серьезно, — ворчит он, извиваясь. — Непрерывно орущий мужик-младенец, — Киллиан со стоном скатывается с меня и плюхается на спину. Голый, с блестящей от пота кожей, он так красив, что мне приходится схватиться за простыни, чтобы не запрыгнуть на него.

Глубоко вздыхая, Киллиан закрывает глаза предплечьем.

— Просто дай мне минутку. Или шесть. Или убей меня. Что может быть лучше.

— Драма-мама, — я смеюсь, а затем набрасываюсь на него.

Он ловит меня, издавая странный ухающий звук, и его руки мгновенно оборачиваются вокруг меня. Я целую влажную кожу на шее, соленой и вкусной, и Киллиан стонет.

— Либби. Ты правда меня убиваешь.

— Ммм... — я целую вдоль его подбородка. — То, что мы не можем трахнуться, еще не значит, что мы не можем заняться другими вещами.

Он скользит рукой вниз по моей спине, притягивая ближе.

— Не произноси "*трахаться*" этим сексуальным голосом. А то я могу кончить прямо здесь и сейчас.

Я прикусываю кожу на его подбородке.

— Я не против.

Он хмурится, щипая меня в ответ.

— Но я против. Это унижительно, — Киллиан слегка улыбается. — По крайней мере до того, как я доставлю удовольствие тебе.

— Ты уже это сделал. И очень хорошо, — я неспешно целую парня в губы, потом отстраняюсь, наслаждаясь тем, как он тянется ко мне, желая большего. И я дарю ему еще один поцелуй. — Теперь дай мне доставить удовольствие и тебе.

Его бедра двигаются напротив моего живота, толстый член подпрыгивает.

— Это не отнимет у тебя много усилий, — он толкает меня локтем немного сильнее. — Просто возьми его в рот. И немного оближи. Я взорвусь, как чертов вулкан.

Я улыбаюсь, когда скольжу губами по его груди. Руки Киллиана зарываются в мои волосы, располагаясь на затылке, но не надавливая, а скорее удерживая. Его пресс напрягается, рельефные мышцы бугрятся. Я могла бы прикасаться к нему дни напролет.

Мой язык ныряет в его пупок, и Киллиан стонет, а его тело натягивается, как струна. Но когда я опускаюсь ниже, голова парня резко поднимается.

— Либс, постой...

Он смолкает, когда я оказываюсь в миллиметре от его члена. И глазеет на меня, как испуганная рыба.

— Гм... — говорю я.

А затем вспоминаю шутку, которую однажды слышала в школе. О Киллиане. Одна девушка на вечеринке назвала его Не Килл-ми-ан (*в дословном переводе — Не-Убивай-Меня*). Она, смеясь, пояснила группе его поклонниц, что у парня такой толстый и длинный член, что каждая, кого он трахает, может быть расколота напополам. Я не хочу думать о Киллиане и других женщинах. Совсем. Но доказательство ее слов смотрит на меня прямо сейчас.

Он приподнимается на локтях, отчего его пресс становится еще более привлекательным. Килл тяжело дышит, а его грудь блестит в вечернем свете.

— Ага, так вот.

Я поднимаю дрожащую руку, перебивая его.

— Просто... позволь мне с ним познакомиться.

Его член достаточно большой, чтобы дать ему имя. Возможно, даже адрес. Конечно, я видела его раньше, но тогда эта часть его тела болталась, а сам парень был до чертиков пьян. Теперь же его стояк твердый и толкается вверх, будто умоляя о ласке.

Я приручаю этого зверя, осторожно проводя рукой по шелковистой коже, горячей длине, пока он вздрагивает. У Килла очень красивый член, немного смуглый, прямой и с широким и гладким кончиком. Прекрасно. Может, он на стероидах? Потому что просто...

Я не могу обхватить пальцами всю его толщину, и от этого моя киска сжимается в предвкушении. Я могу себе представить, как его стояк проникает в меня. Грубо, в унисон с нашими неистовыми стонами и гортанными криками. Я снова сжимаю его длину. Он такой твердый.

— Мы не будем спешить, — хрипит он почти отчаянно, пока я медленно провожу рукой

вверх-вниз и вокруг основания головки.

— Ладно, — бормочу я.

— И ты не должна... Ох, черт, как же хорошо, — стонет он, когда я склоняюсь и всасываю в рот толстый кончик члена. Он наполняет весь мой рот, головка касается нёба. И я тоже стону, потому что мне *очень* нравится сосать его. Это лучше, чем должно бы быть.

Киллиан бормочет под нос ругательства, несвязно умоляя, пока я работаю ртом, посасывая и поглаживая, хотя мне так и не удается принять его полностью. Я так возбуждена, что не могу не ерзать на месте. Взгляд на него, на его сильные, поднятые над головой руки, что хватаются за изголовье моей кровати, на выпуклые кубики пресса и раскачивающиеся бедра- всё это посылает волну тепла через мое тело. Я всасываю его глубже, облизывая языком вокруг головки.

И его темные брови сходятся на переносице, а губы приоткрываются, пока он шепчет мое имя раз за разом. Крепкие бедра Киллиана скользят вдоль моего тела, с силой потираясь о мою киску. И я стону напротив его члена.

Мы кончаем вместе, удовольствие Киллиана изливается мне в рот, тогда как мои соки размазываются по его бедру, о которое я всё еще бесстыдно трусь. Продолжаю сосать, пока его член не становится мягче напротив моего языка. Он тяжело дышит, когда я отстраняюсь и опускаю голову на его упругий живот.

Его руки гладят меня по волосам.

— Я умер, — шепчет он, а затем тянет меня вверх, обнимая. Его губы находят мои. — Ты убила меня.

Я глажу его влажный от пота висок.

— Хорошо. Тогда я могу делать с тобой, что захочу, всю ночь. И ты не станешь протестовать.

— Делай всё, что пожелаешь. Я просто буду лежать здесь и наслаждаться.

Может, у нас и нет чертовых презервативов, но Киллиан доставляет мне удовольствие в течение нескольких часов, пока я не проваливаюсь в сон без сновидений рядом с его телом, прижатым к моему. Но даже засыпая, я хочу бодрствовать. Потому что ощущение этого счастья не может быть реальным. Оно не может длиться и дальше. Или может?

Глава 10

Киллиан

Подушка у меня под головой... охренительно волшебная. То есть да, и вправду. Словно пушистое облачко или что-то в этом роде.

Я был здесь раньше. В этой кровати. На этой подушке. От этих воспоминаний я полностью просыпаюсь. Целую Либби. Прикасаюсь к Либби. Она разбивает меня на части и затем собирает в кучу.

Ее голова покоится на подушке рядом со мной, а серо-зеленые глаза встречаются с моими.

И моя грудь наполняется теплом.

— Привет.

Ее голос нежен и слегка хрипловат.

— Привет.

Наши тела переплетены. Я не замечал этого до данного момента. Это кажется таким естественным: я именно там, где должен быть. Касаюсь ее щеки, зарываю пальцы в мягкие волосы и притягиваю девушку ближе. Я целую ее нежно, и она открывает губы, слегка вздыхая. Было бы так просто перекатиться на нее, раздвинуть ее ножки и проскользнуть в середину.

Если бы у меня был презерватив.

— Я буду выглядеть как кобель, если оставлю тебя здесь и пойду за презервативами? — спрашиваю я, почти касаясь ее губ своими.

Я чувствую ее улыбку.

— Ну, сегодня воскресенье, так что...

— Не надо, — рычу я, прикусывая ее губу. — Черт, не говори, что он закрыт в воскресенье.

Она вздыхает и целует меня в ответ.

— То, что я этого не скажу, несколько не облегчит ситуацию.

— Ебаный. Ад. — Я немного наклоняюсь вперед. Либби улыбается мне, ее золотистые каштановые волосы падают на глаза. Я убираю пряди ей за ухо. — К черту, я поеду на континент.

— Буду ждать прямо здесь.

Но я не уйду. Вместо этого еще несколько раз целую девушку, проводя руками по изгибам мягкого и теплого тела. Оно мое.

— На что это похоже? — бормочет она между поцелуями.

— Быть с тобой? — я трюсь щекой об ее шею. — Чертовски идеально.

Ее грудь вибрирует от смеха.

— Нет. Быть на сцене. Выступить перед всеми этими людьми.

Опуская руку на голову, я смотрю на нее. Множество людей задавало мне этот вопрос. Я никогда не вдавался в ответ. Но с этой девушкой волнение языками касается моего позвоночника. Потому что я вижу Либби там, под яркими огнями, пока ее голос завладевает воздухом. Это было бы прекрасно.

— Зверь не похож ни на что на Земле.

— Зверь?

— Так я называю толпу, — провожу пальцами вдоль ее руки. — Это нечто живое, Либби. Больше, чем просто люди. Нечто целостное. Ты можешь ощутить это в воздухе вокруг себя. Это словно... — я прикусываю губу, пытаюсь передать эмоции словами. — Что ты чувствуешь, когда поешь?

Либби моргает от удивления, а ее щеки заливаются розовым румянцем, пока размышляет.

— Не знаю... Иногда это единственный способ выразить душевную боль. А иногда я словно лечу.

— Именно, — говорю я, глядя ее бок. — Теперь представь себе это в несколько сотен раз сильнее. Словно летишь на сверхзвуковой скорости. И вся эта энергетика буквально освещает тебя, пока ты не становишься жарче самого солнца.

— Должно быть, это невероятно, — она смотрит в потолок, представляя это.

— И вызывает зависимость, — я наклоняюсь и целую ее в кончик носа. — Почти также хорошо, как секс с тобой.

Ее губы кривятся.

— У нас еще не было секса.

— Не напоминай, — я отыскиваю чувствительное место у нее на шее, отчего девушка дрожит. — Дурачиться с тобой лучше всего того, что я пробовал до этого.

Это правда. Это шокирует, и всё еще дарит мне странное облегчение, словно я вечность бродил по миру и, наконец, нашел свой дом.

Либби накрывает ладошкой мой затылок, удерживая рядом. Ее пальцы лениво зарываются в мои волосы. Я закрываю глаза от удовольствия, и ее голос кажется таким нежным.

— Я привыкла...

— Привыкла к чему? — спрашиваю я. Ее прекрасный румянец становится насыщеннее, переходя на шею. Я провожу пальцами поверх розовой кожи. — Либс.

Она быстро вдыхает и тараторит.

— Я привыкла мечтать о том, на что похоже выступление на концерте.

Я поднимаюсь на одном локте. Она пытается избежать моего взгляда, но я касаюсь ее щеки.

— У тебя есть талант. Почему ты не попыталась?

Почему она здесь прячется? Это место медленно душит ее. Либби должна об этом знать. Девушка пожимает плечами, ее внимание сосредотачивается на моем тату.

— Я домоседка. Черт, даже поездка в колледж была для меня настоящим приключением. А мои родители... — она снова пожимает плечами и поворачивает голову в сторону, прижимаясь щекой к подушке. — Ну, то, что они рассказывали о жизни артистов, не было так уж привлекательно.

— Они предупреждали тебя держаться от этого подальше?

Это я могу понять. В моей жизни куча дерьма. И всё же я расстраиваюсь. Они же знали что у дочери талант, что ей любопытно то, к чему это может привести. И они всё равно решили затоптать талант до того, как Либби даже сможет попытаться.

Либс грустно вздыхает и смотрит на меня из-под ресниц.

— Они бы пришли в бешенство, узнав, что я встречаюсь с тобой.

— А ты встречаешься со мной? — спрашиваю я осторожно. Если мне придется бороться с призраками, я хочу знать об этом сейчас.

Тепло распространяется по моей груди, когда она протягивает руку и проводит кончиками пальцев по линии бровей.

— Я же в этой кровати?

— Блядь, да, ты здесь, — я целую ее в губы, потому что должен снова почувствовать ее вкус.

Она издает звук удовольствия.

— Я разрываюсь между желанием потребовать от тебя отправиться за презервативами и тем, чтобы ухватиться за тебя и никуда не отпускать.

Мои руки скользят к ее упругой заднице.

— Если бы мои посиневшие яйца так не болели, я бы остался здесь навсегда.

— А они тебя так донимают?

Я усмехаюсь напротив ее шеи.

— Таки да. Прямо сейчас они говорят: "Если мы не познакомимся с красивенькой киской Либби, то устроим забастовку, и твой член будет на нашей стороне".

Она смеется.

— Звучит не очень.

— Это блеф. Они уступят буквально через секунду. Кроме того... — я поднимаю голову и усмехаюсь. — Мой член решил до конца своих дней занимать твою сторону.

— Дурачок.

— Только из-за тебя.

Наш мир разрушается внезапным хлопком о входную дверь дома, за которым следует знакомый женский крик.

— Киллиан Джеймс, тащи свою дряную задницу сюда, а не то я натравлю на тебя папочку!

Я замираю, ужас распространяется покалыванием по моей коже, когда смотрю на Либби.

Она замирает рядом со мной, округляя глаза до размера блюдца.

А затем прищуривает их.

— Предполагаю, ты знаешь того, кто попытался выломать мою дверь?

Я слабо улыбаюсь ей.

— Ага. Это Бренна Джеймс. Моя кухня и знатная заноза в заднице.

И, к слову, эта заноза в заднице всё еще стучит в дверь и орет мое имя. Если бы это не расстроило мою тетю Анну, я бы убил эту маленькую засранку.

Либби смотрит на двери, а затем снова на меня.

— Ты поймел свою кухню в зад?

— Ха, — я бросаю на нее взгляд и нехотя встаю с кровати. — Ну ты и бунтарка, — хватая с пола шорты, натягиваю и застегиваю их. — Я впущу ее до того, как кто-то реально вызовет копов. Такое случалось раньше.

Когда в ответ мне следует лишь молчание, я поворачиваюсь и обнаруживаю, что Либби хмурится. Моя спина застывает.

— Ты же не серьезно спрашивала об этом, — я делаю шаг назад, по направлению к Либс. — Потому что я желаю лишь вернуться в эту кровать и показать тебе в мельчайших подробностях, что ты единственная интересующая меня в жизни женщина.

— *Киллишиаан!*

Клянусь, визг Бренны может воскресить и мертвого.

— Думаю, нам нужно ее впустить, — говорит Либби с каменным выражением лица.

Она не двигается с места. Менее пяти минут назад я лежал с ней там, в тепле и уюте. Теперь же мне холодно. Я хочу вернуться обратно.

— Не волнуйся, — вера Либби в меня более важна. Она нужна мне.

Так что я собираюсь расстегнуть шорты, когда мой телефон начинает играть песню "Добро пожаловать в джунгли". Ебаный ад. Эта язва еще и звонит мне.

Либби прикусывает нижнюю губу, а затем начинает хохотать. Тихий переливающийся звук.

— Иди и открой дверь. Я должна с ней познакомиться.

Мои плечи опадают, и я улыбаюсь.

— Это твой конец, куколка.

— Киллиан Александр Джеймс! Мне только что жук в рот залетел, и это всё по твоей

вине!

Либби фыркает.

— А кажется, что по твоей.

Качая головой, я направляюсь к двери, чтобы впустить этого монстра.



Либби

Несмотря на мои поддразнивания, мне не хочется выбираться из постели и знакомиться с кузиной Киллиана. Даже не знаю почему. Но страх, словно свинец, наполняет мой живот. Это будто ощущение конца, словно счастливый пузырь, в котором мы с Киллианом жили, лопнет от вторжения его родственницы.

То, как напряглось его тело, как исказилось от ужаса лицо, когда он только услышал голос Бренны, выбило землю у меня из-под ног. В тот момент, когда слово "папочка" повисло в воздухе, я начала задыхаться. Боль была настолько всепоглощающей, что хотелось рвать и метать.

Это не сулит мне ничего хорошего. Ты доверяешь Киллиану? Да. Он слишком импульсивен, чтобы откровенно скрывать от меня другую женщину. Не думаю, что парень способен на подобный обман. Не думаю, что он стал бы таким заниматься. Киллиан говорит и делает только то, что хочет.

Проблема заключается во мне: я наполовину влюблена в мужчину, который пронесется через мою жизнь, будто дым по ветру.

Ненавижу то, что мои руки дрожат, когда я крашу ресницы тушью. Хмурюсь, глядя в зеркало и опуская косметику на столик.

"Неужели я пытаюсь произвести впечатление на другую женщину? Новый уровень, Либберти. Невероятно низкий уровень".

Голоса из гостиной доносятся до спальни, более отчетливо слышится высокий голос кузины Киллиана. Сколько людей там?

Я поворачиваю за угол и останавливаюсь.

Киллиан стоит посреди комнаты, уперев руки в боки, его лицо искажено хмурым выражением, пока он разговаривает с, возможно, самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела. То есть, вау. Блестящие черные волосы, насыщенные синие глаза, загорелая кожа — чувак может быть близнецом Дэвида Ганди. Он одет в бледно-серый костюм и выглядит так, будто только что прилетел из Милана на частном самолете, лишь бы

только поболтать с Киллом. По-видимому, он рад ситуации так же, как и Киллиан.

— Тот факт, что я приехал в это захолустье, должен показать тебе, насколько я серьезен, — его британский акцент настолько же очевиден, как и дороговизна костюма. — Время для игр закончилось, Киллиан.

— Забавно, — тихо и раздраженно произносит Киллиан. — Не помню, чтобы назначал тебя ответственным за свою жизнь.

Одна бровь незнакомца выгибается.

— Это произошло в тот день, когда ты подписал контракт, позволяющий мне управлять твоей группой. Более того, это случилось, когда ты предложил мне как можно быстрее вернуть Джакса к работе.

Киллиан морщится в ответ, отводит взгляд и сжимает челюсти.

— Он готов, — объявляет мужчина. — Они все готовы. А теперь ты хочешь отложить всё и послать к черту то, чего я добился, лишь потому что засунул свой хре...

— Не смей, — выкрикивает Киллиан. Краска заливает его щеки. — Даже не пробуй. Понял?

Они смотрят друг на друга, словно сейчас тот самый переломный миг, и потому я решаю вмешаться.

Как только я захожу в комнату, напряженность спадает. Выражение лица Киллиана смягчается.

— Привет. Я всё гадал, когда ты появишься.

Он протягивает руку, и я иду через всю комнату, пока мистер Потрясающий и Бренна Джеймс наблюдают за мной. Мне не нравится быть под прицелом. Никогда не нравилось. К тому же, этот момент кажется какой-то странной проверкой.

Потому что мистер Потрясающий сверлит глазами дыры в моей коже. Я бросаю взгляд на кухню Киллиана, но она сидит, наполовину скрывшись, в кресле качалке.

Девушка совсем не такая, как я ожидала. Я представляла некую женскую панк-версию Киллиана. Но совсем не вижу семейного сходства. Она высокая и бледная, с веснушками на маленьком носу, ее волосы цвета янтарного меда. Сейчас они собраны в аккуратный хвост.

Как и мистер Потрясающий, она одета с иголки, в темно-синий костюм и юбку-карандаш. Ее туфли на высоченных каблуках из разноцветной змеиной кожи должны бы выглядеть нелепо, но даже я завидую. Никогда не видела живую Лабутены, но красные подошвы наталкивают на мысль, что это именно они.

Мы с ней по виду одногодки, хотя мне сложно точно сказать из-за ее красных очков. Я не поддаюсь искушению распрямить спину еще сильнее. Всё равно это уже не важно. Хорошая осанка не изменит тот факт, что на меня надеты обрезанные шорты и полосатая майка. Я — сельская мышка, пришедшая в логово львов. И это при том, что все мы находимся в моем собственном доме.

Киллиан хватает мою руку в свою теплую ладонь и притягивает к себе.

— Либби, это мой менеджер, мистер Скотт, или просто Скотти, как мы его зовем.

Красивый мужчина, который даже красивее вблизи, просто кивает мне.

— Мисс Белл.

Итак, ему уже известно мое имя. И он, кажется, не рад.

Киллиан наклоняет голову в сторону Бренны.

— И ты уже слышала ор этой занозы в заднице.

Бренна закатывает глаза, встает и направляется к нам.

— Килл просто злится из-за того, что мне известно, где он прячет трупы.

— Просто будь благодарна, что ты не присоединилась к ним, — легкомысленно отвечает Киллиан. Его пальцы прокрадываются под край моей рубашки, лаская голую кожу. Взгляд мистера Скотта следует за этим движением, и его губы сжимаются в линию.

Краснея, я игнорирую это и улыбаюсь Бренне.

— Любой, кто способен заставить Киллиана двигаться так быстро, автоматом становится симпатичен мне.

— Ха! — Бренна морщит нос, глядя на Киллиана. — Видишь? Я полезная.

Киллиан фыркает, бросая на меня взгляд.

— Бренна занимается нашим пиаром.

— Рада познакомиться, — говорю я, обращаясь к Бренне и мистери Скотту. Это не совсем правда, но мне не хочется ненавидеть людей из обыденной жизни Киллиана. — Могу я вам что-то предложить?

— Спасибо, но нет, — мистер Скотт улыбается мне так, что эта улыбка превратила бы воду в лед. — Мы уже уходим.

Он бросает взгляд в окно. И только теперь я замечаю маленький грузовик и ребят, что пакуют вещи Киллиана. Из дома выходит еще один парень, заботливо вынося одну из гитар Киллиана.

Паника поглощает меня, и Киллиан притягивает мое тело ближе, будто бы ощущая мой страх.

— Я встречу с вами через минутку, — говорит он ребятам.

Мистер Скотт кивает и после того, как бросает мне резкое "хорошего дня", уходит. Бренна действует более медленно, целуя Киллиана в щеку и слабо улыбаясь мне.

— Встретимся снова, я уверена, — говорит она мне.

Моя голова автоматически делает кивок. Я бормочу что-то на прощание, но на самом деле даже не знаю, что говорю. Кровь шумит в ушах, заглушая внешние звуки. Мое сердце подпрыгнуло и застряло в горле.

Тишина после их ухода болезненная и всепоглощающая.

Киллиан откашливается и пытается обнять меня. Но я отстраняюсь.

— Ты уезжаешь.

Солнечный свет проникает сквозь окна, падая на Киллана. Купаясь в этом золотом свете, он кажется нереальным. Его крепкая грудь и твердый пресс, выразительные черты лица, выразительная сила во взгляде — всё это лишь сильнее подчеркивает данное освещение. Часть меня всё еще не верит в то, что я прикасалась к каждой частичке тела Киллиана, что целовала его.

Теперь это не кажется чем-то настоящим.

Он смотрит на меня, и я вижу боль в его глазах. Видит ли он во мне лишь мимолетное увлечение?

— Я не хочу уезжать, — в конце концов, говорит он спокойно. — Но Скотти забронировал несколько ранних шоу до нашего осеннего тура. И все ребята хотят поскорее начать, — парень проводит рукой по ежику из коротких волос. — Я один сейчас не с ними.

— Вы впервые все соберетесь с тех пор, как... — я прикусываю губу.

— Джакс, — заканчивает он за меня. — Да.

Он переминается с ноги на ногу, а затем обратно. Так, словно его тело разрывается между тем, чтобы уйти через эти двери, и тем, чтобы остаться здесь. Знаю, я странная, но

также понимаю, что ему сейчас сложно. Я вижу это по тому, как сжимаются его губы, по жалобному выражению глаз.

— Тогда ладно, — произношу медленно. — Тебе нужно к ним присоединиться.

Килл моргает, словно я ударила его кулаком в живот. Не знаю, что, по его мнению, я должна была сказать. Он должен понимать, что я бы никогда не стала отрывать его от обыденной жизни.

Когда Киллиан отвечает, его голос резкий, словно он вот-вот закричит.

— Я думал, у нас будет больше времени. Я *хотел* больше времени.

Я не лелеяла никаких иллюзий насчет этого лета. Знала, что Киллиан просто убегает от реальности. Однако это не унимает боли в груди. Хоть я ее и не показываю.

— Всё должно было закончиться с возвращением к реальной жизни. Просто ты не знал наверняка, когда это случится.

— Закончиться? — он вскидывает голову. — Вот как ты думаешь?

Я хмурюсь.

— А разве не это ты пытаешься мне сказать? Прощай?

— Нет! — Киллиан притягивает меня к себе и крепко обнимает. Ярость искажает его черты. — Ты хочешь от меня избавиться, но тебе придется лучше постараться, куколка.

Не будучи в состоянии сопротивляться, я опускаю руки ему на грудь. Под теплой кожей его сердце стучит быстро и гулко, отдавая болью в унисон с моим.

— Я не хочу говорить тебе "прощай", — признаю я тихо.

Он целует меня, словно хочет поглотить, запомнить мой вкус. Несмотря на его слова, этот поцелуй кажется прощальным. Киллиан прерывисто дышит, когда отстраняется и прижимает свой лоб к моему.

— Так не говори.

Я глажу кожу на его шее. По ощущениям она словно сделана из стали.

— Ты отправишься в тур. На сколько? Четыре месяца? Пять?

Он притягивает меня еще немного ближе.

— По практике могу сказать, что с учетом концертов перед туром выходит где-то пять с половиной месяцев, — Килл наклоняет голову и встречается со мной взглядом. — И что? С глаз долой, из сердца вон? Вот как ты это видишь, Либс?

Мои пальцы сжимаются.

— Я пытаюсь быть реалисткой. Мне известно, что происходит во время подобных туров.

Он фыркает и прищуривает глаза.

— Расскажи-ка.

Румянец злости заливает мою кожу.

— Не прикидывайся дураком. Клише "секс, наркотики, рок-н-ролл" появилось не без причины.

— О, мне об этом известно лучше других, сладенькая, — парень издает раздраженный звук. — Но если ты думаешь, что именно это происходит со мной в турах, то вовсе меня не знаешь.

— Я пытаюсь вести себя зрело, — говорю я, пытаюсь не закричать. — И позволить тебе уехать, не волнуясь обо мне.

— О, ну, спасибо, что так заботлива. А может, вместо этого стоило бы дать мне хоть какой-то знак, что на твой взгляд мы значим для тебя больше, чем типичный летний

флирт? — он вскидывает руку вверх. — Блядь, ты так говоришь, словно я реально хочу тебя бросить.

Я прикусываю губу. Даже когда злюсь на него, всё равно люблю этого мужчину. И это пугает меня до чертиков.

— А что нам делать, Киллиан? — спрашиваю я тихо.

Он встречается со мной взглядом.

— Не знаю. Но всё по-настоящему. Это единственная реальная вещь в моей жизни прямо сейчас.

— У тебя есть музыка...

Он перебивает меня сердитым взглядом.

— Не хочу выходить через эти двери и чувствовать, словно я закрываю дверь для нас, как для пары. Потому что не хочу этого делать, Либерти. Насколько я понимаю, мы лишь начали строить эти отношения. И я ни за что не стану...

Я обнимаю его за шею и притягиваю к себе. Его слова прерываются, переходя в бормотание, пока я целую парня в губы. Но он не сопротивляется. Киллиан наклоняется ко мне, приоткрывает мои губы и переплетает наши языки. Со стоном он хватается за попку и приподнимает. Я оборачиваю ноги вокруг его талии, цепляясь за парня, пока он идет задом наперед, целуя меня по пути.

В конечном итоге, мы оказываемся на диване, и Килл всё еще сжимает мой зад. Он будто дышит мной, скользая губами по моей шее и посылая дрожь через всё мое тело.

— Либби, — нежные губы касаются кожи у меня за ухом, отчего всё мое тело напрягается. — Не так я хотел, чтобы всё пошло.

Я целую его в щеку, затем в уголок глаза.

— А как ты себе это представлял?

Он трет мою спину, продолжая целовать шею и плечо.

— На самом деле много об этом думал.

— Правда? — я пытаюсь отстраниться, чтобы взглянуть ему в лицо, но Киллиан не позволяет мне этого.

Его руки скользят по моей спине к попке и затем сжимают ее. Вздыхая, я опускаю голову ему на плечо, и он целует меня в щеку.

— Ага, — на длительное мгновение он замирает, просто обнимая меня. И я делаю точно также. Киллиан сильный и теплый, его жар успокаивает стук сердца у меня в ушах.

Но ненадолго, так как пульс снова учащается, когда Килл делает глубокий вдох.

— Либс... Поехали со мной.

— Что? — я сажусь ровнее.

Руки Киллиана опускаются на мои бедра, медленно растирая их, пока он встречается со мной взглядом.

— Поехали со мной в тур.

— Нет.

— Нет? — парень фыркает, смеясь в неверии. — Даже секунды не хочешь об этом подумать? Просто нет?

— Ты воссоединишься со своей группой. Спустя год. И я ни за что не появлюсь там с тобой под руку, словно какая-то деревенская Йоко (*прим. пер. — имеется в виду Йоко Оно, авангардная художница, певица, вдова Джона Леннона*).

Он снова смеется, на этот раз более весело, хотя напряжение в чертах его лица не

исчезает.

— Знаешь, все эти слухи о Йоко дико преувеличены. Еще до нее Битлз уже распался на части.

— Тот факт, что ты назвал это "слухами о Йоко" лишь доказывает мою точку зрения. Правда не имеет значения. Всё дело в восприятии. И твои коллеги не обрадуются, если ты притащишь меня с собой.

Пальцы Киллиана сильнее сжимаются. Не очень крепко, но достаточно сильно, чтобы показать мне его беспокойство.

— Ты этого не знаешь. Ты даже не знакома с ними.

— Я знаю, как устроены люди, — опираясь на его плечо, я поднимаюсь и сажусь на диван рядом с Киллианом. — Мистер Скотт смотрел на меня так, словно я проблема, которую ему нужно решить.

— Называй его Скотти, и он на всех так смотрит, — Киллиан поворачивается ко мне. — К тому же, я не хочу, чтобы ты ехала со мной в роли красивой пассии. Я хочу, чтобы ты играла вместе со мной.

Думаю, у меня прямо сейчас отвисла челюсть. Знаю, я не могу сейчас нормально говорить, просто булькаю как рыба в воде, пока смотрю на ожидающее выражение на лице Киллиана. Мне требуется целая минута, чтобы восстановить способность разговаривать, и даже после этого мой голос — жалкий писк.

— Играть? Ты о том, чтобы выйти с тобой на сцену?

— Конечно, — между его бровями образуются морщинки. — А о чем бы мне еще говорить? Я написал эти песни для нас.

— Киллиан... Я не... — я поднимаю руки, пытаюсь отыскать подходящие слова. — Ты разве не слышал того, что я рассказывала тебе о своих блистательных провалах выступления на публике? Да я королева провалов на сцене.

— Много людей боятся сцены, — он даже глазом не моргнет, не сомневается. — И если бы я не видел сожаления в твоих глазах, когда ты рассказывала мне все эти истории, то, возможно, склонился бы к тому, чтобы оставить всё, как есть.

Я сжимаю кулаки, желая топнуть ногой.

— Неважно, я — аматор. Я играю музыку на пороге дома в нижнем белье, а не перед восьмидесятитысячной аудиторией людей. Людей, — добавляю я, когда он собирается вставить слово, — которые, в любом случае, пришли не для того, чтобы увидеть *меня*.

Киллиан скрещивает руки на груди. Так несправедливо то, что он не надел футболку. Сейчас вся эта видимая мощь под его золотистой кожей вызывает у меня невероятно сильное желание снова к нему прикоснуться.

— Ты закончила? — спрашивает Килл.

Глазеть на него? Никогда. Но я осознаю, что он имеет в виду мои доводы. Так что скептически смотрю на него, и в ответ парень приподнимает одну бровь.

— Во-первых, — говорит он. — Если бы ты играла в нижнем белье, восемьдесят тысяч человек определенно были бы рады за тобой наблюдать.

Он игнорирует то, что я закатываю глаза.

— Во-вторых, это же рок. Весь наш успех основан на таланте, чуточке удачи и сумасшедшей решимости, — его губы изгибаются. — Джакс любит шутить, что все мы здесь аматоры. Счастливчики-дилетанты.

Вздых срывается с моих уст, когда я откидываюсь на диван. Возле дома Бренна

марширует туда-сюда, приказывая что-то грузчикам с вещами Киллиана. Скотти стоит на крыльце дома через дорогу, пристально глядя на мой дом. Знаю, он меня не видит, но почему-то кажется, что может. Лишь вопрос времени, когда он вернется сюда.

Глубокий голос Киллиана становится тише, убедительнее, возвращая мое внимание к себе.

— Я всего лишь прошу об этих трех песнях: "Сломанная дверь", "Глубоко" и "Одиночка".

Песни, над которыми я с ним работала. Они прекрасны, основаны на гармонии и сильном вокале. А еще они не типичны для «Килл-Джон».

— Откуда тебе знать, что группа вообще захочет их играть?

Он не встречается со мной взглядом.

— Они сыграют.

— То есть, ты не знаешь наверняка.

— Это моя группа.

— А еще их.

Мужчина реально рычит. Это было бы немного сексуально, если бы я не была так зла на него. Киллиан вскакивает на ноги и широко разводит руки в стороны.

— Зачем ты борешься с этим? Скажи мне правду. Без оправданий.

— Потому что я не импульсивна, как ты! Мне нужно всё обдумывать.

Он трет рукой лицо.

— Ты говорила, что мечтаешь о подобной жизни. Говорила, что пыталась, но была вынуждена отказаться. Ты спрашивала у меня, каково это выступать перед публикой, быть обожаемой. Так позволь мне показать тебе. Позволь подарить тебе весь мир, моя куколка.

Почему-то теперь я чувствую себя еще хуже. Ужасное грызущее ощущение резко возникает в животе, порождая непреодолимое желание убежать в спальню и спрятаться. Я сую палец в дыру на джинсовых шортах.

— Это были просто... разговоры в постели.

— Разговоры в постели? — он бледнеет.

Я вздрагиваю.

— Знаешь, типа "расскажи мне о своей жизни". Позволь тебя узнать.

Его щеки краснеют.

— Так ты смеялась надо мной?

— Нет. Я хотела тебя узнать. Понять, на что похожа твоя жизнь вне этого городка.

— Но при этом ты не хочешь увидеть всё своими глазами? — Килл прищуривает глаза, пока румянец распространяется по его шее.

— Именно.

Тишина становится такой тягучей, что звук хлопка дверцы грузовика крайне отчетливо раздается по дому. Грузчики закончили с его вещами. И, думаю, мы здесь тоже закончили. Ком разбухает у меня в горле. Но я не двигаюсь. Смотрю на Киллиана, который глядит на меня в ответ с отвращением.

— Чушь, — шепчет он.

Кто-то сигналил снаружи. Думаю, это Бренна.

— Они тебя ждут, — говорю я.

Его ноздри расширяются. А затем он начинает двигаться. И я оказываюсь в его объятиях еще до того, как успеваю моргнуть. Килл сильно сжимает мое тело и страстно, покусывая,

целует. Мне нравится эта боль, и потому я кусаю в ответ. Сама идея того, что я больше не почувствую его вкус, его самого, разрывает мое сердце на части. Его поцелуй становится нежнее, но не слаще. Нет, он клеймит и формирует мои губы своими, наслаждаясь этим.

Я пытаюсь обнять его в ответ, но в этот момент Киллиан отстраняется. Он тяжело дышит, его нижняя губа опухшая и немного влажная.

— А теперь я уеду. До того, как скажу то, о чем буду сожалеть.

Часть меня уже сожалеет о том, что я вообще его повстречала. Потому что это так сильно ранит. Я могу поехать с ним. Могу потерять себя в нем. Даже пока размышляю об этом, мое тело замирает от страха настолько, что я судорожно сглатываю. Не могу этого сделать. Не могу оставить этот дом.

Он ищет в моих чертах хоть какой-то знак. Но что бы он там не увидел, от этого Киллиан сжимает челюсти. Его пальцы с силой вонзаются в мои плечи.

— Мы не закончили. Ты меня слышишь? Это даже и близко не конец.

— Я и не хочу заканчивать, — шепчу в ответ.

Его зубы громко клацают.

— Значит, перестань трусить и тащи свой зад в Нью-Йорк.

Когда я не отвечаю, Киллиан матерится и уходит. Дверь хлопает за ним. И я остаюсь одна.

Глава 11

Киллиан

Нью-Йорк всегда был для меня домом. Он производит на меня странный эффект — одновременно расслабляющий и тонизирующий. Однако предстоящая встреча с Джаксом — совсем иная история. Мои пальцы барабанят по бедру, пока я поднимаюсь на частном лифте в его квартиру. Скотти предложил организовать встречу на нейтральной территории, но я отверг эту идею. Джакс — мне не враг. Никогда не был и не станет им.

Хотя это еще не значит, что я с нетерпением жду с ним встречи.

Лифт открывается непосредственно в его фойе.

Два года назад один журнал опубликовал место жительства Джакса. Парень показал всем свой лофт в индустриальном стиле и то, как он живет жизнью молодой рок-звезды. Чего они никогда не узнают, так это того, что всё показанное было ложью. Та квартира принадлежала даже не Джаксу, а Скотти.

Настоящий дом Джакса выглядит так, словно в нем живет престарелая дама из Нью-Йорка: темные деревянные полы, лепнина под потолком, насыщенного цвета стены, работы классиков в золотых рамах. Каждый раз, когда я навещаю его, то смеюсь, потому что даже немного ожидаю, что Джакс встретит меня в смокинге и с курительной трубкой.

— Каждый раз, как ты сюда приходишь, то ухмыляешься.

Голос Джакса почти обрывает мой позитивный настрой. Я даже не заметил его.

Он прислонился к подлокотнику зеленого бархатного дивана в приемной. Ага, у него есть своя приемная комната, чтоб меня.

В течение секунды я смотрю на друга. Он кажется более крупным, чем когда я видел его

в последний раз, цвет кожи парня более здоровый, а светло-каштановые волосы длиннее обычного и почти доходят до воротника. Я опускаю на пол кейс с гитарой.

— Потому что ожидаю, что меня встретит дворецкий. Или, быть может, я обнаружу твояющего у моих ног пуделя.

— Я думал о том, чтобы завести собаку, — Джакс встает.

Уголки его глаз морщатся, а голова наклоняется направо. Мне знакомо это выражение лица, будто оно мое собственное. Что не странно, учитывая то, что я видел его с шести лет. Так что сейчас для меня очевиден тот факт, что он напряжен и ненавидит это.

Как и я.

Так что, отбрасывая в сторону всё притворство, я пересекаю комнату и притягиваю его в мужские объятия, похлопывая по спине.

— Ебаный идиот, — говорю я грубо. — Хорошо выглядишь.

Он обнимает меня в ответ до того, как мы отстраняемся.

— А ты выглядишь крайне дерьмово. Какого хрена ты сотворил со своими волосами?

Знаю, он стебется надо мной, но рука рефлекторно так и тянется к постриженным волосам. На мгновение я не вижу перед собой Джакса, его место занимает Либби, ее маленькая грудь выделяется через тонкую ткань майки, щеки покраснели, а руки дрожат, пока она стрижет мои волосы. Я почти могу ощутить, как ее пальцы снова касаются моей головы, наклоняя ее в ту сторону, в которую она хочет.

Боже, от одной мысли о ней в моей груди расцветает боль.

— То, что стоило сделать уже давным-давно, — говорю легкомысленно, словно внутри меня не разрывает на части.

Джакс кивает, но ничего не отвечает. Мы стоим здесь, глядя друг на друга и не произнося ни слова. Вот так и обстояли дела с тех пор, как он очнулся в больнице. С моей стороны из-за того, что я не мог придумать, что сказать, чтобы в конечном итоге не начать орать на его долбанную задницу, а со стороны Джакса?

Я привык понимать, о чем он думает, лишь взглянув на парня. Или, по крайней мере, считал так. Но тогда я осознал, что нихрена не понимал.

— Ну, — говорит Джакс, нарушая молчание. — Хочешь выпить или еще чего?

— Нет. Я в порядке.

Он снова кивает, а затем матерится.

— Блядь, Килл, просто вывали уже это.

Вывали уже это? Я даже не знаю, с чего начать. Жар затапливает мою грудь и поднимается к горлу. Мой кулак резко летит к его подбородку, и Джакс ударяется об пол, попутно сваливая столик на бок.

— Господи, — Джакс трет лицо и тихо смеется. — Я и забыл, как сильно ты можешь врезать.

Я разжимаю пальцы.

— Я сам не знал, что собираюсь это сделать.

— Я знал, — он ворчит и медленно поднимается на ноги, отмахиваясь от моего предложения помочь. Джакс касается своей губы, на которой появилась капелька крови. — Теперь тебе лучше?

— Нет, — я направляюсь на кухню, чтобы взять льда. — Моя рука офигенно болит.

— Ага, прости, что мое лицо попало тебе под руку, — он ловит мешочек льда, который я ему бросаю. — Ты приложишь лед к руке?

Но мне хочется чувствовать боль.

— Я врезал тебе не настолько сильно.

Джакс фыркает и направляется к старомодному бару в боковой части комнаты. Его мини-холодильник забит бутылками с водой и соком. Огромное изменение по сравнению с ассортиментом в старые времена: пивом и водкой.

— Хочешь чего-то?

— Клюквенно-яблочный сок.

Мы пьем сок, словно хорошие маленькие мальчики, пока я больше не в силах это терпеть.

— Это был худший гребаный момент моей жизни. Когда я тебя нашел, — напряженно сглатываю и опускаю взгляд на покрасневшие костяшки. — Я понимаю, что тебе было еще хуже. Но от этого не легче. Я... ты напугал меня до чертиков.

— Знаю, — выражение его лица становится безэмоциональным, пакет со льдом чуть не выпадает из руки. В тот день его зеленые глаза были налиты кровью и оцепенением. Теперь они блестят, и Джакс моргает, отводя взгляд. — Я не думал о тебе. Ни о ком не думал.

— Я был твоим лучшим другом. А ты просто... Ты мог прийти ко мне.

Он фыркает, пытаюсь улыбнуться, но ему не удается.

— Ты должен был попытаться получше.

— Офигенно верно, я должен был, — я спрыгиваю со стула, на котором сидел, и мчусь к окну, чтобы задернуть красные шелковые шторы.

— Я не хотел, чтобы меня исправляли, — произносит он. — Не в тот момент.

Я даже не могу на это ответить.

Джакс вздыхает.

— Если бы я был в здравом уме, то поступил бы иначе. Но в том-то и проблема, что я не был в своем уме.

Мои пальцы зарываются в шелк.

— Ты собираешься повторить это?

Ему требуется долгое время на то, чтобы ответить. И когда Джакс отвечает, его голос слаб.

— Я не собираюсь.

Я фыркаю, пока гнев разливается по моим венам.

— Это утешает.

— Я честен. И принимаю помощь. Вот и всё, что я могу сделать.

Поворачиваться к нему лицом еще сложнее. Он кажется спокойным, задумчивым, тогда как я готов выпрыгнуть из шкуры вон.

— Я не знаю, могу ли сделать это снова, — говорю ему. — Если эти поездки по турам и такая жизнь подталкивают тебя к краю, тогда я не хочу этого делать. Потому что буду переживать, что снова найду тебя, захлебывающегося своей собственной блевотой.

Перед глазами мелькает яркий образ. Но это не Джакс. Это я сам, в то время как Либби обливает меня из шланга, тащит в кровать и приказывает снова не обгадиться. Вина и отвращение, словно змея, обвивают мои внутренности.

Джакс смотрит на меня.

— Я заслужил это. Но давай проясним одну вещь: ты, Киллиан ебаный Джеймс, не господь бог. Ты не можешь исправить всё и защитить нас всех.

— Хули ты сказал?

— Не притворяйся передо мной. Ты всегда был таким, принимал всё наше дерьмо, словно свое собственное. Думал, что можешь исправить жизнь каждого и сделать всё лучше. Но это не так. В твоих руках лишь твоя жизнь, — он встает и хлопает льдом по столу. — То, что я сделал, было хуево и отстойно. И я принимаю помощь. Вот и всё, что могу сказать. Способен ты с этим смириться или нет. Выбор за тобой.

Джакс направляется в маленькую студию внутри своей квартиры, даже не оглядываясь.

Оставшись один, я снова поворачиваюсь к окну. Внизу городское движение неизменно активно, люди перемещаются туда-сюда по тротуарам. Всегда пытался исправить жизнь каждого и сделать всё лучше? А что в этом плохого?

Я думаю: "А что, если бы Либерти была здесь, со мной, то что бы она сказала прямо сейчас?".

Но в моей голове Либс молчит. Вместо этого вижу страх и отчаяние в ее глазах в тот момент, когда я пытался уговорить ее выступить вместе со мной.

— Блядь, — шепчу я.

Доставая телефон, пишу ей сообщение. Ее ответы напыщенны. Как и мои. Каждое новое сообщение оседает камнем у меня в животе. Я разрушил что-то между нами. Мой большой палец касается экрана. Я хочу поехать к ней. Но мне нужно заняться работой здесь.

Засовывая телефон обратно в карман, я хватаю гитару и иду играть с Джаксом.



Либби

Он уехал. И это подобно смерти солнца. Моя планета сошла с орбиты, всё погрузилось во тьму и тишину. Больно дышать, больно двигаться. Я знала, что в конце концов он уйдет, знала, что это будет больно. Но всё равно не была готова. Отныне всё кажется неправильным.

Я пытаюсь работать. У меня есть набор для творчества из смоченного картона. Но сейчас просто сижу и смотрю на него. Я закончила свои проекты — не удивлюсь, если мои клиенты начнут жаловаться на скучные макеты, что я им отправила — и отклоняю все новые заказы. У меня есть достаточно средств, чтобы уйти в отпуск за свой счет.

Вот только по факту я хожу от окна к окну, подпрыгивая от каждого малейшего звука и задерживая дыхание, когда слышу шорох шин проезжающих по дороге авто. Потому что я живу в захолустье.

И как только Киллиан уехал, я осознала, что совершила ошибку. Мне следовало поехать

с ним. Стоило сказать своим страхам закрыть рот. Но оглядываться назад, конечно, проще. Теперь-то я вижу, в кого превратилась.

В человека, который... застрял, за неимением лучшего слова, в своей жалкой жизни. Это, правда, на удивление легко. Часы переходят в дни, дни — в месяцы. И до того, как вы даже осознаете, пройдут годы, а вы всё еще этот же человек. Тот, кого ваша версия помоложе даже бы не узнала.

Мои родители умерли, и почему-то с ними умерла и я. Друзья отделились от меня. Нет, я отделилась от друзей. Так или иначе, не могу притворяться. Я отделилась от всего: спряталась в старом доме бабушки и погрузилась в работу, ради которой никогда не нужно было покидать дом. Я затаилась. Это было не сознательное решение. Я просто ушла и так и не вернулась.

Киллиан хотел схватить меня за лодыжку и вытянуть в мир живых. Хуже того, он хотел вытолкнуть меня под свет софитов. А теперь он уехал.

И я позволила ему это.

— Я такая идиотка, — говорю пустой комнате. Тишина звенит в ответ.

Обычно я люблю тишину. Но сейчас ненавижу. Ненавижу. Ее.

— Пошло всё к черту, — не уверена, что мне нравится эта новая привычка говорить с собой вслух. Но у меня есть проблемы посерьезнее.

Ложусь на пол, словно влюбленная дура, одевшись в грязную футболку Киллиана с изображением Звездных воин, а затем открываю поисковик на телефоне. Не представляю, где остановился сейчас Киллиан, но, по крайней мере, могу правильно ввести название города.

Я пролистываю рейсы в Нью-Йорк, когда телефон начинает вибрировать из-за входящего сообщения.

"Ты была права. Мне нужно было лично встретиться с Джексом".

Я гляжу на экран. Замороженная. Это хорошо. Почему это так приятно?

Маленькие точки внизу экрана загораются по очереди, пока Киллиан что-то пишет. Появляется еще одно сообщение.

"Теперь у нас все хорошо. Правда, я хочу вернуться к работе".

Болезненно сглатывая, я заставляю себя ответить.

"Я рада. Всё будет хорошо. Ты любишь это".

Не знаю, что еще сказать. *Я рада* за него.

Он отвечает.

"Я скучаю по тебе. Обещай, что приедешь на концерт".

Больше нет предложений приехать и сыграть вместе с ним. Напряженно моргая, я смотрю в окно, за которым ярко светит горячее солнце. Мое зрение размывается, и я снова моргаю.

"Конечно, я приеду".

Слеза бежит по щеке. Я игнорирую ее.

Он снова пишет.

"Я хочу извиниться. Я пытался подтолкнуть тебя к тому, к чему ты была не готова. Это было эгоистично. Прости".

Он ведет себя мило, и всё равно мое горло болит от попыток сглотнуть слезы.

"Всё нормально, Киллиан. Я знаю, ты хотел, как лучше".

Иисус, мы переписываемся словно незнакомцы. Я пытаюсь думать о чем-то светлом, о

чем-то, похожем на нас. О чем-нибудь. Но затем он пишет снова.

"Мне нужно идти на репетицию. Поговорим позже?"

Возможно, и поговорим. Но я знаю наверняка, что всё уже не будет так, как раньше. Моя рука дрожит, когда пишу ответ.

"Конечно. Повеселись:)"

Маленький смайлик смотрит на меня, словно насмехаясь. Я выключаю телефон и отбрасываю его до того, как Киллиан может ответить. Лежа на полу на солнце, я закрываю глаза и плачу. Я упустила свой шанс и сама в этом виновата.

Глава 12

Киллиан

VIP секция может представлять собой оазис спокойствия или пульсирующую бурю неистовой энергетики. Когда ты знаменит, быстро понимаешь, что лишь от тебя зависит то, как пройдет ночь. Хочешь конфиденциальности? Получай. Хочешь кучу женщин, которые так и рвутся объездить твой член и стонать твое имя? Конечно.

Сегодня мой выбор — конфиденциальность. Мы с Джаксом ждем в комнате с видом на переполненный бар и пустую сцену. Даже несмотря на то, что у клуба есть VIP комната, он в действительности не очень претенциозен: здесь подают пиво и бургеры, а не шампанское и коктейли. Многообещающие представления вживую проходят здесь почти каждую ночь, а толпа любит потанцевать в удовольствие, а не ради того, чтобы покрасоваться.

Музыка пульсирует и гремит в основном помещении, но здесь на удивление тихо.

Через мгновение официантка в джинсах приводит к нам Уипа и Райа.

Как только они нас видят, наш басист Рай идет вприпрыжку. И хотя я выше него, он почти сбивает меня с ног, когда обнимает до синяков на ребрах.

— За то время, что тебя не было с нами, уебок, — когда я смеюсь, издавая хрипы, он опускает меня, давая подзатыльник. — Я уж начал думать, что ты можешь стать гребаным отшельником.

Рай по конституции тела похож на полузащитника, но энергии в нем как в щенке. Страшное сочетание. Сейчас парень широко усмехается, но в его глазах мерцает опасение. Он быстро бросает взгляд на Джакса, и тем самым говорит мне всё, что нужно знать. Они тоже не уверены в нем.

— Я был в отпуске, мудак.

— Грел задницу на солнышке, пока мы работали, — говорит Уип, подходя к нам.

Люди часто думают, что мы родственники, потому что очень похожи, вот только у него голубые глаза. В школе мы любили говорить девчонкам, что мы — двоюродные братья, но это всё фигня. Он до мозга костей ирландец, и слабый акцент это доказывает.

Уип быстро хлопывает меня по плечу.

— Скажи, что ты нашел какую-нибудь горяченькую девицу и был занят ею всё это время.

Я никогда ничего от них не скрываю. Но по какой-то причине не хочу рассказывать парням о Либби прямо сейчас. Не в тот момент, когда знаю, что они станут задавать вопросы.

— Со слов Бренны, — говорит Рай, — у него была маленькая соседка-милашка.

Моя спина застывает.

— Ты снова сплетничал с Бренной?

Щеки Райа немного краснеют. Все мы знаем, что он испытывает слабость по отношению к моей двоюродной сестре. И, да, я использую это преимущество прямо сейчас.

Но он быстро фыркает.

— Приму эту отмазку за "да".

Мы присоединяемся к Джаксу за столом.

— От чего он отмазывается? — спрашивает Джакс.

— От разговоров о друге, которого Килл завел в летнем лагере, — шутит Уип.

Возвращается официантка и расставляет по кругу заказанное Джаксом пиво. Рай бросает на нее взгляд, и она широко улыбается.

— Мне не стоит спрашивать... но ты Дж. Дж. Ватт? (*известный футболист — прим. пер.*)

Мы все давимся своим пивом, пытаюсь скрыть смех. Особенно Рай, который снова краснеет. Он просто улыбается.

— Не говори никому, что я зависаю тут с группой One Direction, ладно? Можешь сделать со мной фотку.

— Хорошо, — девушка немного хмурится, когда я показываю Райю средний палец, а Уип толкает его ногой под столом, отчего звенят бутылки.

— Иисусе, — говорит Рай, когда она уходит. — Один год о нас ничего не говорили в СМИ, и меня незаконно захватил полузащитник.

— Ты немного на него похож, — говорит Уип, кривясь и глядя на Райа. — Только пониже. Хотя ты мог бы сыграть его в групповушке.

— В групповушках я всегда буду лучшим и останусь самим собой, так что пошел ты к черту, — Рай возвращает свое внимание ко мне. — Итак, что за летняя катастрофа? Рассказывай.

Я делаю большой глоток пива до того, как тупо посмотреть на него.

— Да, была соседка. Но нет, она не летняя катастрофа, — Либби намного больше этого. — Мы тусовались вместе. Она крутая. Ее папа был студийным гитаристом. Джордж Белл.

— Да ладно? — заинтригованный Рай наклоняется вперед.

— Ты знаешь его? — спрашивает Уип.

— Я не знал его лично, — говорит Рай. — Но, конечно, слышал о нем.

Неудивительно, что Рай знает о папе Либби. Всякий раз, как мы ехали в тур, Рай утыкал нос в книги о истории музыки. Нет инструмента, на котором парень не умеет играть, и нет отрывка музыкальной композиции, названия которого он бы не знал. Мы пытались поставить его в тупик своими вопросами. Много раз. Но всегда терпели неудачу.

— А вы, ребята, не слышали? — спрашивает он, когда пустые взгляды устремляются на парня.

— Даже слова, — говорит Джакс.

— Он был охренительным музыкантом. Сам мог бы стать звездой. Но, думаю, не хотел. Просиживал кучу времени, создавая студийные записи вместе с известными группами конца восьмидесятых — начала девяностых.

— Это же рассказывала и Либби. Он научил ее играть, — я бросаю взгляд на их

ухмылки. — Иисусе, прекратите уже думать только своими членами. Она вообще-то помогла мне написать песни.

— Да ладно, — растягивает слова Джакс.

Я не упускаю выражение его лица, по которому видно, что он уже причислил Либби к дешевым развлечениям. Я мог бы распинаться, рассказывая им о своих отношениях с ней, но не сейчас. Вместо этого я откидываюсь на спинку стула и пожимаю плечами.

— Она поет и играет на гитаре. И, честно говоря, она офигенно феноменальна, — смолкаю, размышляя, но к черту, это же мои лучшие друзья. Я не могу ничего скрывать. — Я просил ее приехать и играть с нами.

— Что за нах? — Джакс бросает на меня такой взгляд, словно у меня вырос член на лбу.

— Не волнуйся, она отказалась, — но в этом всё еще есть смысл. Потому что она рождена для выступлений. Как и я сам.

— А как насчет того, чтобы сперва спросить у нас? — говорит Джакс, еще раз кривясь от отвращения. — «Килл-Джон» не нуждается в еще одном члене группы.

— Она могла бы выступать с нами на трех песнях в качестве гостя. Бля, Джек Уайт делает так всё время, и это великолепно.

— Ты не Джек Уайт.

— Я бы сказал, что я лучше, но с того места, где сижу прямо сейчас, должен признать готовность Джека к расширению своего дела и испытанию собственных границ. Мы же к этому не готовы.

Рай мрачно смеется.

— Он прав, мужик. Нам нужен новый материал.

Джакс всё еще дуется, когда я кошусь на его кукурузные хлопья.

Я качаю головой.

— Если хочешь знать правду, у меня не было ни малейшего интереса возвращаться обратно до того, как я услышал ее игру. Она была столь вдохновляющей.

В течение длительного момента все ребята смотрят на меня, а затем Уип медленно кивает.

— Со мной такое случилось в Исландии. Я бродил, не ища ничего конкретного. А затем зашел в один клуб. Там был диджей, мастер миксов. Он играл так охренительно необузданно, и это не было похоже на музыку, которую я слышал ранее. Я проторчал там всю неделю и начал работать с ним над некоторыми ритмами.

Джакс хмурится, но ничего не говорит.

— Уип вызвонил меня, — вставляет Рай. — Я прилетел с ним повидаться, и мы начали вместе писать музыку.

— Давайте я скажу всё прямо, — медленно произносит Джакс, еще сильнее хмурясь. — Ни один из вас не хотел иметь дела с музыкой в течение всего прошлого года?

Тяжесть повисает в воздухе. Я наклоняюсь вперед, опуская предплечья на холодную поверхность стеклянного стола.

— Мы можем прояснить ситуацию прямо сейчас. Ага, Джакс, мы облажались, — я киваю в сторону Уипа и Райа. — То, что ты сделал, подкосило нас всех. И я говорю это не для того, чтобы развить у тебя чувство вины...

— О, ну, это удобно, — он фыркает и делает глоток пива.

— Это охренительно плохо, — выкрикиваю я. — Но что есть, то есть. И если нам потребовалось разъехаться в разные стороны, чтобы отыскать свой собственный путь

обратно, найти свою музыку и вдохновение, ну, тогда это неестественное везение, на которое не стоит жаловаться.

Джакс смотрит на меня, пока Уип и Рай молча и напряженно ждут. Мы все смотрим друг на друга в течение затянувшейся минуты, в то время как клуб пульсирует и вибрирует вокруг нас.

А затем Джакс вздыхает и проводит рукой по лицу.

— Ты прав. Знаю, ты прав, — он откидывает голову назад, и она со стуком ударяется о спинку диванчика, а затем парень моргает, глядя на потолок. — У меня не было никакого музыкального прозрения, — его зеленые глаза впиваются в нас. — Но я хочу играть. Мне нужно это.

Его искренность ощутима. Но меня сводит с ума то, что он хочет этого по неверным причинам. Но я ему не отец. Так что могу лишь поддерживать друга и делать то, что лучше для группы.

— Именно за этим мы здесь, — говорю я.

Кончиком большого пальца Джакс поддевает мокрую этикетку со своей бутылки пива.

— Это многое значит, — он обводит нас взглядом, встречаясь с каждым глазами. — Я серьезно. Знаю, что был мудаком. Но... Спасибо за возвращение.

Дело в том, что до этого Джакс никогда не был мудаком. Он был счастливым парнем, который мотивировал нас. Знаю, Уип и Рай считают так же. Комната снова погружается в тишину, и я гадаю, как мы снова вернемся к этой легкой атмосфере, в которой прожили столь долго, и возможно ли это вообще.

— Эх, хватит уже, — выпаливает Уип таким жалобным тоном, который больше подошел бы семилетнему мальчишке. — Мы прошли через сложные времена. А теперь можем просто переступить через свое "я" и выпить чертово пиво?

На это Джакс смеется.

— Ага, мужик. Можем.

Рай поднимает руку, привлекая внимание помощника, который молчаливо стоял в дальнем углу комнаты. Он шепчет что-то на ухо мужчине, пока все остальные пьют свое "чертово пиво" и наблюдают за происходящим в главном зале.

Не проходит и минуты, как открывается дверь, и входит группа женщин.

Блять.

— Подумал, нам придется по душе компания, — говорит Рай. Может, парень и музыкальный гений, но он также типичный кобель в отношении секса. — Ну, знаете, это поможет нам снова объединиться.

Женщины красивы, хорошо одеты и очень интересны. Несколько месяцев назад я был бы двумя руками "за". Теперь же злюсь, что не могу провести и десяти минут с друзьями без посторонних. Я даже не задумываюсь о своем члене. Он не у дел.

Странно то, что Уип и Джакс тоже, кажется, не слишком полны энтузиазма. Уип выглядит так, словно ему больно, его взгляд бросается к танцполу в основном зале, а затем парень сжимает руки в кулаки на столе. Джакс просто смотрит на всё это без эмоций. Но когда наши взгляды пересекаются, он стирает данное выражение со своего лица, откидывается на спинку и раздвигает бедра, освобождая место для девушки. А затем хватается одну из них за талию и притягивает к себе на колени.

— Дамы, — говорит он.

Девушки хихикают.

Этот звук будто царапает мою кожу. Когда остальные женщины располагаются за столом, проталкиваясь в кабинку, я поднимаю руку.

— Пстой, — говорю, обращаясь к очень симпатичной брюнетке в почти прозрачном шелковом платье. — Мне нужно пописать.

Классика. Это дает желаемый результат. Ее нос морщится, и она спешно убирается с моего пути. Но эта гримаса быстро исчезает с ее лица.

— Поспешь обратно. Не могу поверить, что буду зависать с Киллианом Джеймсом. Не будешь. Но я не поправляю ее.

Просто выхожу и направляюсь к выходу.

— Подожди, — Уип оказывается рядом. — Хочешь пойти в основной бар?

Мне хочется спросить у парня, почему вдруг ему не интересно зависать с девочками, ведь он еще больший игрок, чем Рай. Но затем я задаю этот же вопрос самому себе. Так что просто киваю.

Бар полон народа, люди натываются на нас. Но в этом есть и некая анонимность. До тех пор, пока мы не установим с кем-то визуальный контакт, нас никто не тронет.

— Я привык к тому, что меня не узнают, — говорю ему, пока мы пьем пиво.

— Я тоже, — он смотрит на пустую сцену. — Мне это типа нравилось.

— Но ты всё равно хочешь вернуться.

— Должно быть, я ненасытен относительно поклонения, — Уип встречается со мной взглядом. — А ты?

Я размышляю над этим в течение секунды. Скучал ли я по своим фанатам тоже? В моих руках и позвоночнике появляется странное напряжение. Я бросаю взгляд на сцену, и мое сердце стучит быстрее.

— Я скучал по этому.

Я не упоминаю о том, что мне еще и страшно. Было бы так просто позволить потребности этого поглотить всё остальное.

— Ага, — он делает глоток. — А по всему остальному? Сейчас я чувствую себя старым.

На это мне приходится рассмеяться.

— Старым и скучным.

— Возможно, — парень качает головой. — Мне хочется чего-то настоящего. Вернуться в то место, где мы были, когда написали "Апатию".

Место истины. У меня было такое с Либби. Я чувствовал это, когда мы пели. И я хочу вернуть это чувство. Хочу вернуть это рядом с ней. Делает ли это меня эгоистичным? Не знаю. Но груз сожаления давит мне на плечи. Я отступил, дал ей пространство. И это кажется ошибкой.

А я натворил немало ошибок в жизни. Ставлю бутылку на барную стойку, ощущая кислоту в животе.

— Хочу, чтобы ты послушал песни, что я написал, — говорю Уипу. — Думаю, их можно сочетать с тем, над чем работали вы с Райем.

Уип медленно улыбается.

— Мы сделаем это? «Килл-Джон» перезагрузится?

Предвкушение, словно приятное жужжание, лижет меня языками изнутри. Больше ни капли сожаления. Стремительно движемся вперед.

— Ага, мужик. Сделаем.



Либби

Я погрязла в вечеринке жалости к себе, лежа в одиночестве на диване и глядя в потолок, когда кто-то постучал в дверь. От этого мое сердце моментально пускается вскачь, и, стыдно признаться, но мне нужно, чтобы это оказался Киллиан.

Однако несмотря на данную потребность, я долго сижу на месте, пытаюсь остановить дрожь.

Еще один стук раздается в тишине дома. Мои ноги подкашиваются, когда направляюсь к крыльцу. Снаружи, на подъездной дорожке, стоит арендованный автомобиль. Во рту пересыхает, ладони потеют. Они скользят по ручке, когда я открываю дверь.

Разочарование отправляет мое сердце лететь с парашютом к животу.

— Какого хрена вы двое здесь делаете?

Скотти бросает на меня пустой взгляд, пока разговаривает с Бренной.

— Я думал, Киллиан говорил, что она застенчивая.

Застенчивая? Вот какой Киллиан видит меня? Он, вероятно, назвал бы меня отшельницей, что недалеко от истины. Я привыкла наслаждаться этим, но теперь осознаю, как глупо было скрываться от жизни.

— Застенчивая не значит немая, — возражаю я. — Или глухая. Попробуйте обращаться ко мне, а не к своему помощнику.

— Я люблю ее всё больше с каждой новой встречей, — говорит Бренна, ярко улыбаясь. — Она словно маленькая Кейт Хадсон. Только не такая блондинка. Или не такая острячка, слава богу.

— У вас двоих развилась капелльная дискуссия, которую кому-то стоит прокомментировать? (*капелла в смысле коллективного действия — прим. пер.*)

Идеальные губы Скотти изгибаются.

— Капелльная? О чем ты болтаешь?

Бренна фыркает.

— Она милая. Нет, — отвечает она, обращаясь ко мне слишком громко. — Мы привыкли выступать сольно, детка.

Она ударяет мое бедро своим, проходя в дом. И делает это так просто, что я даже и не думаю ее останавливать.

К счастью, у Скотти есть немного манер, и он наклоняет голову.

— Вы и вправду не захотите, чтобы она сама бродила по дому без присмотра, мисс Белл. Могу я войти?

— Если вы можете контролировать Вот Эту, тогда входите.

Бренна уже налила три стакана холодного чая, а теперь роется по кухонным ящикам в поисках бог знает чего.

— Где твои печеньки? — бормочет она, открывая буфет. — На таких кухнях, как эта, всегда найдутся печеньки. Я видела это по телику.

— У меня есть крекеры, йогурт и очень острые ножи, — я отгоняю ее.

— Нет печенья? — она прикладывает руки к груди. — Я ждала их весь день.

— Жаль, что разочаровала, — у меня почти нет еды в доме: не хотелось есть. Сама в шоке.

Но так как мое гостеприимство требует действий, я ставлю напитки на поднос и приглашаю ребят в гостиную. Скотти и Бренна следуют за мной. Через минуту мы сидим, попивая холодный чай в напряженном молчании. Ну, вернее мы с Бренной. Скотти не прикасается к своему стакану, просто подозрительно глазеет на него. Мне хочется сказать ему, что там нет отравы. Но опять же, части меня нравится идея о том, что он опасается данной возможности.

Опуская свой стакан, я устраиваюсь поудобнее в кресле.

— Тогда ладно. Зачем вы здесь?

Почему с ними нет Киллиана? Я скучаю по нему так сильно, что больно дышать, а их присутствие делает всё еще хуже.

Выражение лица Скотти начинает искажаться, словно мужчина подавился чем-то гадким. По крайней мере, он не может винить мой чай. Бренна, с другой стороны, начинает ржать. Сильно.

Скотти бросает на нее уродливый взгляд и наклоняется вперед.

— У Киллиана есть для тебя послание.

— Послание? — мое сердце достигает предельной скорости, а разум резко тормозит до полной остановки. — Что это, на фиг, означает? Мы в пятом классе? Почему он просто не позвонил мне?

Уголок глаза Скотти дергается, а Бренна громко откашливается в руку. Слезы формируются под ее очками в стиле кошки.

— Да, — выдавливая сквозь зубы Скотти. — Это было бы логично, — его глаз еще сильнее дергается. — Однако мы здесь, чтобы доставить это...

— Это телеграмма в виде песни? Потому что в данном случае это того бы стоило.

Бренна проигрывает борьбу со смехом и взрывается хохотом, отчего ее грудь раздувается.

— Пойди поищи печеньки, — рычит на нее Скотти, хотя, на самом деле, он не утратил ни грамма самоконтроля. Он сдержан, как никогда. Ну, за исключением дергающегося глаза.

По-прежнему хихикая, Бренна покачивается, а Скотти возвращает ко мне свое внимание.

— Правда, бывают дни, когда я ненавижу свою работу, — он вытягивает сложенный лист бумаги из внутреннего нагрудного кармана и передает его мне. — Не спрашивай. Просто прочти кровавую записку.

Ну, ладно.

Ненавижу то, как дрожат мои пальцы, пока беру у него бумагу и открываю гладкий лист

сливочного цвета. Почерк Киллиана наклонен и запутан. И мое сердце мгновенно сжимается. Черт, я скучаю по нему.

Либс,

Ты устроила Скотти вынос мозга по этому поводу, верно?

Я останавливаюсь, и часть меня хочет проверить, не прячется ли Киллиан где-то в комнате. Это глупо, но, боже, иногда этот мужчина меня пугает. Я отбрасываю эти мысли и возвращаюсь к чтению.

Ты не представляешь, как сильно я бы хотел увидеть давящегося презрением Скотти.

Я борюсь с улыбкой. Ему бы понравилась идея с телеграммой в виде песни.

Ты не представляешь, как сильно я бы хотел увидеть тебя, Либерти Белл.

На этом записка заканчивается, и я фыркаю, потому что это совсем не смешно.

— Если он хочет меня увидеть, — не могу не пожаловаться Скотти. — Тогда какого черта он не здесь? И какого хрена эта маленькая...

Многострадально вздыхая, он достает еще одну записку. Я вырываю ее у него из руки.

Не могу там находиться. Я должен быть на репетициях. Если попытаюсь улизнуть, мне грозит физическая расправа. Погрусти немного и почитай чертовы записки, ладно?

Кривя губы, я поднимаю взгляд на Скотти.

— Давай следующую.

Бормоча под нос, Скотти вынимает свернутый лист немного большего размера.

Я не могу быть там, Либби. Но ты можешь быть здесь. И ты знаешь это. Приезжай ко мне, Либби. Садись в самолет и будь со мной. Я так сильно по тебе скучаю, что даже не могу позвонить. Потому что, услышав твой голос, то, как ты ответишь "нет" тому, чтобы присоединиться ко мне, я почувствую, как сжимаются мои внутренности.

Так что, словно последний трус, я отправил к тебе Скотти и Бренну. (Плюс, карма — сука, а Скотти задолжал. Он умирает прямо сейчас? Давай, посмейся. Ему станет еще хуже).

Я смеюсь, потому что могу слышать уговаривающий и дразнящий голос Киллиана у себя в голове. Он хочет меня. Прерывистое дыхание покидает мои легкие, и я моргаю, чтобы прояснить зрение.

Эти песни, которые я написал вместе с тобой, они наши, не мои. Я написал их из-за тебя. И не собираюсь петь их с кем-то другим, лишь с тобой.

Поехали со мной в тур. Узнай зверя не понаслышке. Он замурлычет для тебя, Либс, обещаю.

Скажи "да", Либерти. Скажи. Давай, всего одно короткое слово. Открой эти прекрасные губы и произнеси его. Д-А.

Ладно. Я больше не стану писать. Вот только еще одну вещь напоследок.

Письмо заканчивается, но Скотти уже достал еще одну записку на отвратительно яркой желтой бумаге. Я должна прикусить губу, видя выражение боли на его лице, и молча взять записку.

Каракули Киллиана в этой записке более искаженные и жирные.

Если ты не притащишь свою сладкую попку в самолет, я буду отправлять Скотти и Бренну к тебе домой каждые выходные, пока ты не дашь слабину. Я сделаю это, куколка. Даже не сомневайся.

Твой К

— Он ненормальный, — бормочу я, с любовью складывая бумагу и играя с ее краями.

— Как ты и сказала, — соглашается Скотти. Его взгляд буравит меня. — Ну?

Стопка разноплановых листов бумаги лежит у меня на коленях. Я опускаю ладонь на их прохладную поверхность и вздыхаю.

— Я позвоню ему.

Из кухни до нас доносится протяжный стон.

— Едрить колотить, — кричит Бренна. — Если я должна буду вернуться сюда, то тебе лучше начинать готовить печенье!

Глава 13

Киллиан

— Я скучаю по хорошему траху, — сообщая эту маленькую пикантную новость, Уип подбрасывает барабанную палочку в воздух, смотрит на часы и ловит ее снова.

— Не заинтересован в помощи тебе по данному вопросу, — отвечаю я, развалившись на диване и попивая ледяную воду. Я не говорю ему, что тоже скучаю по этому.

Мы только что закончили интенсивную репетицию, играя несколько часов подряд. Приятное ощущение. По-настоящему. Пот скользит по моей коже, кровь кипит, и я взвинчен до предела. Если бы Либби была здесь... Но ее нет. Должно быть, Скотти сейчас с ней. Я ерзаю на сидении, ощущая кислоту в желудке.

— Если ты так сильно по этому скучаешь, — говорит Рай, сидя на высоком стуле за микрофоном. — Пойди и трахни кого-то, избавив нас от твоего нытья.

Уип показывает ему средний палец, еще раз подбрасывая палочку.

— Не могу. У меня травма.

На этих словах мы все садимся ровнее.

— Святое дерьмо, — тянет слова Рай. — Сэр Многотрах дал слабину? Скажи, что это не так.

Уип пожимает плечами, сосредотачиваясь на барабанной палочке.

— Повстречал одну шершавую киску. И теперь всё выглядит не так, как прежде.

Мы с Райем содрогаемся от сочувствия.

— Что за, на хрен, шершавая киска? — спрашивает Джакс. Он сейчас редко включается в беседу, но его брови приподняты от интереса.

И у меня возникает вопрос, не поэтому ли Уип поднял данную тему, так как все мы знаем, что он не фанат разговоров о личном. И тогда меня внезапно озаряет. Мы пытаемся вернуться к тому состоянию, когда не волновались о Джаксе и его хреновом настроении. К состоянию настолько отличному от нынешней атмосферы. Но это непросто. Этот груз лежит на нас, словно камень.

И, думаю, на Джакса он тоже давит.

Уип поворачивается на месте, перехватывая почти упавшую палочку.

— Как так? Ты не знаешь о таких кисках? Отказываюсь верить, что ты, мистер Джакс-трахну-в-любую-дырку, ни разу не сталкивался с подобным явлением.

Губы Джакса изгибаются, но в глазах заметен смех.

— Возможно, так вышло, потому что я использую только свежие попки? Так что не в

курсе данного термина.

Мы все фыркаем в ответ.

— Ты меня разыгрываешь? — я смеюсь. — Ты мудака, который заставил всех называть меня "Менвинго" в течение года. (*Менвинго — сленг для обозначения мужчины с большим членом, который знает, как его использовать*)

— Менвинго! — Рий и Уип счастливо восклицают.

Джакс почти смеется.

— Это был комплимент, ебанько.

Я выгибаю бровь.

Джакс отлично всё понимает.

— Ага, ладно, но к делу. Я всё еще не понимаю, что значит шершавая киска.

Рай вздрагивает, а Уип сжимает губы.

— Чувак, всё довольно очевидно. Я собирался сделать кунилингус барышне, чья киска выглядела очень даже мило, но она вся...

Мы стонем, перебивая его.

Джакс качает головой.

— Дерьмо, это просто неправильно. Я не могу поверить, что забыл об этом.

— Словно ты снова стал девственником, — смеется Рай.

— Это так оскорбительно, — продолжает Уип. — Осознавать, что я даже не знал имени той девушки и того, где черти носили ее киску до этого. Я убрался оттуда на хрен, понимая, что с меня достаточно.

— То, что ты столкнулся с несколькими песчинками, не значит, что стоит выходить из игры, — Рай двигает бровями.

— Твои слова вызывают у меня изжогу, мужик, — говорит Уип.

— Ну, а ты загоняешь меня в депрессию, — отвечает Рай, вставая и вытягивая руки над головой. — Давайте свалим отсюда и пойдем в какой-нибудь клуб. Найдем премиальные ухоженные киски.

Когда никто не отвечает, он испускает звук отвращения.

— Да ладно. Клянусь, если вы все начнете вести себя, словно старики, я убью свою... — он смолкает, бледнея.

Никто не смотрит на Джакса, но он неискренне смеется.

— Совет в тему: держись подальше от передоза. Это не так весело, как кажется, мужик.

Тяжелое молчание опускается на комнату, и Джакс поднимает голову, чтобы взглянуть на нас. Выражение его лица искажено усмешкой.

— Слишком рано?

Для меня подобные шутки навсегда останутся неуместными. Но от ответа меня спасает телефонный звонок.

Знакомая мелодия "Hotel Yorba" раздаётся по комнате, и мне стыдно признаться, что мое сердце замирает. Либби. Я встаю с дивана и направляюсь к двери, доставая мобильный из кармана.

— Нужно ответить.

Возможно, я сбегаю прямо сейчас.

Блядь. Если она звонит, чтобы отказать, то я, быть может, начну биться о стену. Я захожу в кабинку для звукозаписи, так что никто не может меня услышать.

— Либби, — отвечаю я.

Мой голос показался взволнованным? Дерьмо, эта девушка делает из меня подростка, но меня это даже не волнует.

— У тебя есть кое-какие интересные коммуникативные навыки, — говорит она вместо приветствия.

Я усмехаюсь. То, что я послал Скотти и Брену, чтобы передать ей записки, можно было истолковать как незрелость и легкую банальность, но в моем безумии есть некая логика. Я знал, что это разозлит ее или застанет врасплох, так что Либс даже не сможет отступить и спрятаться за своими стенами. Я надеюсь до последнего.

— Я бы предпочел общение лицом к лицу.

Она фыркает и, кажется, злится.

— Я всё получила.

— Не держи меня в напряжении, Элли Мэй. Я здесь умираю.

— И ты думаешь, что, называя меня так, помогаешь в решении проблемы?

— Либerti Белл, — предупреждаю я. Черт, я потею. Прислоняюсь к стене. — Покончи с этим, злая женщина.

Она вздыхает, а затем ее голос становится нежнее и тише.

— Я тоже по тебе скучаю. Очень сильно.

— Ты убиваешь меня, детка, — мои глаза закрываются. — Знаешь, что? Я солгал. Если ты не приедешь ко мне, я приеду к тебе. Я не уйду с пустыми руками.

— Ты насильно утащишь меня с собой? — спрашивает она, хрипло смеясь.

— Ага. Хотя, может, перегну тебя через свое колено до того, как сделаю это.

Я не лгу, мой член твердый только от этой мысли. Он вздрагивает, когда Либби смеется.

— Тебе нравится жить рискованно.

— Тебе бы понравилось, — я улыбаюсь, но улыбка слаба. — Скажи мне, Либби. Скажи, что ты уже в пути.

Она вздыхает.

— Ты хочешь, чтобы я приехала просто увидеться или выступить?

Я хочу, чтобы она была моим партнером во всех вопросах. Теперь я это понимаю. Но по одной проблеме за раз.

— Детка, я четко поясню, чего именно хочу. Чтобы ты прекратила прятаться в том доме.

— Киллиан, ты хоть понимаешь, что идея о выходе на сцену и выступлении вместе с «Килл-Джон» перед огромной толпой вызывает у меня приступ тошноты? Я реально бросаю взгляды в сторону ванной, пока мы разговариваем.

Мне так сильно хочется ее обнять. Я прижимаю кулак к бедру.

— Ты реально ненавидишь эту идею? Между мной и тобой, не думая ни о чем другом, скажи, что подсказывает твое сердце?

Следует молчание, от которого лишь четче слышно ее дыхание.

— Я боюсь... — ее голос резок. — Что потеряю себя.

— Я тебе не позволю, — теперь у нее есть я.

Даже если она не осознает это полностью. Я всегда буду там. Ради нее. Я просто должен показать ей это.

Она снова отвечает едва слышимым шепотом.

— Я боюсь, что буду выглядеть нелепо.

Я выдыхаю.

— О, куколка. Если бы ты могла видеть себя так, как вижу тебя я. Твой голос и страсть, когда ты играешь, — всё это вернуло меня обратно к музыке. Ты принадлежишь ей. Ты сказала, что хотела летать. Так полетели со мной.

— Почему это так важно для тебя? — хрипит она. — Почему ты так сильно подталкиваешь меня к этому? — я практически могу слышать жужжание в ее голове. — О чем ты не говоришь мне?

Вздыхаю и сжимаю переносицу. Если я хочу, чтобы она мне доверяла, то должен сейчас пойти ва-банк.

— Впервые, когда я сказал родителям, что хочу гитару, они послали помощника, чтобы купить мне Telecaster за шесть тысяч долларов.

Она молчит в течение секунды.

— Это типа плохо?

Я весело фыркаю, но ощущаю усталость.

— Они организовали для меня уроки у лучших учителей Нью-Йорка. Потому что цитирую: "Киллиан наконец-то нашел себе маленькое хобби".

Я продолжаю говорить, открываясь еще сильнее.

— Когда я сказал им, что хочу создать группу, стать рок-звездой, они спросили у меня, нужно ли забронировать для моего выступления концертный зал. Они были знакомы с некоторыми людьми.

— Я... о... Не понимаю. Кажется, они поддерживали тебя намного лучше, чем большинство родителей. Возможно, чересчур, но очевидно, что они волновались.

— Либс, когда я сказал, что у меня было хорошее детство, то имел в виду, что всё в нем было самым лучшим. Но еще я был кем-то сродни зверушки. У них не было интереса к тому, кем я был или что делал со своей жизнью. По мне не скучали и во мне не нуждались. И это не речи бедного-маленького-богатого-мальчика. Просто голая правда. По сей день они не слышали ни одной моей песни и не сходили ни на один мой концерт. И это хорошо.

Нет, не хорошо.

Она явно понимает это.

— Так ты хочешь изменить меня из-за детской неуверенности?

Что-то во мне щелкает.

— Я пытаюсь показать, как сильно о тебе волнуюсь и что твои мечты значат что-то для меня! Это не то, что стоит прятать под ковер или пустословить. Они пиздец как важны, Либби. Ты важна, — на этом я смолкаю, мое тело напряженно. Я сказал слишком много, обнажив свои внутренности. И это неприятное ощущение.

Она втягивает воздух, звук ее дыхания раздается из динамиков.

— Ты тоже важен.

Мои глаза закрываются. Возможно, некоторые из моих мотиваций эгоистичны, потому что я так сильно по ней скучаю, что прямо сейчас это ранит. Я так влюблен в эту девушку. Она даже не представляет насколько.

— У меня всегда были мои парни, группа. Мы подталкиваем друг друга, когда кто-то из нас сомневается. Мы команда. Я не оказался бы там, где нахожусь, если бы не они. И мне хотелось бы стать таким человеком для тебя, Либби. Ты невероятно талантлива, чтобы хотя бы не попытаться.

Клянусь, кажется, что мгновение до ее ответа растягивается на несколько часов. Ее смех короткий и усталый.

— Боже. Я собираюсь это сделать?

— Ага.

— Это был риторический вопрос.

— Я просто продвигаю процесс вперед, детка.

Она с секунду молчит, а затем произносит:

— У меня есть условия.

— Назови их, — сердце колотится, адреналин вынуждает меня метаться из стороны в сторону.

— Я не хочу, чтобы кто-то знал о нас.

— Ладно... Постой, что? — я останавливаюсь, очень крепко сжимая телефон. Скрываться? — Какого черта? Нет. Зачем? — теперь я брызжу слюной. — Это всё снова в духе Йоко?

— Нет, — говорит она, раздражаясь, но всё еще терпеливо. — Это обоснованное беспокойство. И даже больше, чем беспокойство, если я всё-таки выйду с тобой на сцену.

— Потому что твой талант вдруг исчезнет, если люди узнают, что мой член был в тебе?

— Не груби.

О, так я грублю. Я прикладываю кулак к стене. Просто прикладываю. На данный момент.

Ее голос становится мягче.

— Прошу, поставь себя на мое место. Меня никто не знает, я посредственный музыкант, который хочет выйти на сцену с самой известной группой мира. Никто не может такое сделать, если только не даст кому-то.

— И этот кто-то — я, — заканчиваю за нее.

— Ты пытаешься разозлить меня? — выкрикивает она.

Я вздыхаю и ударяюсь лбом о стену.

— Нет. Я не это имел в виду. Продолжай.

— Ты прав. Люди, вероятно, подумают, что нечто подобное не стоит внимания. Но ты пойдешь и скажешь своей группе, что хочешь, чтобы твоя девушка выступала с тобой на сцене? Они подумают следующее: "Да, она достигла этого через постель".

Морщась, я сжимаю зубы, пытаюсь придумать ответ.

Я слышу, как у нее перехватывает дыхание.

— У меня есть гордость, Киллиан. Не забирай ее у меня.

— Куколка.

— Позволь мне доказать себе, кто я такая, до того, как они сделают выводы.

Тишина повисает на долгую минуту.

— Блядь, — рычу я, врезая кулак в стену. Вздыхаю, и сопротивление покидает меня. — Ладно. Ты права. Знаю, ты права. Но они поймут, что мы вместе, как только увидят нас, Либс. Я не очень хорош в том, чтобы скрывать свои чувства.

— Ты говорил им о нас?

Я смотрю через стекло. Мне видно немного пространства следующей комнаты, в том числе профиль Джакса. Парень выглядит расслабленно. Он серьезен, но в порядке.

— Очевидно, Бренна и Скотти уже знают. Но они ничего не скажут. Хотя ребятам я не говорил. Не о подобных деталях, — мне не хотелось делиться. словно рассказав им об этом, я потерял бы что-то личное, что-то настоящее. — Лишь то, что ты помогла мне с музыкой и что ты до чертиков талантлива. Им известно, что я послал Скотти, чтобы уговорить тебя

приехать сюда.

— И они не против?

Мои зубы вонзаются в нижнюю губу. Правда? Или ложь? Но, на самом деле, это даже не вопрос.

— Сперва они думали, что я выжил из ума. Затем я показал им песни и поставил запись, где мы играем "Artful Girl".

Я записал ее на телефон, и качество оказалось дерьмовым, но талант Либби ощутим даже так. Этого было более чем достаточно. Почти для всех. Вот только Джакс — заноза в заднице. Но я этого ожидал.

Я тру ноющие мышцы на затылке.

— Они хотят с тобой познакомиться.

Проходит вечность, прежде чем она отвечает.

— Ладно, я приеду. Не обещаю, что пройду через всё это. Но я попытаюсь.

Каждая напряженная мышца моего тела в миг расслабляется, и я прислоняюсь к пульта. Напряженно сглатываю, после чего отвечаю.

— Я ничего не буду говорить им о нас. Но как только мы останемся одни, все договоренности теряют свою силу. Это мое время, Либби. И я намерен использовать его с толком.

Клянусь, даже через телефон я могу почувствовать, как она краснеет. Но затем ее хриплый голос становится увереннее.

— Хорошо. У меня не слишком богатое воображение, так что тебе лучше взять на себя творческую часть.

Ах, эта девушка.

Мой член встает и требует своего прямо сейчас. Поправляя головку, чтобы облегчить ноющую боль, я говорю единственное, что могу сказать.

— Езжай сюда.



Либби

Мои ноги кажутся резиновыми, когда я заканчиваю разговор с Киллианом. Я собираюсь сделать это. Собираюсь поехать в тур с «Килл-Джон». Мне хочется отказаться от этого. Хочется увидеть Киллиана так сильно, что болят зубы. Но выступление на сцене? Совсем другой фрукт.

Я бы лучше сосредоточилась на последних словах Килла и на жаре потребности в его голосе. Ему было больно, как и мне сейчас. Я не знала, что можно ощущать пустоту между ног, но в данный момент это место так сильно жаждет ощутить член, что болит. Нет, не любой член. Киллиана. Теперь мне нужен лишь его член. Чертов мужчина, он добрался до меня.

Но прямо сейчас в моем доме гости, и не хотелось бы расхаживать перед ними с торчащими сосками и румяной кожей. Так что я глубоко вдыхаю и думаю о том разе, когда застала бабушку за просмотром порно. Ощущая достаточный уровень ужаса, я иду в гостиную.

— Ты, кажется, позеленела, — замечает Бренна. — Скажи, что это из-за того, что ты едешь в Нью-Йорк.

Достаточно близко к истине. Я киваю.

Скотти становится... менее напряженным.

— Очень хорошо, — он смотрит мне прямо в глаза. И меня снова поражает то, насколько красив этот парень. Даже не в сексуальном смысле, хотя и этого у него не отнять, а, вероятнее, лишь благодаря силе его взгляда, я теряю дар речи. А его четкий британский акцент тоже не проходит даром. — Вы приняли правильное решение, мисс Белл.

— Вы так считаете, потому что у вас больше нет для меня записок, мистер Скотт?

Он прищуривает глаза.

— Точно.

Пока Бренна хихикает, он встает и поправляет манжеты рубашки.

— Мне нужно сделать пару звонков.

Как только Скотти покидает комнату, я расслабляюсь. Я не горжусь этим. Но черт.

— Это нелепо? — говорит Бренна шепотом, который разносится по всему дому. — То, как безумно великолепен Скотти?

Она слишком хорошо читает людей или просто столь же изумлена присутствием этого мужчины, как и я сама. Думаю, немного от обоих вариантов, судя по тому, как она вздрагивает, выводя себя из транса.

— Ты и он...

— Боже, нет, — говорит она, фыркая.

— Вы мне льстите, — сухой тон голоса Скотти перебивает нас, когда парень входит в комнату, ловя нас с поличным. Правда, он несправедливо красив. Такой ослепительный и рельефный. Не мой тип, но каждая девушка стала бы им восхищаться.

— Очевидно, ты слышал, что я упомянула о твоей сексуальности, — говорит Бренна. — Так что не нужно еще сильнее задирать нос.

Скотти садится на розовое тканевое кресло бабушки. В окружении цветов мужчина выглядит так, будто он — царь на троне.

— Внешность — одно. Но ты намекнула, что мой характер имеет недостатки, а это намного хуже.

— О, прекрати всё переворачивать, — Бренна обращается ко мне. — Он прошел первый тест, но завалил второй. И это не имеет ничего общего с характером, а скорее относится к отсутствию химии между нами. У нас ее попросту нет.

— Что еще за тесты? — не могу удержаться от вопроса.

— Да, — включается Скотти. — Просвети нас, дорогая, — он смотрит на меня. — Хотя, она права. Между нами нет сексуальной химии.

Бренна делает глоток лимонада.

— Признаешь ты или нет, встречая каждого нового человека, ты оцениваешь его по двум критериям: сексуальность и трахабельность, — она кивает и продолжает. — Тест номер один: Сексуальность. Насколько сексуальным тебе кажется человек? Очевидно, Скотти получает оценку одиннадцать. И знает об этом. Нам всем об этом известно. Тест второй: Трахабельность. Учитывая обстоятельства, что ты хочешь сделать с этим человеком?

— Это правда. И да, и нет, — признаю я, поднимая руку, потому что знаю: Бренна собирается спросить, какую оценку я бы дала Скотти.

Конечно, он сексуален. И хотя ведет себя как высокомерный старикашка, ему не может быть больше тридцати. Но не важно, насколько хорошо этот парень выглядит, для меня сейчас существует лишь Киллиан.

Бренна дуется, а затем подходит и смотрит на Скотти, ее взгляд блуждает по всему телу. Он по-прежнему сидит, и в его глазах заметно веселье. Она бросает взгляд в мою сторону.

— Не-а. Всё еще нет искры. Я могла бы смотреть на него весь день, но это не поможет.

Я киваю. Мы с Бренной в этом полностью согласны.

— Если вы, дамы, раскрыли секрет моей физической привлекательности, — говорит Скотти. — Я бы с удовольствием двинулся дальше. Мисс Белл, я забронировал для вас билет в Нью-Йорк вместе с мисс Джеймс. Рейс через три часа, а это означает, что вы должны упаковать вещи прямо сейчас.

— Вы не летите?

— Нет, — он еще раз поправляет и так идеально застегнутые манжеты. — У меня сперва есть еще несколько неразрешенных дел. Но я последую за вами чуть позже.

Бренна издает звук, который может означать что угодно, учитывая ее идеально спокойное выражение лица. Она встает и направляется к моей комнате.

— Значит, пора паковать.

Мне ни за что не удастся отвадить маленькую мисс Бульдозер от упаковки моих вещей. Так что я спешу следом за ней, ощущая, как волнение и тревога струятся по моим венам.

Глава 14

Либби

Нью-Йорк в некотором роде наделен серебристым оттенком: частично из-за постоянных теней, отчасти из-за блестящего солнечного света, искоса освещающего высокие здания. Я наклоняю голову, глаза через окно машины на эти небоскребы, словно маленькая деревенщина, которой я, по сути, и являюсь. Но меня это даже не заботит. Это рай для любителей поглазеть на постоянный ритмичный поток человеческой активности. Воздух здесь пропитан энергией, что проникает под кожу. Меня одолевает желание попросить водителя остановиться и пойти пешком.

— Хочешь открыть окно, чтобы высунуть язык, как собачка? — голос Бренны пронизан весельем.

Я не отвожу взгляда от вида за окном.

— Я пыталась это сделать чуть ранее, и ты начала жаловаться на горячий воздух, который ерошит твои волосы. Помнишь?

Мы только что проехали через туннель Холланда, направляясь напрямик к центру Театрального квартала, и я почти выпрыгиваю со своего кресла от волнения.

Бренна издает сдавленный звук, соглашаясь.

— Позже мы отправимся сюда и всё рассмотрим. К слову, о спутанных волосах. На самом деле, как ты относишься к макияжу?

Вопрос отрывает мой взгляд от окна, и я откидываюсь на мягкое кожаное сиденье арендованного лимузина.

— То есть, мы в каком-то смысле герои "Дневника Принцессы", и теперь какой-то чувак выльет горшочек воска на мои брови и сделает кучу завитушек из моих волос? — я тихо смеюсь. — Неужели всё так плохо?

— Нет, конечно, нет, — прохладный взгляд Бренны путешествует по всему моему телу, словно она осматривает заброшенный дом, который нуждается в ремонте. — Но каждой девушке может понадобиться навести немного блеска время от времени. Особенно, если ее лицо вот-вот появится в СМИ.

СМИ? Мой желудок начинает вертеться как барабан сушилки.

— Тебе не нужно наводить блеск, — указываю я, игнорируя выходки своих внутренностей.

Она пожимает плечами, тем самым даже не вызывая складок на своем ярко-красном костюме.

— Я уже создала свой образ.

— Если это результат, запиши меня тоже.

— Правда? — её глаза блестят и лишь на половину злобно.

Теперь моя очередь пожимать плечами.

— Думаешь, я стану протестовать против шопинга, дня в парикмахерской или массажа в СПА? То, что я обычно не занимаюсь подобным, еще не означает, что я не люблю это делать.

— Я ни слова не говорила о массаже.

— О, массажу быть. А еще маникюр и педикюр.

— Мне нравится то, куда движутся твои мысли, Либерти.

Мы обмениваемся усмешками, а затем она делает несколько звонков, всё планируя. Когда Бренна заканчивает, то снова смотрит на меня.

Я стараюсь не ерзать на месте.

— Ты смотришь на меня так, словно я комок глины.

— Просто подожди, и я подберу для тебя форму, — соглашается она, кивая. Потом Бренна выгибает тонко выщипанные брови.

— Ничего слишком возмутительного. Я всё еще хочу остаться похожей на себя. Только... лучше.

Она смеется.

— Я полностью тебя понимаю. Мы подчеркнем лучшую версию тебя.

— А затем сделаем массаж.

— Ты всегда такая ненасытная?

— Ага. Я во всем такая, словно голодная крольчиха.

Даже несмотря на то, что Бренна улыбается, ее взгляд становится холодным и настороженным.

— Ты же осознаешь, что Киллиан хочет заплатить за это.

— Подозреваю. Если он предложит, я соглашусь.

Бренна откидывается на спинку сиденья и скрещивает ноги. Как ей удастся выглядеть одновременно сексуально и обыденно? Кажется, у меня появился новый объект восхищения.

— Знаешь, — говорит она. — Я ожидала, что ты будешь против того, чтобы Киллиан оплатил счет. Независимая женщина и всё такое.

— За последний месяц Киллиан испортил мой газон своим мотоциклом, обблевал мою любимую футболку и почти каждый день ел мою еду. Я была не очень рада первым двум пунктам, но кормила его с удовольствием. Полагаю, к его удовольствию тоже. Отказываться от предлагаемого им подарка как минимум грубо. И я уверена, черт возьми, что у меня самой не хватит денег оплатить всё то, что ты запланировала.

— Ты немного странная, знаешь?

— Сказал горшок чайнику. А теперь скажи мне, это твой натуральный цвет волос, или ты достигла его с помощью мастера в салоне, в который мы направляемся?

Лимузин поворачивает на Пятую Авеню, и лучи солнечного света проникают через окна. Золотисто-рыжие волосы Бренны ярко блестят.

— Лишь моему стилисту это известно. Но у меня есть пара идей для тебя.

— Внимательно слушаю.

— И я буду этим наслаждаться, — говорит она довольно.

Через пять минут лимузин останавливается перед салоном. Мы несемся в лаунж зону, отделенную от основного салона. Здесь до смешного красивая женщина с блестящими розовыми волосами в идеальном маленьком черном платье предлагает нам напитки.

Я осматриваюсь с широко открытыми глазами, пока попиваю масала-маття чай. Честно, у них, должно быть, есть бариста в штате сотрудников. Пространство оформлено в белом цвете, таком чистом, что он, кажется, светится.

Дамочка Розовые Волосы возвращается буквально через минуту.

— Леди, прошу следовать за мной.

— Они готовы меня принять? — я бросаю взгляд на Бренну. — Ты заранее забронировала время?

Бренна идет за мной по пятам.

— Конечно, забронировала. Я люблю планировать.

— И я, видимо, предсказуема.

— Вряд ли, — гладкий хвост Бренны качается, когда она крутит головой из стороны в сторону. — Кроме того, если бы мне нужно было перенести время, они бы подстроились. Даже ты должна понимать, какой властью обладает имя Киллиана.

— В салоне?

Бренна усмехается.

— Ты хоть представляешь, насколько важны для мужчины его чертовы волосы? То, как ты его обчекржила, почти взорвало весь интернет.

Я могу лишь смотреть на нее с отвисшей челюстью.

— Знаю, — говорит она весело. — Молоденькие девчонки оплакивали потерю его прекрасных локонов, словно это было знамение приближения апокалипсиса.

— Я находилась под впечатлением от зарослей у него на голове.

Это привлекает ее внимание.

— Ну да. Но он обычно поддерживал волосы длиной до подбородка. Ты и вправду не подозревала, кто он такой, когда вы познакомились?

Я сдерживаюсь, чтобы не ерзать под ее взглядом. Она не очень похожа на Киллиана, но, очевидно, их навыки допроса унаследованы от одних и тех же предков.

— Он был последним человеком, которого я ожидала увидеть у себя на лужайке. Предполагаю, мой разум никогда не соединял две эти точки вселенной.

Мои кеды шлепают о бетон лестницы, пока хостес салона ведет нас на следующий уровень. Она опускает взгляд на мои чаксы, но, судя по всему, понимает, что не стоит рисковать. Я качаю головой и возвращаю свое внимание к Бренне.

— Но, честно говоря, я могла видеть Киллиана лишь на обложке альбома «Килл-Джон» но его там не было. Никого из них. Кстати, почему?

— С самого начала в этом была фишка. Никакого притворства, лишь музыка. Теперь это уже традиция, — она двигает своими идеальными бровями. — Конечно, это также помогает добавить им мистичности и недостижимости. Но это уже благодаря моей работе.

Предполагаю, Киллиану без разницы относительно последнего пункта, но Бренна кажется такой гордой, что я киваю.

Мой стилист — Лиа, и она тут же начинает зарываться пальцами в мои волосы, одновременно с этим глядя на меня в зеркало. До сих пор стрижка заканчивалась для меня обрезанием секущихся кончиков. Кто ж знал, что массаж головы и момент, когда кто-то просто играет с твоими локонами, так расслабляют. Но мое отсутствие стиля на лицо, так что Лиа с Бренной начинают обсуждать план дальнейших действий.

— Мы сделаем форму, которая будет обрамлять твое лицо, и предадим локонам некоего движения, — объясняет Лиа.

— Она добавит красивые летние акценты, — вставляет Бренна. — Но, возможно, стоит насытить ее основной цвет?

Через час мои волосы завернуты в фольгу, и я застряла под обогревателем, пока две женщины трудятся над моими ногтями. Бренна танцует вокруг меня, и от этого голова идет кругом.

— Дальше мы будем тонировать твои брови, делая их немного темнее, и придадим им форму. А затем пойдем покупать одежду. Нет, сперва пообедаем. А потом одежда.

— Не забудь о моем настырном пунктике, — напоминаю я.

— О, массаж мы оставим напоследок. Мы же не хотим испортить весь кайф, — она счастливо вздыхает. — Может, я даже пойду на массаж лица. Ага. Звучит блаженно.

Трудно противостоять ее энтузиазму. Со многих сторон она напоминает женскую версию Киллиана, например, своим непринужденным очарованием и тем, как нахально ведет себя по жизни. В некоторых моментах это даже помогает. Не в моем характере легко заводить друзей или вести беседы. Но с Бренной я могу просто откинуться на спинку кресла и позволить ей трепаться.

— О, — восклицает она. — Я забыла о туфлях! И... Ты считаешь меня сумасшедшей?

Пойманная за тем, что ошеломленно ей улыбаюсь, я могу лишь пожать плечами.

— Я немного завидую твоей радости и волнению. Я же более сдержанная, а иногда зря.

Мастера маникюра уходят, установив мои руки под мини-сушки. Мои ногти сейчас серовато-голубого цвета. После того, как заканчивают и с моими волосами, мы с Бренной делаем педикюр. Я никогда его не делала, и почему-то сейчас это кажется мне грустным. Жизнь в пещере оказалась тратой жизни.

Бренна играет с зажимом для волос.

— Я не всегда это любила, — она наклоняется вперед, ее глаза округляются за ретро-

очками. — Большинство людей считают меня сухой.

— Меня тоже, бывает, считают такой.

В основном потому, что я не представляю, как разговаривать с другими без желания проглотить свой язык.

Нос Бренны морщится.

— Осуждают, если ты слишком молчаливая, и осуждают, если слишком уверенная в себе.

— Как-то так.

— Все мои друзья — парни.

— А у меня нет друзей, — признаюсь я.

Мы обе смеемся, почти что застенчиво.

— Киллиан мне не только кузен, — говорит Бренна, выражение ее лица становится открытым. — Он один из самых близких моих друзей. И он, очевидно, сходит с ума по тебе. Честно говоря, я никогда раньше не видела, чтобы он писал девушке записки. Тот факт, что он уговаривал Скотти их доставить, — невероятное чудо. Клянусь, у Килла, должно быть, есть что-то грязное на парня.

Она бормочет, и это в некотором роде мило. Но я не признаюсь в этом. Уверена, Бренна расстроится.

Во всяком случае, она продолжает болтать:

— Так, к чему я всё это говорю. А к тому, что мы тоже сможем стать друзьями, я надеюсь.

И либо от того, что я слишком долго была одна, либо из-за гормонов, но я становлюсь сентиментальной и несколько раз моргаю до того, как ответить.

— Мне может пригодиться хороший друг.



Киллиан

Честно? Мне не нужно выходить к толпе, чтобы возбудиться от музыки. Просто что-то должно щелкнуть внутри, и я зажигаюсь.

Тем не менее Скотти организовал концерт в Bowery Ballroom. Впервые мы взяли перерыв на целый год. До этого нам было привычно собирать стадионы — по крайней мере, пятьдесят тысяч поклонников. А теперь петь для пяти сотен?

Это редкость. Мое тело пульсирует от звука, а пот покрывает кожу. Огни ослепляют глаза, превращая толпу в движущуюся дымку, размазанный красный и синий свет.

Я заряжен на все сто, когда мы начинаем играть "Апатию".

Мы не планировали этого. Я даже не уверен, кто решил так сделать. В одну секунды мы играем по случайно составленному списку, а в следующую становимся единым целым, исполняя песню, с которой всё началось.

Я наклоняюсь к микрофону, напевая слова, моя гитара зависает в воздухе над шнурами. В этом месте нет ни мыслей, ни страха, ничего, кроме ритма и потока. Ничего, кроме жизни.

Я бью по высокой ноте в песне. Звук вибрирует в груди и горле. Рядом мои парни поддерживают и поднимают песню на новый уровень. Зверь рычит, аплодирует, масса тел пульсирует вверх и вниз. Люди, подпитывая своей любовью и энергетикой, варятся в этом вместе с нами.

И я дома, словно вернулся в место, где всё имеет свой смысл.

Но лишь до тех пор, как поднимаю взгляд и вижу ее за кулисами. Либбти. Наблюдает за мной в моей стихии. Меня словно бьет электрический ток. И я пою для нее, играю для нее.

Глаза Либбти встречаются с моими, улыбка задерживается на ее губах. И я не могу не усмехнуться в ответ. Черт возьми, как же она красива. Я так счастлив ее видеть, что крайне тяжело не уйти со сцены, чтобы обнять ее.

Мы заканчиваем песню, и Зверь воеет.

Он хочет большего. Всегда.

Но на данный момент мы закончили. Кланяясь, я бросаю микрофон на подставку и выключаю его.

Уип орет, вертя пальцами палочки.

— Вот то, о чем я говорю.

Ребята смеются и сообщают, что они пойдут в гримерку. Пресса ждет, как и звукозаписывающая компания, и наш фан-клуб, члены которого выиграли лотерею, чтобы встретиться и поприветствовать нас. Чьи-то руки передают мне бутылку воды и полотенце. Я действую на автопилоте, мое тело гудит так сильно, что пальцы дрожат.

Холодная вода скользит по горящему горлу. Но я продолжаю смотреть на Либбти.

Она остается с Бренной, в шести метрах от меня, как раз на самом краю сцены. И те же подталкивающие и тормозящие ощущения, которые я чувствую внутри себя, отражаются в ее глазах: потребность в контакте, но и осознание того, что прямо здесь мы не можем ничего сделать. Ведь Либс не хочет, чтобы ребята о нас узнали.

Как же я возмущен по этому поводу. Но она здесь, и это доминирует над всем остальным.

А еще никто ее не заметил. С нами на сцене остались лишь работники команды по оборудованию. Бренна подмигивает мне и следует за ребятами за кулисы.

Всё мое тело пульсирует, просыпается и вздрагивает. Святое дерьмо, как же она красива. Я когда-то считал, что моя Элли Мэй обычная? Ее кожа золотистая от бесконечных летних дней на пляже. Волосы переливаются оттенками медно-каштанового и бледно-русого, обрамляя ее лицо, будто блестящие ленты.

Затем я замечаю ее платье. И мой разум заходит в тупик. Тресните меня кто-нибудь. Мой член, который уже встает в свою счастливую позицию, дергается напротив джинс.

Светло-серое платье не короткое, оно доходит до колен. Не демонстрирует ложбинки,

потому что на ней один из тех типов платья, что обнажают руки, но крепятся вокруг шеи. И всё равно оно кажется охрнительно неприличным. Так как тонкий шелк показывает ее формы, нежно обтекая все изгибы упругой груди. Каждый, кто посмотрит на нее, точно поймет, что может предложить эта девушка.

Моя. Вся моя.

Я не могу больше ждать. Шагаю к ней, наслаждаясь тем, как она выпрямляется, ее розовые губы приоткрываются, а глаза округляются. Я достаточно близко, чтобы ощутить ее аромат: что-то теплое и цветочное после проведенного в СПА-салоне дня. Я наклоняюсь вперед и быстро целую ее в щеку, тогда как на самом деле хочу заклеить ее губы.

— Киллиан, — произносит она счастливо, затаив дыхание. Ее глаза цвета бирюзового леса вглядываются в меня.

Эмоции одолевают меня. Ничего подобного я не чувствовал ранее, словно одновременный прилив силы и флакон чистой похоти.

Мои пальцы сжимают ее бока. Я хочу прикоснуться к ее гладкой коже, проскользнуть рукой под верхнюю часть ее платья.

— Пойдем со мной.

Глава 15

Либби

Не знаю, чего я ожидала, когда мы наконец-то оказались лицом к лицу. Я сознательно позволила Бренне таскать себя по всему городу, чтобы изобилие этой женщины отвлекло от мыслей о Киллиане. Я потеряла счет бутикам, которые мы посетили, примеряя бесконечные наряды и покупая так много вещей, что, в конце концов, стала закрывать глаза, когда черная кредитка Киллиана раз за разом скользила по считывателю.

Теперь мое тело расслаблено, волосы уложены и красиво окрашены, выщипанные брови имеют правильную форму. Я чувствую себя избалованной и прекрасной. И возбужденной. Ужасно, мучительно возбужденной.

Выступление Киллиана, его худое, мускулистое и блестящее от пота тело, его руки, уверенно перебирающие струны гитары, — всё это доводит меня до безумия. Его голос, энергетика и вся эта страсть пленяют меня в полнейшее рабство. И я здесь не одна такая. Каждый попал под его чары, обожая и желая этого парня.

А он здесь, со мной. Глаза Киллиана пылают, а прикосновения к моей пояснице дарят ощущение невесомости, пока он ведет меня вдоль темного коридора.

Килл останавливается, чтобы схватить серую худи, что лежит на паре старых колонок, и накидывает ее на плечи, прикрывая голую грудь. Сомневаюсь, что эта толстовка его, так как на ее задней части значится ярко-желтая надпись "Персонал". Он двигает бровями.

— Мой мастер перевоплощения.

Надев худи через голову, он треплется по телефону, а затем сует его обратно в карман. Еще один взгляд в мою сторону, и он нежно улыбается.

— Боже, я скучал по тебе. Мне следовало попросить тебя встретиться со мной дома, так как охрнительно сложно не прикасаться к тебе прямо сейчас.

— Так почему ты не попросил? — мои босоножки на высоком каблуке стучат о

бетонный пол. Я не привыкла ходить на каблуках, но это платье нельзя носить с чем-то иным. Дурацкое платье. Оно из тонкого шелка, и под ним я без лифчика. Каждый шаг, который делаю, вынуждает ткань танцевать вокруг моей ухоженной и недавно увлажненной кожи, и это агония, так как я не могу перестать думать о языке, руках и губах Киллиана. Мне хочется, чтобы они касались меня.

Рядом он осторожно толкает меня в плечо локтем.

— Потому что я высокомерный ублюдок, который хотел, чтобы ты меня увидела.

Эти густые ресницы невинно порхают вверх-вниз, а его улыбка кажется такой наглой.

— Ты был невероятен, — говорю ему честно, но дразнящим тоном.

Он краснеет.

— Куколка, ты уговариваешь меня прекратить.

— Нет, — говорю я, чересчур ахая. — Не прекращай, Киллиан. Не прекращай.

Я сдерживаю визг, когда он резко разворачивается, подхватывает меня за талию и тащит за стопку ящиков. Наш смех смешивается воедино, когда он целует меня: быстро, жарко, игриво, немного покусывая мои губы.

— Мальчишка.

Его глаза светятся от счастья.

Я краду свой собственный поцелуй, перед тем как отстраниться.

— Отвези меня домой, потрошитель газонов.

Держа меня за руку, он бежит по коридору, а затем в переулок. Там нас ждет лимузин.

— Михаил, — Киллиан наклоняет подбородок, обращаясь к большому крепкому мужчине возле авто. — Ты встречался с Либерти сегодня.

— Имел удовольствие, — говорит Михаил, открывая для нас заднюю дверцу. — Мисс Белл.

Михаил сегодня сыграл для нас с Бренной роль водителя и телохранителя одновременно. Мы мало общались. Бренна заверила меня, что это нормально, и поделилась своими подозрениями, что Михаил фактически был киборгом. И так как я прочитала за свою жизнь больше, чем стоило бы, фантастических романов, то теперь была склонна с ней согласиться.

Внутри лимузина прохладно и тихо, окна затемнены, скрывая нас от посторонних глаз. Ведерко заполнено ледяной водой в бутылках, а окошко к водителю закрыто. Но мне не удастся особо рассмотреть тут всё, так как сразу же после закрытия за нами дверцы, руки Киллиана накрывают мои щеки, а его губы нападают на мои. И это сладостное облегчение.

Я пью его, целуя в ответ с таким пылом, который удивляет меня саму. Люблю его вкус. Люблю мягкие, но одновременно с тем упругие губы. Он выдыхает, и я втягиваю его воздух в себя. Потому что нуждаюсь в этом. Мне необходимо знать, что он живой, теплый и совсем рядом. Мои веки покалывает, жаркие слезы угрожают пролиться. Я даже не понимаю почему.

— Боже, — стонет он, посасывая мою нижнюю губу. — Мне нужно было сделать это. Ты даже не представляешь, как сильно.

— Уверена, что представляю.

Каким-то образом я в конечном итоге оказываюсь развалившейся на сидении, а Киллиан наполовину нависает надо мной. Он отчасти пахнет потом, сильным телом и жаром. И когда движется, его худи цепляется за мою руку. Он опускает взгляд на себя и кривится.

— Мне следует принять душ.

— Малыш, ты сейчас до чертиков сексуален.

Снимая с себя толстовку, он останавливается посреди процесса. Шокированный смех срывается с его уст.

— Малыш?

— Да, — я ловлю маленькую мочку его уха и втягиваю в рот. — Ты настолько малыш, что...

— Я никогда не был ничьим малышом. И так мило быть твоим, — он отбрасывает толстовку в сторону и прокладывает дорожку из поцелуев вниз по моей шее, останавливаясь то тут, то там, касаясь каждого заветного места так, словно должен убедить самого себя, что я и вправду здесь. Его теплое дыхание касается моей кожи, когда Килл выдыхает на впадину моего горла. — Ты пахнешь так аппетитно.

— Уверена, это из-за того, что меня натерли всевозможными маслами.

Чувствую, как он улыбается напротив моей кожи.

— Ты подкидываешь мне идеи, куколка, — большая теплая рука касается задней стороны моей голени и скользит под платье. — Такая мягкая кожа. Повеселилась сегодня, Либс?

Его рука поднимается еще выше, двигаясь к моей попе так, словно в этом и состоит ее основная цель. Я немного ерзаю, когда он властно сжимает мою плоть.

— Ты надела стринги? — Киллиан собирается заглянуть, приподнимая мою юбку, но я шлепаю его по руке.

— Сегодняшний день был удивительным. Спасибо, — немного откидываясь назад, я встречаюсь с его пылким взглядом. — Ты ничего не сказал о моем макияже. Тебе не нравится?

Киллиан медленно моргает, будто выходя из оцепенения.

— Ты красивая. Но ты всегда такая. Я бы сказал что-то получше этого, но... черт... я только что увидел тебя.

Тепло заливает мои щеки.

— Этого более, чем достаточно.

Он что-то ворчит, а его взгляд скользит по моему лицу и порхает вниз.

— А это платье... — огрубелые кончики пальцев проникают под шелковый лиф платья и осторожно гладят мои соски. Я задерживаю дыхание, ощущая, как плавающее тепло обволакивает меня. — Это платье, — бормочет он. — Совсем другое дело.

Он водит рукой по моей груди, лаская и слегка сжимая, лениво поглаживая мои уже затвердевшие соски. Я могу лишь прикусить губу, закрыть глаза и выгнуть спину, пытаюсь стимулировать его прикосновения, умоляя о большем.

Его вторая рука выскальзывает из-под моей юбки, чтобы дотянуться до застёжки моего воротника. Один щелчок, и шелк мягко скользит ко мне на колени, оставляя мое тело обнаженным. Моя грудь вздрагивает, когда машина подпрыгивает на выбоине дороги. Твердые и набухшие соски ждут его внимания.

Каждый дюйм моего тела дрожит от приятного напряжения. Никто не может увидеть нас через стекло. Но сама идея того, что кто-то мог бы, повышает градус похоти.

— Черт, я скучал по этому виду, — хрипит Килл перед тем, как наклониться вперед и втянуть в рот мой сосок.

Так приятно, он втягивает его глубже — не слишком сильно, но жадно, словно любит

меня мучить. Я стону, мои руки поднимаются к его затылку и удерживают на месте.

— Черт возьми, — говорит он, его губы дразнят ноющий кончик. — Наш первый раз будет не на заднем сидении лимузина.

Я пытаюсь перевести дыхание.

— Тогда почему ты опустил лиф моего платья?

— Не смог устоять. Мне нужно было снова увидеть этих девочек, — он целует один сосок, затем второй, приветствуя их. — Дамы.

Я уже такая чувствительная между ног. Сдвигаю бедра и прижимаюсь к его твердому члену в том месте, где он толкается ко мне.

— Скажи, что у тебя есть презервативы.

Кончик его языка проходит по небольшой кривой моей груди.

— Ты издеваешься? Я ходил весь день со стопкой презервативов в заднем кармане.

— Так достань один и возьми меня, — я оборачиваю ноги вокруг него и бросаю на парня взгляд. — Сейчас.

— Ах, куколка, люблю то, насколько сильно ты этого хочешь, — он быстро и глубоко целует меня. — Но я не пещерный человек. Так что сделаю всё правильно. Голышом в моей постели.

Злая дразнилка. Думаю, что видя эту милую самодовольную улыбку и то, как он великолепен, я могу расплакаться. Громко вздыхая, завожу одну руку за голову, отчего грудь немного приподнимается. Его взгляд следует за движением и становится задумчивее.

— Ты спрашивал, надела ли я стринги, — говорю я, медленно раздвигая бедра. Это действие привлекает достаточно внимания, чтобы парень снова опустился на колени передо мной. Моя юбка задирается. Я протягиваю руку и поднимаю ее выше. Прохладный воздух целует кожу. — Ответ — нет.

Киллиан шумно сглатывает, а затем его тело охватывает дрожь, тогда как руки хватаются за края сидения.

— Трахните. Меня.

— Это я и пытаюсь сделать, — говорю я, в то время как он выглядит словно изголодавшийся по виду моей обнаженной киски мужчина.

— О, Либс, — произносит он нежно. — Посмотри, какая ты влажная. Эта красивая киска такая опухшая и чувственная, — кончик его пальца скользит по моим отекам губам. — У тебя здесь ноет?

Я ерзаю бедрами, жар лижет мои бедра и концентрируется между ног.

— Да, — шепчу я.

Он кивает.

— Да, так и есть.

Его пальце движется взад-вперед, паря над моим клитором и проскальзывая к моей вагине. Я стону, раздвигая ноги шире, и он толкает палец внутрь настолько, что я могу его ощутить. Я дергаю бедрами, пытаюсь вынудить его проникнуть глубже. И он проявляет милосердие, вставляя свой длинный палец в меня. В знак благодарности я стону.

— Я сойду с ума, когда окажусь здесь, — бормочет он порочно. Килл не прикасается ни к одной другой части моего тела, пока медленно трахает своим пальцем. И потому всё мое внимание концентрируется на этом действии. Еще один палец присоединяется к первому, и он широко раздвигает их, когда проталкивает внутрь. — Тебе нравится?

Я не могу ответить, лишь извиваюсь и смотрю на поглощенное действием выражение его

лица. И, будто ощущая мой взгляд, его глаза обращаются к моему лицу. Они блестят черным светом во мраке салона.

— Ладно, куколка, — говорит он. — Я сделаю всё лучше.

Его свободная рука дергает кнопку джинс. И через секунду его член оказывается на свободе. Я не забыла, какой он большой, но видя его сейчас твердым и таким эрегированным, ощущаю, как мои внутренности сжимаются от предвкушения. Киллиан, должно быть, чувствует мою реакцию, так как издает голодный звук и толкает в меня еще один палец.

Я ощущаю, как растягивается моя киска, как она заполнена. Но знаю, что его член будет ощущаться куда лучше.

Он выскальзывает из меня и достает презерватив из кармана.

— Поиграй с клитором, пока я сделаю это.

Мои дрожащие пальцы повинуются, скользя по гладкой коже. Я так сильно хочу быть наполнена, что мои бедра беспокойно вжимаются в сиденье, пока он раскатывает презерватив.

Большая ладонь Киллиана опускается на мое бедро, его пальцы широко растопыриваются, чтобы удерживать меня, а глаза цвета горячего кофе полны восхищения.

— Очень красивый вид. Будь открыта для меня, детка.

И я делаю, как он просит. Киллиан издает низкий гортанный звук, почти вой, но более нуждающийся, и все мускулы его живота визуальнo сжимаются. Свободной рукой он проводит по члену, лениво поглаживая его.

— Черт, я должен попробовать ее на вкус, — его дыхание согревает меня за секунду до того, как губы парня прижимаются к моим чувственным складочкам.

От этого волна жара приливает ко всему телу. И когда он довольно гудит напротив моей киски, я вскрикиваю.

— Киллиан... — мои руки накрывают его затылок. Не знаю, хочу ли оттолкнуть его или притянуть ближе. Он медленно убивает меня, осыпая нежными долгими поцелуями область между моих ног так, словно целует мои губы. Его язык неспешно, но всё же жадно, отыскивает каждое скрытое чувственное местечко.

— Киллиан, пожалуйста. Сейчас, — я тяну его за ухо, и он, ублюдох, смеется, отчего жар лишь нарастает между моих ног.

После последнего влажного поцелуя в мой клитор он поднимается и садится рядом.

— Иди сюда, — его руки находят мои бедра и поднимают меня, усаживая верхом.

Килл откидывается и кажется почти расслабленным — звезда рок-н-рола, развалившаяся в своем лимузине. Но я вижу, как напряжены уголки его глаз и как его рука немного дрожит, пока парень убирает локоны с моего лица. Член, находящийся между нами, прижимается к его животу. Твердый как сталь. Мне хочется обернуть вокруг него руку и сжать. Хочется оседлать его и забыть свое имя.

Этот мужчина так прекрасен: его выразительные черты лица, яркие глаза. Мои ладони скользят по гладкой коже, мускулистым рукам, бугрящимся от моих прикосновений. Я обвожу пальцем маленький твердый сосок, наслаждаясь тем, как в ответ расширяются его ноздри.

Грубые кончики пальцев Киллиана проводят линию по моей брови.

— Я так охренительно тебя хочу. Кажется, что я всегда тебя хотел, — он притягивает меня ближе, целуя в губы. — Мне требуется приложить все силы, чтобы не начать просто

вколачиваться в тебя, не выпрахать из тебя душу.

Наше дыхание перехватывает в унисон, и я снова целую Киллиана, втягивая его полную нижнюю губу. Он тихо стонет, а его руки сжимают мои щеки.

— Мы сделаем это медленно, — настаивает он, и я гадаю, говорит он это мне или себе. — Медленно. Я не хочу сделать тебе больно.

Всё время, пока говорит, Киллиан неспешно раскачивает бедрами, скользя вверх-вниз между моих ног. Он такой широкий, что моя киска сжимается.

Моя грудь прижимается к его груди, когда я наклоняюсь вперед и поднимаюсь на коленях.

— Войди в меня, Киллиан.

— Блядь, — шепчет он, напряженно сглатывая.

Его взгляд прикован ко мне, когда парень протягивает руку между нашими телами и направляет толстую головку своего члена к моей сердцевине. Я не закрываю глаза, не дышу, когда медленно опускаюсь на него. Первое проникновение вызывает жжение. Я замираю, в то время как Киллиан часто дышит, а его пальцы прижимаются к моему подбородку, пока он тоже пытается не шевелиться.

Машина подскакивает на кочке, и он проникает в меня чуточку глубже. Мое дыхание снова перехватывает, внутренние стеночки растягиваются и сжимаются.

— Святые черти, — ахаю я.

— Детка, — он целует меня, осторожно двигая бедрами, прокладывая себе путь еще глубже, всё время целуя меня, словно я его наркотик.

И я чувствую, что пьяна от него: ощущения затуманиваются, голова становится тяжелой, а тело пылает от удовольствия. Я могу думать лишь о Киллиане внутри меня. Сейчас он — часть меня. Я чувствую его в растянутых мышцах бедер, глубоко в моем теле, где головка его члена надавливает на какую-то точку, зажигая меня изнутри.

Теперь я двигаюсь вместе с ним, встречая каждый его толчок ответным движением, наши губы едва соприкасаются, языки лениво скользят друг по другу. Я вдыхаю его воздух, а он — мой.

— Так хорошо, — Киллиан дрожит, вколачиваясь в меня. — Быть в тебе так офигенно приятно. Еще. Дай мне больше.

Я сжимаю его плечи, прикусываю верхнюю губу, облизываю ее. Похоть делает меня дикой.

Его ладони скользят к моей попке, сжимают ее, а кончик пальца играет со входом в мой зад.

И всё это слишком. Мой лоб соприкасается с его, пока я задыхаюсь, беря его, клеймя, обладая. Я вся его.

Мой оргазм словно длинная дорога, двигаясь по которой, я набираю скорость. Меня бросает с такой силой, что я могу лишь цепляться за Киллиана, кричать, неистово и хаотично двигаться напротив него. Я забываю всё, кроме этого ощущения.

И затем его руки оборачиваются вокруг меня, притягивая к груди, пока он толкается в меня жестко, быстро и бешено. Я люблю звуки его криков, то, как он стонет, словно умирая, и то, как всё вокруг оживает.

В течение долгого времени мы лежим. Я на нем, Киллиан — на сидении. Глубоко во мне он всё еще пульсирует, а мое тело сжимается вокруг него в ответ. Киллиан испускает слабый смешок и притягивает меня еще ближе. Его губы касаются моей щеки, я слишком

ошеломлена, чтобы повернуть голову и поцеловать в ответ.

— Святое дерьмо, женщина, — произносит он напротив моей влажной кожи. Затем прерывисто выдыхает. — Злобучий ад.

— Знаю, — шепчу я.

Это никогда не было так. И я знаю без сомнений, что Киллиан Джеймс — не просто зависимость или летнее увлечение. Он становится для меня всем. И это одновременно волнующе и пугающе.

Квартира Киллиана именно такая, как я и ожидала от рок-звезды, высоко ценящей свою приватность. Это пентхаус в здании бывшей церкви к югу от Вашингтон Сквер. Здесь смешались современный гламурный и старинный стиль с высокими потолками, стеклянными стенами и массивными витражами. Комнаты открыты и просторны, а большая терраса занимает всё пространство задней части дома. На белой кухне под сводчатым сияющим потолком Киллиан готовит для нас *кубанос* — сэндвич с жареной свининой, ветчиной, швейцарским сыром, горчицей и маринованными огурчиками — поджаривая его до тех пор, пока он не становится горячим и липким.

— Почему ты не готовил для меня раньше? — размышляю я до того, как еще раз откусить огромный кусок.

Довольный Киллиан смотрит на мой рот, набитый сэндвичем.

— И упустить возможность есть твою стряпню? Ни за что. Я умею готовить *Popa vеха*, но для этого нужно больше времени.

— Всё и так идеально.

Мы едим и пьем ледяное пиво. Сейчас два часа ночи, вокруг всё тихо и спокойно. У Киллиана большая квартира, но он рядом, поэтому мне здесь уютно.

— Твои родители по-прежнему живут в Нью-Йорке? — спрашиваю я.

— С октября по декабрь, — Киллиан делает глоток пива. — Прямо сейчас они на своей яхте, пришвартованной, вероятно, в Монако или на Ибице. Зависит от настроения мамы и деловых сделок отца. Если мама хочет на вечеринку, то это Ибица. Если у папы сделка, то это будет Монако.

— Вау. То есть, я читала о подобном образе жизни, но реально жить так...

— Мой отец вырос с пони для игры в поло. Затем отправился в Тринити в Кембридж. Его "друзья" — члены королевских семей. Для него данный образ жизни — норма.

Я могу лишь глазеть на Киллиана. Его плечи напрягаются, а взгляд кажется отстраненным.

— Для тебя это тоже норма.

Он ставит на стол пиво и встречается со мной взглядом.

— Я всегда был зажат между мирами, оставаясь с бабулей и путешествуя с родителями. Плюс группа. Если говорить начистоту, Либс, то у меня нет чертового представления о норме. Но мне хотелось бы его иметь.

То, каким глубоким становится голос Киллиана, и интенсивность его взгляда вызывают у меня желание взять парня за руку и сжать ее. Мне хочется дать ему эту нормальность, но я не знаю как. Не в тот момент, когда я сама оставила нормальный образ жизни, чтобы быть с ним.

Я помогаю ему загрузить посудомойку, когда мы заканчиваем есть. Хотя он принял быстрый душ перед нашим ужином, на парне всё еще нет рубашки, надеты лишь потертые

джинсы, что низко висят на его узких бедрах. Его босые ноги кажутся бледными на фоне половиц из черного дерева.

Я тоже босая и почему-то из-за этого чувствую себя более по-домашнему. словно мы живем тут вместе.

Я убираю прядь волос за шею, ставя последнюю тарелку на место, когда замечаю, что он за мной наблюдает.

— Что за взгляд? — спрашиваю, потому что никогда не видела у него подобного выражения лица. Оно светлое, но в глазах таится нечто мрачное.

Килл качает головой, прикусывая нижнюю губу.

— Ничего. Просто скучал по тому, как мы делали это вместе с тобой.

Под "это" он подразумевает уборку на кухне. Киллиан всегда помогал мне с этим, когда мы были у меня дома. Это стало ритуалом: парень наблюдал за тем, как я готовлю, веселил меня историями и анекдотами, пока мы ели, а затем мы вместе всё убрали.

— Это кажется таким правильным, знаешь ли? — говорит он, и нежная улыбка всё еще озаряет его глаза.

И в этот момент я чувствую потребность его обнять. Подхожу ближе и оборачиваю руки вокруг его талии. Мои губы прижимаются в легком поцелуе к его груди из-за того, что я и вправду не могу быть так близко и не целовать его.

Киллиан тут же растворяется во мне, его руки поднимаются и сжимают мое тело в течение длительного момента так крепко, что могут остаться синяки, но я не против. Я хочу этой силы. Хочу ощутить, что ничего не может встать между нами.

Длинные пальцы расчесывают мои волосы, массируя кожу головы. Я прижимаюсь еще ближе, касаясь своей щекой его груди. Биение его сердца такое сильное и ровное.

— Когда мы уедем из Нью-Йорка? — спрашиваю я.

Его голос грохочет низким грудным звуком.

— На следующей неделе. Мы направимся на север, а затем на запад.

Мои руки гладят изгибы его спины там, где плоские мышцы соединяются с позвоночником. Его кожа словно теплый атлас.

— Мне нужно найти место, где остановиться.

Мускулы под моими ладонями напрягаются, когда он отстраняется. Его темные брови недовольно хмурятся.

— Думаешь, я уговорил тебя на всё это, чтобы отправить в отель? Ты остаешься здесь, Либс.

Здесь я и хочу быть. Сама идея того, что я могу покинуть Килла даже на одну ночь, вызывает мороз по коже.

— Не... — я делаю вдох и формулирую мысль. — Разве ребята не станут гадать, почему я остановилась у тебя?

Его недовольство нарастает, но Киллиан качает головой и быстро целует меня в висок.

— Не-а. У меня здесь постоянно кто-то останавливается. Я пригласил тебя, как своего гостя, так что это будет правильно.

— Верно, — я пытаюсь отойти от него, но Киллиан не дает мне этого сделать.

Вместо этого его губы медленно изгибаются в улыбку.

— Мне нравится, что ты ревнуешь.

— Ревность — не очень хорошая черта, — бормочу я, заливаясь румянцем.

— Не волнуйся, — он слегка покачивает меня. — Это означает, что ты считаешь меня

своим.

Парень произносит это так самодовольно, что я толкаю его в бок, и он отскакивает, хихикая, что *само по себе* очень мило, а затем снова прижимается ко мне.

— Да, у меня останавливались гости. Но никто из них не жил в моей комнате, куколка.

— Никогда? — вопрос больше походит на фырканье.

И его раздражающая улыбка становится шире.

— Если я с кем-то и мутил, то делал это в отеле. Усвоил этот урок, когда фотографии моей старой квартиры оказались в Интернете, а личные вещи стали пропадать без моего ведома.

— Боже, как гадко, — я снова целую его в грудь. — Мне жаль, что они так с тобой поступали.

Его пальцы продолжают массировать мой затылок.

— Этого следовало ожидать. Они просто хотели кусочек славы или сувенир. Чтобы потом похвастаться кому-то.

Он говорит это так, словно констатирует факт, как будто не велико дело, чтобы о нем рассуждать, словно речь идет о вещи, а не о живом человеке. Может, ему и нет дела, но от этой мысли мой желудок сжимается. Хотя была бы я сама лучше? У меня дома есть гитара Univox Hi-Flier, на которой играл Курт Кобейн, а затем разбил ее. Она оформлена в виде витрины и стоит в моем кабинете на втором этаже. Папа получил ее от своего друга или еще кого-то в 1989 году до того, как Кобейн стал легендой. Разбитая и бесполезная гитара желанна, потому что на ней играл рок-идол.

Я хотела подарить ее Киллиану. Но теперь не уверена.

— Так что нет, — продолжает он, не подозревая о хаосе у меня в голове. — Только друзья и коллеги-музыканты останавливались здесь, — парень выдерживает паузу. — И девушки, с которыми я встречаюсь. Они переживают полный опыт.

Тепло разрастается внутри, и я улыбаюсь напротив его кожи.

— Но ты только что сказал, что никто не останавливался в твоей постели.

— Никто, — отвечает он легкомысленно, а затем его голос становится мягче. — До тебя.

Смешно, что некоторые признания способны остановить ваше сердце, украсть воздух из легких, заставить все пойти круговоротом. Я закрываю глаза и держусь за него. У него никогда не было девушки? Я была бы не против, если бы была. Важно лишь то, что здесь и сейчас. Но сама идея того, что он никогда не подпускал к себе никого другого, вызывает ощущение груза ответственности, что так и обволакивает мое сердце. Мне нужно быть осторожной с ним, сделать его счастливым и как-то найти свое место в этом новом мире.

Киллиан медленно отпускает меня, но всё еще держит за руку. Выражение его лица становится напряженным, глаза кажутся уставшими.

— Пойдем в постель, — мимолетная улыбка. — Мне нравится говорить это тебе.

Он продолжает меня убивать.

Меня найдут лежащей на полу с открытым нараспашку сердцем, слишком заполненным Киллианом, чтобы оставаться в моей груди.

Он ведет меня мимо гостиной, кинозала, вверх по стеклянной лестнице. Мы проходим мимо еще двух спален и уголка с книгами и диванчиком у еще одного арочного окна с витражом. Его комната выполнена в белом цвете, но одна стена представляет собой круглое окно с цветными стеклышками. Большая кровать из эбенового дерева с балдахином стоит на

красном ковре, доминируя в пространстве комнаты. Хотя здесь есть еще гостиная зона с диваном на двоих и современным газовым камином.

Становясь рядом с кроватью, он помогает мне снять платье, прикасаясь к моему телу так нежно, что я вот-вот могу закричать. Мои родители, конечно, заботились обо мне. Но это совсем другое. У меня были парни в старшей школе и один в университете. Но я никогда не ощущала, что обо мне *заботятся* независимо от того, что я сделаю или скажу. Я могла бы сейчас развалиться на части, и Киллиан бы собрал все кусочки и сложил их снова воедино.

Он целует меня в плечо и отбрасывает край одеяла, чтобы я могла забраться в его роскошную кровать. Через секунду его джинсы сняты, и он присоединяется ко мне. Покрывала — прохладные и хрустящие, а подушки — облака совершенства.

Я широко улыбаюсь.

— Ты купил такие же как у меня подушки.

Он притягивает меня к себе. Теплая кожа к теплой коже. Просто рай.

— Я же говорил тебе, что влюбился.

Он произносит это так легко, но его темные глаза не отрываются от моих.

Так что теперь всё ощущается более хрупким и сильным одновременно. Я прикасаюсь к его щеке, провожу линию вдоль его уха, а затем наклоняюсь и целую парня. Его руки накрывают мое лицо, и он целует в ответ, его губы нежны, а язык исследует, пробует меня на вкус, словно лакомство.

Кровать скрипит, когда он перекачивается поверх моего тела, располагаясь между моих разведенных бедер. Жар его твердого члена согревает мой живот. Мои руки скользят по крепким плечам, изгибаю рук Киллиана и возвращаются обратно к его шее, где такая гладкая и чувствительная кожа.

Издавая звуки удовольствия, он раскачивает бедрами так, что в результате его член скользит между моими влажными складочками. Он целует мою верхнюю губу, потом нижнюю, наклоняет голову и повторяет всё еще раз. Так медленно и опьяняюще. Я таю в кровати, мои прикосновения слабы, но жадны.

Его запах. Его кожа. Мощная благодать его тела. Мне нужно всё это.

Киллиан — волшебник. Я не замечаю, как и когда он достает презерватив. Или, возможно, он был у него всё это время. Мой разум слишком затуманен, чтобы вспомнить. Он наклоняется в сторону, демонстрируя свой плоский пресс и толстый член.

Я беру презерватив из его рук и раскатываю по всей длине. Действую медленно, потому что вес его огромного стояка в моей руке слишком приятен, чтобы его игнорировать. Парень ворчит, когда я сжимаю его плоть и немного тяну. А затем Килл снова нависает надо мной, нападая своими губами на мой рот. Наш поцелуй лишен нежности.

— Либби, — шепчет он. И когда парень медленно погружается в меня, идеально вторгаясь в мою разгоряченную плоть, его взгляд встречается с моим. — Это лишь начало, — говорит он.

И я знаю, что Киллиан говорит сейчас не о сексе. Он имеет в виду нашу жизнь.

Мой голос лишен силы и напряжен от волнения.

— Не могу дождаться.

Либби

Мы с Киллианом едем в квартиру Уипа. Как обычно нас везет Михаил, и я узнаю, что он работает на Киллиана уже пять лет. Сегодня мы едем на серебристом блестящем мерседесе с кремовым кожаным салоном, который кажется мягким, словно масло, если провести по нему ладонью. Ладонью, которая прямо сейчас влажная от пота. Я бы хотела, чтобы машина развернулась, но рано или поздно мне придется столкнуться с другими членами «Килл-Джон».

— Почему вчера был лимузин? — спрашиваю, потому что не могу и дальше слушать ход своих мыслей.

Киллиан ловит мою руку и удерживает в своей. Если он и чувствует, насколько моя кожа липкая, то проявляет такт и не упоминает об этом.

— Ты впервые приехала в Нью-Йорк, и у тебя был, так называемый, момент из фильма "*Красотка*". Так что определенно требовался лимузин.

— Было бы разумно не упоминать "*Красотку*" в данном контексте, — говорю я сухо. Его щеки краснеют.

— Дерьмо. Верно. Ты сильная, современная женщина. Во всяком случае, вероятнее в данной ситуации проститутка — это я...

— Не помогает.

— Верно. Верно. Никто никому не платит за секс, — он поднимает руку и целует костяшки моих пальцев. — Но много секса всё еще на повестке дня. Горячего, грязного, потного...

Я сжимаю его затылок и затыкаю рот парня своим языком. Ему это по душе, и он практически нависает надо мной, пока целует в ответ.

Ведем себя, словно подростки на заднем сидении авто, и всё по его вине. Когда мы отстраняемся, то оба прерывисто дышим.

— Если будем продолжать в том же духе, — бормочет Килл, — я попрошу Михаила сделать круг по кварталу.

— Нет, — пишу я в ужасе. — Он точно узнает, чем мы занимались!

Килл бросает на меня немного болезненный взгляд.

— *Уверен*, что он понятия не имеет, до чего мы дошли прошлой ночью.

— Не говори мне этого, — ною я, прикрывая лицо. — Боже, я никогда не смогу взглянуть ему в глаза снова.

Киллиан просто смеется, убирая мои руки от лица и нежно целуя.

Когда мы выбираемся из машины, я держу голову опущенной и бормочу "спасибо" Михаилу, когда он придерживает для меня дверцу.

Уип живет в лофте в Трибеке. По словам Киллиана, половина лофта была звукоизолирована и превращена в небольшую студию звукозаписи.

— Ничего слишком пафосного, — сказал Киллиан, когда мы собирались. — Просто оденься удобно. Мы лишь будем немного сочинять и репетировать.

После того как Киллиан набирает код, мы поднимаемся на старомодном лифте на последний этаж. Он выходит в светлое пространство с деревянными полами и кирпичными стенами.

Я следую за Киллианом в лофт, мои ноги почти подкашиваются, жилка пульсирует на шее так сильно, что это наверняка визуально заметно. Когда парень ненадолго

останавливается у входа и поворачивается ко мне, я почти на него налетаю.

Киллиан хватает меня за плечи, а затем наклоняет голову, встречаясь со мной взглядом.

— Эй. Послушай.

— Я слушаю.

Его темные глаза светятся эмоциями.

— Ты — Либерти Белл. Женщина, чьи гитара и голос склонили меня на колени. Ты рождена для музыки, — его пальцы достаточно сильно сжимают мою плоть, чтобы привлечь внимание. — И ничьи слова не могут этого отменить. Ты принадлежишь этому месту.

Мои глаза щиплет.

— Прекрати, — шепчу я. — Ты доведешь меня до слез.

Его улыбка кривится и быстро исчезает.

— Задай жару, Элли Мэй.

Смех пузырится в моей груди.

— Задай жару, газонный бродяга.

Быстро целуя меня в лоб, Киллиан поворачивает меня обратно и ведет в лофт.

— Йоу! — вскрикивает он, его голос эхом отдается по просторному помещению. — Где все?

Мы проходим мимо современной мебели в стиле 50-х годов, кухни с темно-синими шкафчиками и медными приборами и через пару стеклянных дверей.

Группа ребят стоит вокруг открытого пространства с небольшим гостиним уголком, низким подиумом с барабанной установкой и несколькими гитарами в сторонке.

Они все поворачиваются в нашу сторону, как только мы заходим, и, клянусь, я вот-вот могу свалиться на колени, так как сильно волнуюсь. Двое из них высокие и худые, как Киллиан, — один парень с темными волосами и голубыми глазами, выглядящий так, словно мог бы быть родственником Киллиана, а второй с каштановыми волосами и зелеными глазами. Выражение его лица оборонительное, а тело напряжено.

Другой парень по телосложению напоминает футболиста, у него волосы песочного цвета и широкая усмешка.

— Киллиан, — говорит здоровяк. — Ты привел друга.

Тон Киллиана легкомысленный.

— Ребята, знакомьтесь, это Либби.

Тот, который похож на Киллиана, — Уип Декстер, барабанщик. Он жмет мне руку с такой силой, что могут остаться синяки, и приветливо улыбается.

— Слышал твои демо-записи. У тебя чудесный голос.

Краснею.

— Спасибо.

Бас-гитарист-здоровяк, которого зовут Рай Петерсон, кивает, соглашаясь.

— Я слышал, ты играешь на гитаре не хуже.

— Ага, — я поднимаю кейс со своей старой гитарой Гибсон, моя ладонь такая потная, что боюсь его уронить.

— Рад, что ты к нам присоединилась, — говорит Рай. — Это будет весело, детка.

Детка. Ладно. Я могу справиться с "детка".

Джакс, угрюмый парень с каштановыми волосами, подходит к нам последним. Все ребята красивые. Но Джакс мог бы стать моделью каталога Аберкробми и Фитч. У него есть типичные черты любимчика всей Америки. Вдруг я вспоминаю, что пресса называла Джакса

дьяволом в ангельском теле, а Киллиана — ангелом, замаскированным под дьявола.

Теперь я понимаю, что они имели в виду. Джакс кажется красивым, холемым мальчиком, которого вы бы отправили учиться в Гарвард, и он бы вернулся, чтобы баллотироваться на пост политика. Киллиан выглядит, скорее, как парень, который ждет на мотоцикле, пока ваша дочь сбежит через окно.

По личному опыту я знаю, что Киллиан — добрый и честный. Видимо, все остальные тоже понимают это.

Что касается Джакса?

Он долго смотрит на меня и, очевидно, находит то, что пытался отыскать.

— Либерти Белл, верно?

— Очень сложно забыть это имя, — говорю, чувствуя неприязнь к его тону.

— Правда, — он смотрит на Киллиана, и лед в его взгляде немного тает. — Ты готов?

Килл, как и я, держит свою гитару. Он ставит кейс на пол и разминает плечи.

— Подумал, что мы можем показать Либби, как всё здесь делаем, а затем впервые попробовать несколько песен с ней.

— Хороший план, — говорит Уип. — Введем новичка в курс дела.

Выражение лица Джакса — пародия на смущение. И он совершенно четко дает понять свое мнение.

— Мы говорили, что послушаем игру Либби и затем решим. Но не то, что она будет автоматически принята.

Небольшой шок накрывает меня. Киллиан напрягается рядом со мной.

— Нет, — терпеливо произносит он. — Мы согласились на то, что она играет.

Уип хмурится и бросает взгляд то на Джакса, то на Киллиана.

— Мужик...

— Мы всегда проводим прослушивание, — кричит Джакс. — Для каждого, кто выступает на разогреве. Всегда.

— Но она не для разогрева, — возражает Киллиан сквозь стиснутые зубы. — Она играет с нами.

— Тогда есть еще больше оснований провести для нее чертово прослушивание.

Рай поднимает вверх свою огромную руку.

— Давайте уже, мудаки. Я хочу поиграть. А не слушать...

— Почему ты боишься позволить ей сделать это? — перебивает Джакс, не отводя взгляда от Киллиана.

Щеки Килла краснеют, и я знаю, что взрыв эмоций неизбежен. Потому делаю шаг вперед, становясь между ними.

— Всё в порядке. Я с радостью пройду пробы.

Протестующее рычание исходит из горла Киллиана, и я бросаю на него гневный взгляд.

— Серьезно.

— Разве мы стремимся кого-то оградить? — спрашивает у него Джакс.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я у Джакса до того, как Киллиан слетит с катушек.

Джакс наконец-то встречается со мной взглядом. Я ожидаю гнева или негатива, но не вижу ничего подобного. Во всяком случае, выражение его лица идеально вежливое, словно я и вправду лишь еще одна опция, что пытается занять место в их туре. Но затем ширма падает, и проблеск чего-то — не ненависти, а скорее чего-то темного и несчастного — блесит в его глазах.

— Я слышал, что ты фанат гранжа, — он лениво кривит губы в улыбке, которая вовсе таковой не является. — Почему бы тебе не спеть "Man in the Box"?

Вся комната, кажется, мгновенно теряет дар речи. "Man in the Box" — классическая песня группы Alice in Chains. Лейн Стэйли буквально владел этой песней, исполняя ее своим богатыми глубоким гортанным голосом так, как Джанис Джоплин владела песней "Piece of My Heart" острым, как край бритвы, голосом. Попытка исполнить эту песню — риск, на который пойдет лишь полный идиот.

И все в данной комнате понимают это.

Киллиан ударяет кулаком по бедру.

— Какого хера, Джакс? Прекрати вести себя, как придурок, и...

— Нет, — перебиваю я. — Все нормально.

Хватаю свою гитару. Если Джакс хочет подвергнуть меня дедовщине, то я не пойду на попятную.

— Я в норме, — бросаю на Джакса уверенный взгляд. — Хороший выбор.

Он отводит глаза, скрещивая руки на груди.

— Просто справься с этим.

— Придурок, — бормочет Уип себе под нос.

Мои руки немного дрожат, когда я подхожу к микрофону. Киллиан выглядит так, словно хочет врезать Джаксу, но обращает всё внимание на меня, и когда наши взгляды встречаются, он почти незаметно кивает. Я практически улыбаюсь в ответ на его поддержку, но ни один из нас не хочет проявить слабинку перед Джаксом.

Рай издаёт звук раздражения и подходит ко мне, поднимая свою бас-гитару.

— Не помогай ей, — призывает Джакс.

— Иди к черту, — вежливо отвечает Рай. — Это наша группа, Джей. Не твоя. И сыграю для Либерти.

Я немного улыбаюсь ему, а потом подхожу ближе.

— Позволь мне самой спеть первый куплет, — бормочу я. — Я сделаю паузу. И затем мы продолжим вместе.

Карие глаза Райя становятся ярче.

— У тебя есть какая-то идея, сладенькая?

— Да, — сыграю песню по-своему, но до чертиков уверена, что Джакс не станет обвинять меня в том, что я не дотянула до оригинала.

Отчасти мне хочется выть и смеяться. Кажется, только вчера я боялась играть перед Киллианом. А теперь собираюсь петь на глазах всей группы «Килл-Джон» и не капельки не боюсь. Я скорее зла.

Откашливаясь, я начинаю со вступления. Это не легко, я не играла данную песню ранее. Но слышала ее достаточное количество раз и могу почувствовать, пропустить через себя. Я не исполняю ее жестко и быстро, как оригинальную версию. Делаю это нежнее, медленнее, играя вступление снова и снова, пока не подбираю верный ритм и не начинаю чувствовать мелодию. Когда я пою, мой голос полон не гнева, а боли. Я исполняю песню по-своему, словно плачу.

До меня доносятся звуки одобрения ребят. Но я не смотрю на них. Ни на кого. Мое сердце так сильно колотится в груди. Я заканчиваю первый куплет и затем внезапно останавливаюсь. Бросаю взгляд на Райя, киваю, а потом встречаюсь взглядом с Джаксом.

И широко ему улыбаюсь. Он моргает.

И после этого я начинаю играть жестче, почти крича в микрофон. Похоже ли мое исполнение на Лейн Стэйли? Даже близко нет. Но в этом-то и смысл. Дело в том, что я исполняю произведение по-своему. Подделка — это лишь то, что вы сами имитируете.

Я вижу, как Киллиан начинает усмехаться. Уип вскакивает и бежит к барабанной установке. Он начинает играть с нами. Я играю песню с Райем Петерсоном и Уипом Декстером. Озноб бежит по рукам, пока я пою.

Закрываю глаза и теряюсь в музыке. Мое горло першит, пот струится по спине.

Вдруг к нам подключается еще одна гитара, звук такой сильный и совершенный, что мои веки распахиваются. Я ожидаю увидеть Киллиана рядом, но это Джакс.

Я запинаясь посреди строки. И он бросает на меня взгляд, призраком улыбки играет на его губах, прежде чем исчезнуть. Он подпевает, добавляя низкие звуки и делая песню еще лучше.

Киллиан подпрыгивает и визжит, поднимая вверх кулаки.

Мы заканчиваем играть, и у меня такое ощущение, что я проглотила бритвы.

Джакс смотрит на меня, выражение его лица как никогда понимающее.

— Хорошо.

— И всё? — спрашивает Рай, сильно хлопая меня по спине, пока Киллиан медленно подходит к нам. — Не-а, она была невероятна. Признай, Джакс. Давай же.

Джакс фыркает.

— Суть заключалась в том, чтобы посмотреть, пройдет ли она пробы, — он одаривает меня на редкость дружелюбным взглядом. — Ты прошла.

— Ты всё еще ведешь себя как придурок, — говорит Киллиан.

Краткое прикосновение к моей пояснице — вот и всё, чем он награждает меня. И на данный момент этого более чем достаточно, даже несмотря на то, что мне бы хотелось развернуться и наброситься на него. Его глубокий голос как всегда воздействует на меня.

— Она с нами.

Джакс кивает, сосредотачиваясь на настройке своей гитары.

— Думаю, что так.

Волна головокружения угрожает поглотить меня. Святое дерьмо, я играю с «Килл-Джон». Какого хрена я творю?

Глава 17

Либби

Бостон, Фенуэй парк. Полный зал. Но не волнуйтесь, Киллиан сообщил мне ранее, что тут всего-то тридцать семь тысяч мест. *Всего-то. Ха.*

Пусть скажет это людям, которые сейчас скандируют то, что больше всего походит на «Килл-Джон». Пол под моими коленями вибрирует тяжелыми басами, пока песня "Никаких любимчиков", группы для разогрева, подходит к своему завершению.

Где я?

Стою на четвереньках над унитазом, выворачивая кишки наизнанку.

Я откидываюсь назад, ощущая отвращение от того, что нахожусь на грязном полу, но и сильную слабость, чтобы с него подняться.

Раздается негромкий стук в дверь.

— Уходи. *Навсегда*, — добавляю с акцентом.

Но дверь открывается. Шаги отдаются эхом. Пара изношенных черных ботинок появляется на противоположной стороне моей кабинки. Я бы подумала, что это Киллиан, но знаю его походку. Он ходит так вальяжно, словно у него в штанах твердый длинный член, который парень не хочет ущемить. Шаг только что вошедшего человека более четкий, но такой же уверенный.

Однако последний человек, чей голос я ожидаю услышать, — это Джакс.

— Тебе нужно бросить спасательный круг? Или ты наконец-то высунешь голову из унитаза?

— Ха, — я вытираю рот и проклиная богов за то, что это Джакс, так как среди всех людей именно он застал меня в подобном состоянии.

Медленно, словно ожидая еще один приступ рвоты, он открывает дверь кабинки. Я поднимаю на него взгляд, мучения тянут меня вниз. Выражение его лица как всегда спокойно. Он протягивает мне бутылку ледяного имбирного эля.

— Вышей, хохотушка. Тебе на сцену через двадцать минут.

Я с благодарностью принимаю предложенную бутылку. Газировка охлаждает меня изнутри, удивительно освежая.

— Хочу умереть, — бросаю на него взгляд. — Меня даже не волнует, что шутки о смерти в твоём присутствии — это дурной тон. Вот насколько я серьезна.

Он смеется коротко и сухо.

— Ты нравишься мне больше, когда не сдерживаешь свои шутки из-за меня, — парень предлагает мне руку, и я принимаю ее, позволяя ему поднять меня на ноги.

Я продолжаю пить имбирный эль, пока направляюсь к раковине. Иисусе. Я выгляжу так, словно нахожусь при смерти — абсолютно измотанная и слегка позеленевшая. Ставя газировку на столешницу, мою руки и вытираю вспотевшее лицо влажным прохладным полотенцем.

— Так почему ты здесь, — спрашиваю Джакса. — Проиграл спор? Вытянул короткую соломинку?

Тихое фырканье отдается эхом.

— Добровольно пришел.

Я смотрю на него в зеркало.

— Ну... что-то новенькое.

Отражение Джакса пожимает плечами.

— Все остальные нячатся с тобой. У нас нет на это времени.

Время. Верно. Мое время почти вышло. Звук песни "Никаких любимчиков" заканчивается, и последующий рев "Килл-Джон, Килл-Джон" трудно игнорировать. Вся комната гудит подавляемой энергией, будто большой зверь у ворот ждет, когда же его впустят. Зверь. Так Киллиан называет толпу. Теперь я понимаю это. Слишком хорошо.

Холодный пот выступает на спине.

— Не могу этого сделать, — выпаливаю я. — Блевану прямо на сцене. Знаю. Я говорила Киллиану, что не способна на подобное. Дерьмо. Дерьмо.

Джакс прислоняется плечом к стене и наблюдает за мной. Спустя мгновение он достает пакет с крошечной зубной щеткой и маленьким тюбиком пасты, передает его мне.

— Знаешь, почему у меня есть всё это?

— Ты обладатель волшебных штанов мага? В твоём кармане есть и палатка на всякий случай?

— Не сейчас, — говорит он, почти улыбаясь. — Но, возможно, позже, когда парочка знойных поклонниц присядет на мои колени...

Я морщусь нос.

— Фу. Подготовлю себя к этому. Отвратительно! — я сую новую зубную щётку в рот и энергично чищу зубы.

Он смеется.

— Итак, у меня есть всё это, потому что только что я был в комнате для маленьких мальчиков и занимался там тем же самым.

И я замираю.

— Ты? — пишу я со щёткой во рту так, что паста пузырится у меня на губах.

— Я, — говорит он, хмурясь на мое выражение лица. — Перед каждым долбаным шоу.

Я быстро выпрямляюсь и хватаю бумажное полотенце, чтобы вытереть лицо.

— Правда?

То есть, Джакс Блэквуд тоже боится сцены?

Он качает головой так, словно я смехотворна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это случается перед большинством концертов. Барбара Стрейзанд прекратила выступать в живую, потому что ей было невероятно хреново.

— На этом попрошу остановиться, — говорю я. — Ты, Джакс Блэквуд, мистер Слишком Крутой Рокер, только что сослался на Барбру Стрейзанд.

Его лицо вытягивается.

— Умничаешь. Она — легендарная певица. Конечно, я в курсе, кто она такая, — его губы вздрагивают, но потом парень снова становится спокойным. — Было бы лучше, если бы я привел в пример Адель? Потому что она тоже знатная любительница поблевать накануне концерта.

— Не намного лучше, — ворчу я.

Он закатывает глаза.

— Если ты пойдешь туда и блеванешь на сцене, тогда поговорим. А до тех пор — на хрен, рискни, допей свою газировку и будь на месте. Ясно?

— Нет.

Он прищуривает ледяные зеленые глаза.

— Киллиан поставил на кон свой зад ради тебя. Он верит в тебя, а это значит, что и я тоже. Не выставляй его дураком.

Из всего, что мог сказать Джакс, чтобы связать меня узами страха, это было как раз в точку. И я вроде как ненавижу его за то, что он так легко отыскал мое слабое место. Так что всё, что я могу сделать, это отсалютовать, не в силах противиться желанию выставить средний палец выше остальных.

— Ясно.

— Хорошо. Двадцать минут!

Ага. Я вот-вот умру.



Киллиан

Мне нравится играть в Фенуэй. Это историческое, полное причуд место. Здесь выступали легенды музыки, а еще тут всё пропитано душой бейсбола. Даже несмотря на то, что стою под обжигающими электрическими лампами, клянусь, я могу ощутить аромат бейсбола — слабый запах хот-догов и пива, травы и солнца. Стадион не огромный, но кажется таким. Стены фанатов возвышаются почти что вокруг нас. Пол — огромное море извивающихся тел. С расстояния я могу лишь представить, как самородки бейсбола шагают по площадке, защищенной от поклонников металлическими заборами.

Мое тело вибрирует, когда я заканчиваю петь и отступаю назад, чтобы глотнуть воды. Руки немного дрожат. Я нервничаю. Не из-за себя. Из-за нее.

Уип и Рай играют джем-соло, ведущее к следующей песне "Отброс". Это первая песня Либби вместе с нами.

Я вижу, как она замирает на краю закулисья, ее лицо бледное, как смерть. Моя бедная девочка, страдающая от боязни сцены. Джакс предложил поговорить с ней. Видя, как он постоянно ворчал на ее счет сегодня, я был лишь рад позволить ему это. Возможно, они могут подружиться. Я был бы счастлив.

Ловлю ее взгляд и слегка киваю, улыбаясь. *Ты сделаешь это, куколка.*

И как хороший солдат, она выпрямляет спину, забрасывает ремень гитары над головой и делает визуально заметный глубокий вдох. Боже, в ней пылает внутренний свет, пока Либс выходит на сцену.

Большой корпус Гибсон L-1 практически перекрывает ее маленький силуэт. Она одета в еще один шелковый сарафан белого цвета с большими красными маками. Короткие черные сапоги обуты на ее ноги, прямо как во время нашей первой встречи.

Рай поднимает скрипку, а Джакс переключает свою Telecaster на режим мандолины. На прошлой неделе мы поигрались с "Отбросом" и "Сломленной дверью", сделав более утонченную версию песен. Теперь они идеальны. Джон, отвечающий за мое оборудование, передает мне мою Gretsch, и я подхожу к микрофону.

— Сегодня вечером мы собираемся показать вам несколько разных песен. Немного душевных.

Зверь воеет в знак согласия.

Я усмехаюсь в микрофон.

— И эта прекрасная леди справа от меня, — говорю я, пока Либби подходит к микрофону рядом, — талантливая мисс Либерти Белл. Давайте достойно поприветствуем ее.

Она вздрагивает, когда Зверь начинает кричать, свистеть и выкрикивать, взрывая ночной воздух. Либс не смотрит на меня, не делает ничего, лишь глядит на море людей широко открытыми глазами. И на леденящую душу секунду я боюсь за нее. Толкнул ли я ее слишком далеко? Не испортил ли все?

Но затем Джакс начинает играть на своей мандолине, а Рай — на скрипке. Время пришло. Уип ударяет палочками — раз, два, три — и Либерти включается в действие, ударяя медиатором с идеальной точностью.

Ее голос чистый и невероятно красивый. Он разбивает мое сердце и заставляет его раздуться одновременно.

Джакс подпевает ей. И затем настает моя очередь присоединиться.

Мы с Либби в гармонии. И когда она поворачивается, яркие огни софитов освещают ее. Она смотрит на меня и улыбается. Ее радость охренительно ослепительная. Она побуждает меня, дарит всплеск чистейших эмоций, которые сильнее, чем всё, что я когда-либо чувствовал на сцене.

Вот, где ее место.

Песня заканчивается слишком быстро. Мне так сильно нужно ее поцеловать, что это причиняет боль. Нас окружает вибрирующий гул. Она светится, когда кланяется и уходит. Я не хочу, чтобы она уходила.

Остаток нашего выступления проходит в тумане, пока она не возвращается для последней песни. Мы сыграем на бис позже, но сейчас закончим песней "До глубины души". Эта песня о любви с долей сарказма. Мы с Либби играем восемьдесят процентов песни вдвоем, а группа подключается лишь в конце.

Как только она снова оказывается рядом, мое тело настраивается на нее. Выгляда на этот раз более уверенно, Либби начинает играть вступление — легко и игриво.

Я не поворачиваюсь лицом к толпе. Я смотрю лишь на нее. Играю и пою для нее. И она поет мне в ответ, а ее глаза ярко блестят. Вот оно. Это то, чего мы хотели.

Мы заканчиваем на затяжной ноте, а затем и я, и Либби уходим. Остальные ребята играют еще несколько минут. Мне нужны эти минуты. Я хочу поговорить с ней, выяснить, как она себя чувствует, взволнована ли она также, как я.

Но у Либби, видимо, другое мнение на этот счет. Она не смотрит в мою сторону, пока уходит со сцены, ее шаг такой быстрый, что практически переходит на бег. Ее волосы развеваются вокруг головы, когда она стягивает гитару и передает ее ожидающему Джону. Я тоже отдаю ему свою гитару, не замедляясь. Я так возбужден, мое сердце колотится, член твердый, как сталь, болезненно упирается в джинсы. Мне хочется уйти и быть с Либби.

Но этого сейчас не случится.

Минуя команду технической поддержки, праздно шатающихся помощников, и бог знает кого еще, она движется, не останавливаясь, не встречаясь ни с кем взглядом. Я тоже не утруждаюсь разговорами. Либби меня не обгонит — мои длинные ноги несутся в такт ее бешеному ритму — и в конечном счете она остановится.

Прямо перед тем, как зайти в дамскую комнату, она громко произносит: "Меня сейчас стошнит".

Дерьмо.

Либби влетает в уборную, и я следом: черта с два я бы оставил ее снова справляться с этим самостоятельно. Как только вхожу через двери, на меня нападает крошечный ураган женской возбужденной плоти.

Либби набрасывается на меня, толкая спиной к двери. Ее рот нападает на мой до того, как я успеваю вдохнуть. Ненасытно, влажно и требовательно она поглощает меня.

Моя сдержанность летит ко всем чертям. Испуская стон, я целую ее в ответ. Это неистовое столкновение губ, языков и зубов. Черт меня дерит, если мои колени не слабеют. Я сползаю по стене, мои руки подхватывают ее округлую попку. Издавая нетерпеливый, немного сердитый звук, она запрыгивает на мое тело, оборачивая ноги вокруг моей талии.

Похоть бушует во мне. Я разворачиваюсь, прижимая ее тело к двери. Мои руки скользят вверх по ее бедрам, проникая между нами, чтобы коснуться ее центра.

— Иисус, — выдыхаю я сквозь стиснутые зубы.

Она офигенно влажная: мокрые бедра, горячая припухшая киска.

Ее белье разрывается у меня в руках.

Либби хнычет, толкаясь бедрами навстречу.

— Блядь, — она почти всхлипывает. — Бля... Я... Мне нужно... — еще один всхлип вырывается на свободу, и она всасывает мою нижнюю губу себе в рот, облизывая ее.

— Знаю, — говорю я, дергая вниз свои джинсы одеревенелыми руками. — Знаю.

Не понимаю, как мне удастся надеть презерватив. Кровь шумит в ушах, а сердце готово вырваться из груди. Я вот-вот могу кончить. Наши скользкие от пота тела трутся друг о друга.

— Давай же, Киллиан. Сейчас, — выдыхает она мне в рот. Ее тело вздрагивает. — Черт, ты нужен мне сейчас.

— Я знаю.

Один резкий толчок, и я наполовину в раю. Она такая горячая, словно печка, и такая узкая, что мои глаза закрываются. Еще один толчок, и она скользит вверх по двери от его силы. Испуская стон, я хватаю ее за плечи, насаживая на себя, и одновременно с тем толкаюсь вперед. Пиздец, так прекрасно.

Либби задыхается, ее голова откидывается назад, ударяясь о дерево, когда она вскрикивает. Кончики ее пальцев зарываются в мой затылок.

— Еще.

Это слово едва слышно. Но я улавливаю его.

И я безумно вколачиваюсь в нее, ведомый потребностью в этом трахе. Мои яйца шлепают по ее попке. Голова опускается на ее плечо, когда я упираюсь руками о дверь и прижимаю к ней Либби силой своих толчков.

В момент, когда она кончает, тесные стеночки ее киски ритмично сжимают меня, и я потерян. Оргазм прокатывается через тело так сильно, что всё вокруг меркнет. В течение долгого мгновения я замираю, задница напряжена, тело опирается на нее, ноги дрожат. А затем выпускаю вздох.

Истощенный, прижимаюсь щекой к ее щеке, и она накрывает ладонью мой затылок.

— Блядь, — говорю прерывисто.

Она хихикает, фыркая, и поворачивает лицо к изгибу мой шеи. Мы оба стоим на месте, слабо смеясь, словно безумцы, мой член всё еще глубоко в ней.

Внешний мир возвращается слишком быстро, и я слышу усиленный микрофоном голос Джакса, который произносит "Спокойной ночи, Бостон!". Время вышло.

Глава 18

Либби

Моя темная и холодная маленькая спальня в задней части автобуса слегка покачивается, пока мы набираем скорость на пути в Кливленд. Не ощущая костей и конечностей от усталости, я могу лишь лежать здесь и смотреть в потолок. Я слишком возбуждена, чтобы спать, но и не могу заставить себя двигаться.

Каждая секунда вечера проигрывается в голове, словно фильм. Ослепительный свет на фоне тьмы. То, как двигалась толпа, будто живое создание. И, конечно, пение и игра на моей гитаре. Это было... всем. Высшей точкой моей жизни. Трансцендентностью.

Я даже не представляла.

А играть вместе с Киллианом? Чистая радость. Я могла бы смеяться, словно легкомысленное дитя, катающееся на санках с горки. Мне хочется ощущать это снова и снова. И хочется пережить чистый жар и похоть, которые нагрянули после выступления, то, как толстый член Киллиана вбивался в меня, и то, как он пригвоздил меня к двери. Это было жестко, быстро — всё, в чем я нуждалась.

Я хочу его сейчас. Но это невозможно, так как если он придет в эту комнату, то сразу возникнет куча вопросов. Черт, повезло, что нам удалось потрахаться, словно бешеным кроликам, в уборной. Ему предстояла нелегкая задачка по тому, как запихнуть член обратно в штаны и побежать на встречу с ребятами в примерке перед тем, как выйти на бис.

Теперь он находится в основной комнате автобуса, импровизируя с ребятами. Сейчас три утра, и они не закругляются. Не могу их винить. Энергия курсирует через мои конечности и вызывает нервозность.

— Пошло всё к черту.

Я отбрасываю простыни и натягиваю удобные спортивные штаны.

Музыка течет в воздухе, пока я тащусь по узкому коридору, расположенному сбоку от четырех пустых комнат, и оказываюсь в основной зоне. Ребята перестают играть, когда я вхожу. Вероятно, я выгляжу зрелищно в своей огромной футболке с концерта Massive Attack и мешковатых штанах.

— *Гельголанд*, — Уип подбородком указывает на мою футболку. — Чертовски люблю этот альбом.

Я нахожу место на диване между ним и стеной. Темные глаза Киллиана следят за мной, а самодовольная усмешка задерживается на устах. Я бы хотела злиться, но самодовольная леди внутри меня отказывается быть лицемеркой.

— Не можешь уснуть? — спрашивает он. Его большая рука оборачивается вокруг основания грифа гитары — великолепной Гибсон J-160E 1962 года. Джон Леннон играл на такой же. И теперь Киллиан Джеймс тоже может заставить этот прекрасный инструмент петь.

Его длинные пальцы также легко играли с моим телом. Я сжимаю вместе колени.

— Слишком заведена.

— Ты привыкнешь к этому, — говорит Рай. Парень держит пару маракас, при виде

которых я улыбаюсь. Он улыбается в ответ. — Знаешь, не спать всю ночь.

Ребята смеются.

Джакс изучает меня.

— Тебя не стошнило на сцене.

— Ура мне, — отвечаю невозмутимо. — К слову, спасибо. Ты спас мой зад.

— Главным образом я спас всех нас от необходимости задыхаться от вони у тебя изо рта, — произносит он, пожимая плечами, но уголки его глаз собираются в морщинки от веселья. — Я попрошу Жюля приберечь для тебя эль и набор для чистки зубов на складе.

Жюль — один из помощников, который ездит в другом автобусе. Так много автобусов. Автобус с дорожной командой. Один для Бренны, Жюля, костюмеров — то, что у ребят есть костюмеры, вызвало у меня приступ смеха, но, в основном, их работа — отвозить и забирать вещи из химчистки — и пресс-координатора. Еще один автобус для группы "Никаких Любимчиков". И один для Скотти. Да, у него есть собственный автобус. Ребята, однако, всегда путешествуют вместе и считают это традицией. Ни один из других автобусов не хорош настолько, как наш. У нас есть кожаный салон, полностью оборудованная кухня, ванная и десятки других привилегий — ну, может, еще у Скотти такой же, но он не позволяет мне проверить.

Киллиан передает мне бутылку лимонада из ведерка со льдом, что находится рядом с ним. Еще там есть пиво, но он хорошо меня знает. Я делаю большой глоток, освежаясь сладостным фруктовым ароматом.

— Итак, — спрашивает Уип, быстро постукивая по *джембе*. — Каково было взорвать свой первый рок-концерт?

Я усмехаюсь, пряча губы за бутылкой, и отказываюсь смотреть на Киллиана. Воспоминания о том, что мы делали в уборной, словно тату на моей коже.

— Как только я вышла на сцену, всё было... идеально.

Уип смеется.

— Ага. Это невероятно, верно? И ты справилась. Лучше, чем сама ожидала, — его голубые глаза полны ликования. — Я помню наш первый большой концерт.

— Мэдисон Сквер Гарден, — вставляет Рай, посмеиваясь.

— Мы десятки раз играли в меньших клубах, — поясняет Уип. — Но, наконец, пришел наш час, и мы отправились в основной тур. Так что именно там всё начиналось. Первая ночь тура. Джакс громко отрыгнул за спиной у операторов, отчего дорожная команда разбежалась, словно мошки на свету.

Я смеюсь, и Джакс качает головой.

Уип продолжает с широкой усмешкой на устах.

— Рай метался взад-вперед, бормоча о том, что не может вспомнить ничего из наших песен.

Киллиан молотит руками, будто имитируя Райя, и его голос поднимается до фальцета:

— "С какой песни начинаем?", "Что играем после нее?", "Как я вообще смогу сыграть на своей ебаной гитаре?".

Щеки Райя краснеют.

— Бля, это правда. У меня была абсолютно пустая башка.

— А ты? — спрашиваю у Уипа, так как он рассказывает историю.

— О, я пребывал еще в том хаосе. Ткнул себя палочкой в чертов глаз.

— Что? — я смеюсь.

— Серьезно, — его глаза светятся. — Я даже не знаю, как сделал это. Но ублюдох опух так сильно, что я едва мог видеть.

— О, боже, — я тру собственные глаза, теперь влажные от слез, а затем ловлю веселый взгляд Киллиана. — А ты что делал?

— О, Киллиан находился прямо в центре этого шторма, — говорит Уип. — Он просто стоял там, держа руки в боки, и смотрел на нас. А затем заорал...

В один голос Джакс, Рай и Уип орут:

— Ну всё, я хочу к мамочке!

Киллиан смеется, опуская голову.

Ребята хохочут.

— Это было так охренительно неожиданно, — говорит Рай, практически задыхаясь от смеха. — Мы все прекратили творить свое дерьмо и просто глядели на него. Он в одно мгновение вытянул нас из того состояния.

Киллиан ловит мой взгляд, и я улыбаюсь. Счастье, нежность и другие прекрасные эмоции бурлят у меня в груди. Я обожаю этого мужчину. Всё в нем. И он словно слышит мои мысли: выражение его лица мрачнеет, и я чувствую его заботу и потребность так очевидно, словно его руки обнимают меня.

Моргаю и отвожу взгляд, не желая, чтобы другие увидели то, что так очевидно отражается на моем лице.

— Ну, — говорю я, — думаю, моя рвота в конце концов была не так плоха.

— Ты была хороша, Либс, — говорит мне Киллиан, его глубокий голос обнадеживает. — А дальше будет еще проще.

— Это ты так говоришь, — отвечает Джакс. Но затем обращает внимание на свою гитару и начинает играть знакомую мелодию.

Парни следуют его примеру и начинают играть песню Битлз “Ob-La-Di, Ob-La-Da” Джакс и Киллиан играют на гитарах, Рай на маленьком наколенном синтезаторе, а Уип бьет в *джембу*.

Уип толкает меня локтем, и я тоже подпеваю.

Мы проводим так всю ночь, играем и поем, пытаюсь обыграть друг друга, выбрав лучшую песню для исполнения. А автобус мчится по бесконечному темному шоссе. И я не представляю, где мы. Но это лишь география. Впервые у меня появляется намек на то, кто же я такая.



— Как воскресный секс, кожа скользит по коже, — рычит Киллиан в толпу из шестидесяти тысяч орущих фанатов, но его глаза прикованы ко мне. — Я погружаюсь в твою благодать, облизываю твой сладкий грех.

Иисусе. Я была там, когда он написал эти слова, и они всё еще вызывают слабость в моих коленках, когда он смотрит на меня, будто помнит каждое наше прикосновение. Затем Килл поет своим глубоким невероятным голосом, будто обещая мне большее.

Мои слова выходят хриплыми, нуждающимися, когда я пою в ответ:

— Думаю, я твоя, так давай же, выясни. Кажется, ты просишь о помощи, но это не касается любви.

Рядом Рай толкает меня плечом, пока мы играем, и Киллиан поет припев песни "Сломленные двери". Софиты заливают всё белым светом. Их тепло ласкает мою кожу. Энергетика течет через меня волной, вынуждая волоски на теле встать дыбом. Мои соски напрягаются, кровь приливает к нуждающейся во внимании точке между моих бедер.

Если бы я до этого не занималась сексом с Киллианом, то подумала бы, что это самая захватывающая вещь в мире. Потому что в этот самый момент я не Либби — женщина, которая боится и сомневается, которая волнуется о том, куда направляется по жизни и где уже была. В этот миг я — это лишь я в своей самой базовой версии.

В этом кроется свобода. Радость.

Но всё скоро заканчивается, и это отстой. Каждый раз после концерта я дезориентирована, мое тело гудит, а голова кружится. И лишь одно способно снять напряжение и вернуть меня к реальности. К сожалению, это еще и рискованно.

Но риск меня не останавливает. Или Киллиан. Нам обоим нужно это одинаково сильно.

Через несколько минут мы скрываемся на складе, пахнущем лизолом, и я склоняюсь над стопкой старых усилителей, пока Киллиант вбивается глубоко в мою киску. Его большие грубые руки накрывают мою грудь, пока он быстро и жестко толкается вперед. Его бедра бешено встречаются с моей попкой с громкими шлепками, которые смешиваются со звуками нашего приглушенного ворчания.

То, как он наполняет меня, толстый и большой, каждый раз задевает точку, от которой приятная пульсация отдается у меня в горле и пальчиках ног. Невероятная жаркая дрожь бежит по спине и бедрам. Так здорово.

Я толкаюсь назад, встречая его на полпути, нуждаясь в его жестком толчке.

— Иисус, — рычит он, его бедра вздрагивают. — Вот так. Покажи мне, насколько тебе это, на хрен, нравится.

Быстрее, сильнее. Почти что до боли. Но этого недостаточно.

Мы слишком гармоничны, чтобы он не заметил моей неудовлетворенности. Его рука рывком выныривает из-под моего топа, почти разрывая его. Пальцы скользят между моих ног, отыскивая клитор. Не требуется много усилий. Я так возбуждена, мой клитор такой отекший, что ему стоит лишь коснуться его, слегка щелкнуть по нему, играя с моим телом. И я кончаю.

Прикусывая губу, пытаюсь сдержать крик. Он так глубоко, его член такой большой, что я чувствую, как моя плоть пульсирует вокруг него. Он тоже это ощущает, потому что издает низкий и долгий стон, выгибая бедра мне навстречу, когда кончает. На секунду мы замираем, глядя друг на друга и всё еще ощущая собственное наслаждение. Затем вся напряженность спадает с одним выдохом в унисон.

Тело Киллиана распластано поверх моего, наше прерывистое дыхание синхронно. Пальцы переплетены, пока мы пытаемся отдышаться. Я прихожу в себя постепенно: сперва проясняется зрение, затем ощущается смесь запаха нашего пота и чистящих средств, и лишь затем то, что толстый член Киллиана всё еще внутри меня и...

— У меня под щекой мокрая тряпка, — я поднимаю голову.

Киллиан заглядывает мне через плечо и фыркает. Звук его смеха смешит и меня, так что мы оба начинаем хохотать. Ну, мне смешно и немного противно, потому что мое лицо лежало на грязной тряпке.

— Ты была на тряпке, — ржет Киллиан, его грудь дрожит напротив моей спины.

— Гм, это плохо. Просто нехорошо. Худшая шутка всех времен, — тем не менее, я всё еще смеюсь.

Частично от чувства облегчения, но в основном просто потому, что Киллиан делает меня счастливой.

Он помогает мне подняться, его руки обнимают мои плечи, а член выскользывает из моего тела.

— Я могу еще предположить, где была эта тряпка до этого.

— Даже не сомневаюсь, — я опускаю голову на изгиб его плеча.

Его теплое дыхание касается моей кожи, когда Киллиан целует меня в висок и сжимает плечи, а затем отступает, чтобы надеть штаны. Не знаю, когда он достал презерватив, но лучше посчитаю это за чудо и сосредоточусь на его точеной груди. Я рассеянно вывожу линии его татуировок.

— Нам лучше возвращаться. Это было безумием. Кто-то может заметить.

— Не-а, — говорит он, подмигивая. — Они все заняты тем же.

— Правда? Откуда ты знаешь?

— Потребность трахнуть после концерта — довольно распространенное явление. Все мы так делаем. Знаешь, находим желающих помочь... — его слова прерываются сдавленным кашлем, и Килл чешет затылок, а его щеки краснеют.

— Верно. Конечно.

Мои пальцы поправляют верх платья, разглаживая складки в местах, где шарили его руки.

Киллиан подходит ближе, его руки сжимают мои плечи.

— Эй, прекрати.

Я бросаю на него взгляд.

— Что?

Уголки его глаз морщатся от беспокойства.

— Мне не следовало упоминать об этом дерьме. Я делал подобное в прошлом. Но мое настоящее — это ты.

— Поверь, — удастся произнести мне. — Меня не интересуют размышления о твоём прошлом. Знаю, оно не влияет на нас.

Он хмурится, его взгляд скользит по моему лицу.

— Тогда почему ты расстроена? А я могу понять, когда ты расстроена, так что не отрицай.

Читающий мысли Киллиан. Я закатываю глаза, пытаюсь отмахнуться от него. Но он не отступает.

— Я не ревную, — не сильно. Ладно, я ненавижу думать о нём с другими женщинами. Подайте на меня в суд. — Просто... Разве этим мы занимаемся? Используем друг друга, чтобы снять напряжение?

— Нет, — произносит он спокойно. — Я занимаюсь с тобой супер-пупер-сладкой любовью. На складе, — его темные глаза мерцают. — На тряпке.

— Ты опять упомянул об этом, ага? — я вздыхаю и убираю прядь волос с лица. — Знаешь, что? Это глупо. Именно я практически изматываю тебя до смерти каждый раз, как мы заканчиваем концерт.

— Мне нравится, когда ты меня изматываешь, — Киллиан шевелит бровями.

Несмотря на свое настроение, я смеюсь, но затем прихожу в себя.

— Просто... После того, как ты упомянул об этом, вдруг показалось, что это так жалко. Словно ты бы занялся этим в любом случае.

А занялась бы я? Нет, не могу представить себя трахающейся с кем-то другим.

Выражение лица Киллиана становится серьезным, и он сжимает мои щеки. Ничего не говоря, он целует меня без языка, его губы просто нежно ласкают мои. Когда он отстраняется, его взгляд сосредоточенный.

— Мы никогда не будем жалкими. Грязными, странными, пошлыми, милыми — ладно. Но не жалкими. И если бы сегодня я не занялся с тобой сексом, то просто бы подрочил.

— Миленько.

— Я универсален, детка.

Счастливо улыбаясь ему, я целую Киллиана в щеку. Затем, проверяя, нет ли кого в коридоре, Киллиан оглядывается на меня.

— На этот раз я пойду первым. Ребята думают, что у тебя проблемы с рвотой после шоу, так что поддержим эту идею.

— Чудно. Стану известна, как Бетти-Блеватти.

Киллиан тихо смеется надо мной, а затем снова целует.

— *Моя* Бетти-Блеватти.

Как только он уходит, моя улыбка исчезает. Не могу отбросить тревогу. Притяжение к Киллиану и потребность в нём вот-вот могут поглотить меня. Когда я с ним, это самое реальное, что есть в моей жизни. Но если мы окажемся порознь, что останется?

Киллиан

Любой, кто скажет вам, что жизнь во время гастролей простая, — лжец. Выступления в основном становятся вашей наградой за постоянное нахождение в дороге и делают приятнее общение с бесконечной вереницей людей, которые смотрят на вас так, словно вы не совсем человек. Благоговейно, с обожанием, обособленно. Хуже того, все эти длинные ночи в крошечном чертовом автобусе, где я не могу забраться в постель к Либби. Они сводят меня с ума.

Не уверен, что мне по душе эта зависимость от другого человека. Но я не могу сломать привычку, как и всякую другую зависимость. Во любом случае, я жажду большего.

Спасибо Господу за Чикаго и две ночи в нормальном отеле — люкс со смежной дверью с номером Либби, который мне забронировала Бренна.

В отличие от других туров мы устраиваем вечеринки по минимуму. Сегодня у нас вечер отдыха, и мы решили провести его за просмотром фильма в частном кинотеатре отеля. Он довольно небольшой, около пятидесяти мест, с маленькой лаунж-зоной прямо у входа.

Пока служащие загружают фильм, мы болтаем в лаунже и пьем напитки.

— Я хочу пригласить Либби на свидание, — заявляет Уип так спокойно, словно в этом нет ничего такого.

Пиво почти выскользывает у меня из рук до того, как сжимаю пальцы сильнее.

— Что? Зачем?

— Что ты имеешь в виду под своим "зачем"? Она секси во всех возможных смыслах, — он щелкает языком по зубам.

Я хочу выбить его зубы.

— Много секси женщин попадается нам на пути, — говорит Рай, бросая косой взгляд на женщин, которых прихватил с собой с последнего концерта. Теперь они бродят по лаунжу. Одной из них или всем сегодня явно повезет.

— Выбери одну из них, — говорю я Уипу, пытаюсь успокоиться.

Да поможет мне всевышний. Потому что мне крайне сложно не наброситься на своего друга.

Уип хмурится.

— Я говорил вам, болваны, что хочу знакомую мне женщину. Больше никаких поклонниц. И Либби веселая.

Веселая. Ага. Я точно знаю, насколько веселая Либби, и не собираюсь ней делиться. От этой мысли хочется, как в детстве, топнуть ногой и закричать "Моя!". Было бы приятно.

Джакс бросает на Уипа долгий взгляд.

— Мы не трахаемся с персоналом.

— Либби не персонал, — выкрикиваю я.

Хотя зачем я указываю на это сейчас, и сам не понимаю. *Глупо*. Если позволить Уипу думать в таком русле, он не отступит.

— Мы платим ей кучу денег за выступления с нами, — говорит Джакс скучающим тоном. — Так что, как я и сказал, это делает ее частью персонала.

— Она равна с нами, — отвечает Уип. — Что делает все лишь лучше.

— А когда это дерьмо полетит ко всем чертям? — спрашивает Джакс. — Что тогда? Ты застрянешь с кем-то, кого ненавидишь, и это утянет всех нас в глубокую яму.

Уип трет затылок.

— Это было бы неловко.

Слава чертовому богу. Я мог бы убить его в конце концов.

— Хуже, если она утянет нас в глубокую яму, — добавляет Рай. — Тогда ты должен будешь встретиться с ней, зная... — он смолкает, когда Бренна врывается в комнату, громко смеясь и спотыкаясь на своих невероятно высоких каблуках. Она держит за руку Джесси, одного из наших техников по звуку.

Что бы Джесси ей не рассказывал, должно быть, это было смешно, потому что она фыркает и прячет лицо в изгиб его шеи, пока его руки путешествуют к ее попке.

Рядом со мной Рай рычит, словно одичавший пес. Остальные ребята обмениваются взглядами. Приехали.

Бренна сжимает в ответ задницу Джесси, а затем направляется к бару, ее бедра чрезмерно раскачиваются. Рай схватывается на ноги, его глаза прикованы к ней.

— Мужик, — говорю я. — Не делай того, о чем думаешь.

Но он не слышит меня или не хочет слышать. Рай смахивает руку Уипа со своего запястья и уходит. Направляясь навстречу проблемам.

— Мне стоит его остановить? — спрашивает Уип.

— Слишком поздно, — бормочет Джакс. — Ты опоздал на несколько лет.

Рай уже перед Джесси, его голос достаточно громкий, чтобы перекричать гул толпы.

— Мужик, мы наняли тебя не для того, чтобы ты трахался с нашим пиарщиком.

— Ты издеваешься? — Бренна бросается вперед, становясь между Райем и Джесси. — Ты же не сказал этого только что.

— Уверен, что сказал, — выкрикивает Рай. — Seriously, Брен, прояви хоть немного самоуважения.

Вот. Дерьмо.

— А ты прояви хоть немного чертового мужества, *Райленд*. Не можешь держать свой член в штанах дольше пяти минут, но при этом читаешь мне нотации?

— Ага, ну, не меня ведь наняли на позицию PR-менеджера, — его лицо теперь красное. — Покажи пример, сладкая.

— Не называй меня "сладкой", мудила, — она толкает его в грудь. — И не веди себя, словно ревнующий...

— Ревнующий? Скорее испытывающий отвращение.

Я встаю на ноги, когда Бренна тоже краснеет от ярости.

— Твоя мать...

— Верно, — перебиваю я. — Почему бы нам не обсудить это в другом месте? — я киваю на образовавшуюся вокруг них заинтересованную толпу. Кто-то хихикает, несколько человек наклоняют головы. Но большинство глазеет.

Бренна бледнеет, осматривает комнату до того, как броситься к Райю, которого, кажется, не волнует сложившаяся ситуация.

— Ты — мудака, — шипит она себе под нос.

Это самые тихие слова, что она сказала за всё время, но они пропитаны ее яростью настолько, что даже Рай вздрагивает. Он открывает рот, словно собирается ответить, но Бренна уже уходит, хватая онемевшего Джесси за руку и утягивая за собой.

Джесси оглядывается, явно опасаясь потерять работу.

Я жестом указываю ему уйти, тогда как Рай фыркает.

— Маленький трус даже не постоял за нее, — бормочет Рай.

Он протискивается мимо нас, забирает пиво у какого-то парня и уходит. Дверь хлопает за ним.

— В этом-то и дело, — Джакс качает головой от отвращения. — Именно поэтому мы не трахаемся с членами нашей *команды*.



Либби

— Спорю, они займутся этим в течение недели, — говорит одна женщина другой, пока они распивают напитки и наблюдают за Бренной и Райем, разбегающимися в разных направлениях.

Другая женщина фыркает.

— Вероятно, они уже это сделали. Разве ты можешь ее винить? — она втягивает губу между зубами. — Рай до чертиков горяч. Ммм... Все эти крепкие мышцы.

— Лично мне больше по душе Киллиан. Мускулистый, но стройный, и с такими греховными глазами. А его походка. Знаешь, он словно готов порвать любого на куски.

— Даже не представляю, о чем ты, — отвечает ее подруга, смеясь.

Но лично я определенно понимаю, о чем говорит эта женщина. Отворачиваюсь до того, как услышу еще больше размышлений о теле Киллиана. Или о том, как сильно эта женщина хочет проверить, правдивы ли ее предположения.

Афтерпати являются неотъемлемой частью тура, с которой я никогда не считалась. Честно говоря, думаю, они отстойны. Да, встреча с настоящими фанатами это весело. Они практически вибрируют радостью, когда наконец-то встречаются с ребятами лицом к лицу. Это мило. По крайней мере, если говорить об этом типе поклонников. Но есть другие поклонницы. Женщины, чья работа, кажется, состоит в том, чтобы поставить еще одну зазубрину на их пресловутых кроватях. Мне не стоит их ненавидеть, и я правда изо всех сил пытаюсь этого не делать. Но наблюдать за тем, как они виснут на Киллиане, как он погружен в логово львиц, нелегко.

А они сделают что угодно — *любую вещь* — лишь бы привлечь внимание. За последние недели я видела больше сисек, чем за всю свою жизнь. Майки слетают в самые странные моменты.

Типа, о, здарсьте, музыка уже началась? Давайте сорвем с себя майки и потрясем тем,

чем мать нас наделила. Или, на крайняк, хирург. Без разницы.

Неважно, что комната полна журналистов, записывающей аппаратуры, техников и других людей. Фактически, для них это даже делает шоу более захватывающим.

Киллиан не поощряет подобное. Во всяком случае, он бросает на меня болезненный взгляд, будто говоря "Видишь, что заставляло меня скрываться?". И я люблю его за это. И ненавижу себя немного больше с каждым следующим разом.

Как ни странно, но Уип тоже избегает женщин. Гадаю, фантазирует ли он о них, но его взгляд всегда остается приклеен к обнаженной женской плоти, словно парень находится под гипнозом. Джакс проявляет себя с апатичной стороны насчет женского пола, словно он пресытился. О, конечно, он уходит к себе с несколькими женщинами, но энтузиазма не проявляет.

Рай, по сути, единственный, кто, кажется, наслаждается происходящим. По крайней мере, так было до перепалки с Бренной. Теперь они ушли, и здесь все стало на круги своя: слишком шумно, фальшивый смех, люди смотрят по сторонам, желая увидеть, кто смотрит на них самих.

— Всегда есть, о чем поговорить, — произносит женский голос рядом со мной, когда прислоняюсь к бару и делаю глоток своего напитка. Красивая блондинка, выглядящая так, как выглядят девушки у меня дома, на юге страны, приятно улыбается мне. — Или о чем написать, в случае необходимости.

Бейджик прессы на ее груди идентифицирует ее как З. Смит.

Защищая Бренну и Райя, я бросаю на женщину уничижительный взгляд.

— Должно быть, у вас скучный день, раз вы готовы писать о небольшой перепалке.

Она пожимает плечами, окидывая взглядом комнату.

— Смотря чьей перепалке, — ее выразительные голубые глаза снова обращаются ко мне. — Я — Зельда, кстати.

Я принимаю ее руку.

— Красивое имя.

— Ненавижу его, — говорит она, морща нос. — Но оно мое, поэтому что я могу сделать? Вы — Либерти Белл.

— А это делает меня экспертом по странным именам, — говорю, смеясь.

— Не завидую тем шуткам, что вы, должно быть, слышали, будучи помладше.

Хотя она просто болтает со мной, я не могу расслабиться. Бренна и ее ассистент, Жюль, вбили мне в голову, что важно следить за своим языком в разговорах с прессой. Они могут взять всё, что ты скажешь, и перекрутить.

— Лучший ответ, — говорит она легкомысленно, — просто зевать в лицо их идиотизму.

— Вспомню это при случае.

Выражение ее лица становится серьезнее.

— Так что вы думаете об участии в туре? Это же ваш первый подобный публичный опыт?

Приехали. Время интервью.

— Много чего я узнаю, но наслаждаюсь этим. Ребята очень меня поддерживают.

— Вас привел ведь Киллиан Джеймс?

— Ага.

— Я слышала историю о том, что этим летом вы были соседями.

Вероятно, потому что Бренна сделала на этот счет заявление для прессы.

— Верно.

— Вам повезло, — Зельда толкает мое левое плечо своим, словно мы давние приятели. — Из всех ребят, могу сказать, есть что-то этакое в Киллиане. Он аппетитный плохой мальчик, такой, от шарма которого трусики слетают.

— Я пытаюсь не думать о ребятах в данном русле, — говорю ей, извергая ложь сквозь стиснутые зубы, потому что ее описание попало в точку. — Мне нужно с ними работать.

— Так вы хотите сказать, что не трахаетесь с ним?

Ее прямой вопрос для меня как удар в лицо, так что я отбиваюсь.

— Простите, что?

Зельда улыбается мне во все зубы.

— Извините. Я довольно неосмотрительна в выборе слов, после всех этих лет в данной индустрии. Но на чистоту? Киллиан Джеймс до чертиков неотразим. И факты таковы. Сперва вы соседи, а потом он приводит в группу вас, абсолютного новичка, и берет в тур с собой.

Мое сердце колотится о ребра. Я не должна быть шокирована, она сказала всё, о чем я предупреждала Киллиана. Почти дословно. Но ожидала я наблюдения со стороны или нет, унижение, которое ощущаю, когда меня рассматривают в роли не больше, чем шлюхи Киллиана, почти невыносимо.

И затем меня пронзает гнев на саму себя за то, что предвидела это, и на нее, за то, что считает так же.

Я бросаю на женщину долгий взгляд, наблюдая, как она пытается не начать ерзать на месте.

— Вы слишком молоды для репортера, которого назначили бы освещать концерт «Килл-Джон».

— О чем вы говорите? Мне двадцать шесть, и я, вероятно, старше большинства этих поклонниц.

— Ага, но они здесь с единственной целью. Вы тоже? Потому что большинство других репортеров, которых я встречала, мужчины за тридцать.

Глаза Зельды прищуриваются.

— Это жесткий бизнес.

— И девушка использует любые активы, с помощью которых может подняться наверх, верно? Вот как вы попали сюда, мисс Смит?

— О, я понимаю. Пытаетесь пристыдить меня? Знаете, это был правильный вопрос. Вы связаны с Джеймсом. Никто даже не слышал о вас ранее. Не стоит ли задаться вопросом...

— Достигла ли я этого с помощью секса? Конечно, стоит. Потому что именно этим вопросом задаются насчет привлекательных, успешных женщин, не так ли? Достигли мы всего при помощи таланта или раздвигая свои ноги? Если бы я была мужчиной, задали бы вы этот вопрос?

— Киллиан, как известно, не симпатизирует мужчинам.

— Не это причина, по которой вы задали вопрос.

Ее челюсть сжимается.

— Ваша точка зрения ясна.

— Эксклюзивно для вас скажу со всей честностью, с которой могу сказать, — я наклоняюсь ближе. — Киллиану пришлось уговаривать меня присоединиться к туру. Потому что я говорила ему, что люди сделают уродливые предположения насчет того, что он привел

незнакомку в тур группы «Килл-Джон». Но если вы и вправду знаете о нем хоть что-то, то должны быть в курсе, что он на редкость упрям. И что для Киллиана его любовь к музыке и то, что может сработать для группы, важнее любых глупых слухов.

— Вы так верны ему?

— Конечно, верна. Он дал мне шанс, который никто другой не предложил бы. Все ребята из «Килл-Джон» дали мне шанс, — я одариваю девушку стандартной для прессы искусственной спокойной улыбкой. — Вот почему мне радостно работать с ними и привносить всё то, что я могу привнести, — встаю и разглаживаю юбку. — Хорошего вечера. Надеюсь, вы насладитесь фильмом.

Она ничего не отвечает, но ее глаза-бусинки следят за мной, когда направляюсь в сторону кинотеатра. И я притворяюсь, что внутренности не дрожат от трещин в моей гордости.

Глава 20

Киллиан

Одна хорошая вещь в том, чтобы быть рок-звездой? Яркие моменты на публике уже не просто ожидаемы — они не вызывают сомнений. На сей раз я использую полное преимущество этого аспекта, когда вхожу в кинотеатр и направляюсь по заднему проходу к назначенному месту. Хмурое выражение моего лица отпугивает всех, кто подумывал присоединиться ко мне.

Я листаю новости на телефоне, когда кто-то всё же плюхается на сиденье рядом. Но все гадости, которые я планировал сказать, улетучиваются, когда вижу Либби. Она держит большую упаковку карамельного поп-корна и бутылку воды.

— Либс, — говорю в знак приветствия.

— Не могу поверить, что мы увидим *"Силу Пробуждения"*. Я пропустила ее, когда фильм только вышел.

— Моя маленькая отшельница. Когда в последний раз ты вообще смотрела фильм в кинотеатре?

Она забрасывает в рот горсть карамельного поп-корна, перед тем как бормочет:

— Заткнись.

Я беру и себе немного ее поп-корна... который определенно лучше, чем качество фильма.

— Можешь поблагодарить Скотти за сегодняшний просмотр. Он тащится по Звездным Войнам.

— Нет, — выдыхает она шокировано. — Это так...

— По-человечески? Ага, я тоже был удивлен.

Я люблю Скотти. Он — моя скала в этом бизнесе. Но чуваку двадцать восемь, а не семьдесят. Однако я часто ожидаю, что он помашет нам тростью и станет орать за то, что мы топчемся по его газону.

Он занял кресло по центру среднего ряда, бросая, как и я, смертоносные взгляды на всех, кто приближается.

Либби сует бутылку с водой в держатель рядом.

— Ты можешь поверить в это место? — с выпученными глазами она осматривает стены из оптического волокна и огромные хрустальные люстры, ряды диванчиков на двоих, которые буквально рассчитаны на двоих людей. Ее руки гладят широкий кожаный подлокотник с противоположной от меня стороны. — То есть эти раскладывающиеся диваны? Закрытые входные двери.

Издавая звук по типу "Вуху!", она нажимает кнопку, что поднимает нашу общую подножку.

Мои губы изгибаются.

— Успокойся, Элли Мэй, — я шучу, но мой голос не передает этого.

Либби останавливается и прищуривает глаза.

— Почему ты кажешься таким расстроенным?

Я бросаю на нее обиженный взгляд, а затем наклоняюсь вперед и шепчу себе под нос.

— Уип подумывает пригласить тебя на свидание.

Расстроен? Ага, да я скорее зол, как черт. Но довольного румянца Либби я уж точно не ожидал.

— Это так мило, — говорит она, довольная до невозможности.

— Мило? — шиплю я. — Тебе по душе эта идея?

Уголок ее губ опускается. Она толкает меня локтем в бок, и мне едва удается сдержать крик.

— Прекрати думать своим членом, — шепчет она.

К сожалению, не только мой член об этом думает. Этот орган немного севернее того, что прямо сейчас пульсирует злостью. Я скрещиваю руки на груди и откидываюсь на спинку. Не очень зрело, но это она меня довела.

Довольное выражение лица Либби не исчезает, а скорее нарастает.

— Просто мило, когда ты кому-то нравишься, разве нет? Это означает, что он принимает меня. К тому же, — говорит она, осматриваясь, пока люди заканчивают занимать места. — В любом случае, не думаю, что он это всерьез.

— А я уверен, что он на полном серьезе.

Ублюдок.

— Тогда почему он сует язык в горло той репортерше?

Мое сердце подпрыгивает, и я бросаю взгляд на Уипа, замечая его с красивой блондинкой, которая пыталась взять у нас интервью всю ночь. Ладно, это неприятное зрелище, и я быстро отвожу глаза. Но мое облегчение практически физически ощутимо.

— Знаешь, — произношу расслабленно, откидывая голову, — мне хочется трахнуть тебя прямо сейчас.

Либби вздрагивает, словно ее ущипнули и садится немного ровнее, а затем сутулится и замирает, словно ей холодно. Мило.

Она усмехается и отпивает воды.

— И что? — растягивает слова. — Пометить свою территорию? Утвердить свое мужское доминирование?

— Ага, — я скольжу взглядом в ее сторону. — Но главным образом потому, что я хочу трахнуть тебя всё время.

Боже, я люблю, как приоткрываются ее губы, тогда как тело покрывает румянец. Почти незаметный, но всё же он есть. Это делает меня твердым, как сталь, мои яйца сильно

сжимаются. Так что я не смотрю на нее, притворяясь, что разглядываю комнату. Свет убавили в ожидании фильма, пустые кресла перед нами затеняют нижнюю часть наших тел.

Моя рука опускается на место между нами и гладит ее по бедру. Либс слегка вздрагивает, когда я провожу пальцами по ее ноге.

— А что насчет тебя? — бормочу, играя с ее юбкой в темноте комнаты. — Хочешь трахнуть меня, куколка?

— Прямо сейчас я хочу врезать тебе, — цедит она сквозь стиснутые зубы. — Держи руки при себе. Здесь повсюду любопытные носы.

— Они все смотрят фильм, а не на нас, — сосредоточившись на экране с нейтральным выражением лица, я запускаю руку ей под юбку. Ее кожа такая гладкая и теплая. Фильм начинается с громкой музыки и знакомого старого логотипа, пока я веду ладонью к ее колену и вверх по мягкому бедру. — То есть, нет.

Она издает милое гортанное рычание, но ее ноги раздвигаются как раз настолько, чтобы предоставить мне возможность проникнуть между них. Внутренняя поверхность бедра горячая и влажная, и мой член вздрагивает.

Сюжет движется своим ходом, а моя рука всё перемещается. Либби по-прежнему остается неподвижна, но я практически ощущаю, как в ней вибрирует напряжение. Когда кончик моего пальца касается складки в самом верху бедра, у нее перехватывает дыхание, а ее ножки раздвигаются шире.

— Я уже упоминал, как сильно ценю смену твоего гардероба в сторону юбок-платьев? — шепчу, рисуя круги на ее коже.

— Это идея Бренны, — ее бедра немного ерзают на месте, следуя за моим прикосновением. — Прямо сейчас я скучаю по своим шортам.

Я улыбаюсь, не отводя глаз от экрана, пока пальцами поддеваю край ее трусиков.

— Позже сможешь надеть их, и мы сыграем в "Трахни дочку фермера".

Она сдерживает смех, который превращается в тихие хныканья, когда я срываю ее трусики. Ее голос становится тише шепота.

— Я пытаюсь смотреть чертов фильм. И не заинтересована в том, чтобы баловаться с тобой, — Либби едва передвигается, толкаясь навстречу моему пальцу.

Я усмехаюсь в темноте, жар и похоть крепко сжимают мой живот.

— Прости, — говорю, совсем не сожалея. — Но я тебе не верю. Поэтому собираюсь сам всё проверить.

— Килл... вот черт.

Я думаю тоже самое, пока скольжу пальцем по ее припухшей коже. И от этого чувствую себя чертовым господом. Потому что я сделал с ней это. Я довел ее до такого состояния. Я — тот, в ком она нуждается. Из-за меня она задыхается прямо сейчас, двигаясь навстречу моим прикосновениям и издавая тихое хныканье.

Но я сделаю всё еще лучше. Теперь это моя миссия. Моя привилегия. И будь я проклят, если кто-то попытается у меня это отнять.



Либби

Мне и вправду стоит остановить Киллиана. Мы играем с огнем, дурачась в столь публичном месте. Репортер просто предположила, что я предлагаю себя ему. А сейчас он трахает меня пальцами в кинотеатре.

Мне стоит запротестовать, но мужчина — чертов музыкант, и он так мастерски играет на моем теле, что не упускает ни одной нотки. Я не могу этому противостоять. И не хочу, особенно учитывая то, что каждое искусное касание посылает жар и удовольствие разливаться по моей коже. Учитывая то, что я почти ощущаю его сдерживаемую усмешку, то, как его плечо прижимается к моему, тогда как взгляд парня прикован к экрану, а его пальцы осторожно выводят круги на моем клиторе.

Он погружает в меня палец, и, сдерживая стоны, я раздвигаю ноги шире, объезжая его руку. Я стараюсь не двигаться, не отводить взгляд от разыгравшегося пожара в какой-то далекой галактике на экране.

Боже, как же он хорош. Каждый раз, когда Киллиан толкает пальцы внутрь, он сгибает их, касаясь точки внутри меня и вынуждая прикусывать губу. Я чувствую, как становлюсь еще более влажной, моя плоть сжимается. Под звуки и музыку фильма я могу услышать то, как движется его рука — влажно и глубоко, медленно и настойчиво мучительно.

Моя голова откидывается на спинку кресла, дыхание становится прерывистым и поверхностным. Выше талии я не шелохнусь, лишь мои руки немного трясутся, когда я закидываю в рот поп-корн, притворяясь, что всё нормально. Но внизу мои бедра широко разведены — непристойность происходящего лишь усиливает напряжение внутри — я едва заметно ерзаю, двигаясь навстречу каждому глубокому точку его пальцев.

Еще одно хныканье срывается с моих уст. Киллиан наклоняется вперед, его губы оказываются близко к моему уху.

— Шш... Я пытаюсь смотреть фильм.

Крысиный убудок щелкает по моему клитору кончиком большого пальца. Я вздрагиваю, и он погружает глубоко в меня два пальца. Мои веки опускаются, а сердце колотится. Я хочу его убить. Скоро.

— Ммм... — говорит он, его большой палец продолжает ласкать меня. — Люблю эту часть. Такой замечательный фильм.

Мое дыхание быстрое и поверхностное. Жар растекается по телу. Тот факт, что кто-то

может заметить, и мы попадемся, лишь всё усиливает.

Возможно, мне стоит стыдиться этого, но я не могу. Не в тот момент, когда оргазм накрывает меня, сжимая своими руками мои бедра, растекаясь по спине и вдоль груди. Он набрасывается и удерживает, не давая вдохнуть. Я ерзаю на сидении, практически вибрирую.

Глубокий голос Киллиана раздается едва слышимым шепотом в темноте прямо у моего уха.

— Это принадлежит мне. Отдай мне мое, куколка, — зубы сжимают мочку моего уха, его пальцы толкаются, задевая то самое место. — Кончи.

И я кончаю, дрожа и прерывисто втягивая воздух. Тело трясется, бедра сжимают его руку. Я кончаю так сильно, что вижу звезды за закрытыми веками. Когда вжимаюсь в мягкое кресло, он оставляет меня, напоследок лаская, нежно прикасаясь, тем самым будто награждая за хорошо проделанную работу.

Мне стоит врезать ему за это. Но я не могу пошевелиться. Он разрушил меня.

— Придурок, — шепчу безэмоционально.

Он толкает мое плечо своим.

— Сможешь позже взять реванш.

Я бросаю на него взгляд, но только чтобы наконец-то встретиться с ним глазами, не показывая, как он на меня воздействует. Его темные зрачки сверкают в мерцающем свете экрана. Когда я изо всех сил пытаюсь послать парню укоряющий взгляд, он широко усмехается. Невозможно устоять. Не знаю, почему даже пытаюсь.

Окидывая беглым взгляд зал, чтобы проверить, не смотрит ли на нас кто-нибудь, я наклоняюсь вперед и нежно целую твердый бицепс Киллиана. Его мышцы вздрагивают от удивления, но затем он вздыхает, а его длинное тело съезжает вниз на сидении.

Рука находит мою ладонь в темноте между нами. И тихим голосом, предназначенным лишь для меня, он произносит напоследок.

— Куколка, я мог бы утвердить свое мужское доминирование, ударив себя в грудь и заявив, что ты моя. Но это ничего не будет значить, если я не твой в ответ.

Глава 21

Киллиан

Я добродушно настроен. Всё благодаря оргазму Либби. После окончания фильма я не сразу ухожу из зала. В конце концов, мы встретимся с ней в люксе. Она наберет нам ванную, настаивая на том, что мы отлично откиснем в горячей воде в конце дня. Она всегда так делает. Либби — человек привычки, и я нахожу это странно успокаивающим. Независимо от сумасшествия жизни я хочу, чтобы здесь была она, спокойная и уверенная.

Скотти стоит у выхода, скрестив руки и широко расставив ноги. Выражение его лица — камень. Другими словами, он зол. Почему он бросает сердитый взгляд на меня, а не на Бренну и Райя или Уипа и репортершу? Загадка.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Кто-то болтал в течение всего фильма? Или ты всё еще расстроен тем, что умер Хан?

Он прищуривает глаза.

— О некоторых вещах мы не шутим, Киллиан.

Верно. Бренна рассказывала мне, что почти на сто процентов уверена, будто Скотти плакал, когда они впервые пошли на этот фильм. Я не знал, что этот мужчина способен вырабатывать слезы.

— Возможно, это просто был такой трюк. Знаешь, может, он и вправду висит на каких-то лесах, ожидая, пока его заберет Билли Ди... Верно. Больше ни слова о Хане.

Скотти фыркает и выходит вместо со мной в лобби. Сейчас здесь достаточно пустынно, члены дорожной команды и фанаты ушли на следующую вечеринку.

— Ты неосмотрителен настолько, насколько хотелось бы, — говорит он мне.

Я смущенно бросаю на него взгляд. Скотти сердито смотрит в ответ.

— В конце концов, люди заметят ваши уютные отношения с мисс Белл.

Мои шаги замедляются.

— Скажи, что собираешься сказать, Скотти.

Он останавливается и поворачивается ко мне.

— Ты видел, что произошло между Бренной и Райем сегодня.

— Все видели. Какова твоя точка зрения? — мое добродушие движется в сторону раздражения.

— Чем дольше ты занимаешься этим, тем хуже всё станет, когда люди узнают правду, — он упирает руки в бедра. Позиция лектора. — Есть поговорка: делай дело или дай сделать его другому.

— Это твой стиль, Скотти.

— Вы двое хотите быть вместе, так не скрывай этого. Мы с Бренной найдем способ, как с этим справиться.

— Это не проблема, с которой тебе нужно справляться, — вскрикиваю я, но не громко.

— Но тебе нужно. И если ты не видишь этого, то сознательно решил быть слепцом.

Мне приходится на секунду отвести взгляд.

Скотти использует этот момент, чтобы добить меня.

— Я хочу ее, Киллиан.

Я вскидываю голову, словно получив удар в живот, и он закатывает глаза.

— Хочу быть ее продюсером, придурок, — впервые в его выражении просматривается намек на веселье.

Мне нужно немного больше времени, чтобы успокоиться.

— Боже, тогда сказал бы это иначе. Христа ради, сегодня я уже имел дело с Уипом.

— Никогда не замечал за тобой такого собственнического инстинкта, — Скотти тихо посмеивается надо мной. Мудак.

— Привыкай, — я провожу рукой по напряженной шее. Сейчас мне определенно нужно откиснуть в ванной. — Хотя, серьезно? Ты хочешь взять Либби под свое крыло?

Я знаю, что это значит. Это знают все, кто разбирается в индустрии мечты. Скотти — легенда.

Он начал с нами, убедив четырех восемнадцатилетних панков дать ему шанс, и неважно, что на тот момент он был парнем практически нашего возраста и без какого-либо настоящего опыта. Мы сыграли в рулетку и ни разу об этом не жалели. Что касается Скотти, он взял ряд других клиентов по ходу работы, и все они стали платиновыми.

Он — деловой человек и гений маркетинга с инстинктом убийцы. Если он говорит, что у тебя есть талант, то музыкальная индустрия прислушивается к нему.

— Ты был прав, попросив ее поехать в тур, — говорит он. — Она уникальна. Бренна

рассказывала, что ей приходит всё больше просьб о интервью с Либби и десятки писем фанатов. Мы еще ничего ей не сказали, потому что на данный момент не хотим смутить ее.

— Хороший план, — потому что Либби начала бы сходить с ума. А это никому не нужно. — Но почему ты рассказываешь это мне, а не ей?

— Я планирую обсудить это с ней. Возможно, предложить начать после окончания тура, — его глаза прищуриваются, пока парень изучает мое лицо. — Я хочу знать, как ты это воспримешь.

И затем я вспоминаю, как всё началось. Я не владел ни секундой своей жизни. Так же будет и с ней, и наше время вместе сойдет на нет. Я рассеянно тру руки, мой желудок сжимается в знак протеста. Правда, теперь не от чувства добродушия.

— Не знаю, как Либби справится с полной загрузкой, — говорю я Скотти. — Или захочет ли она этого вообще. Но я не буду стоять у нее на пути.

Я никогда не сделаю подобного, даже если это будет значить, что однажды она уйдет.



Либби

Скотти заставляет меня нервничать. Я могу признать это. Меня не тянет к нему, но не буду отрицать его эффектность. Сочетание потрясающего внешнего вида, жесткого выражения глаз и ровного голоса действует на нервы, словно лавина. Тебя приковывает к месту, и даже если отводишь взгляд, то мужчина захватывает тебя своим голосом.

Поэтому когда он подходит ко мне во время саунд-чека на стадионе, я напрягаюсь, не отводя взгляда от поющего Киллиана так долго, как только могу.

Низкий смешок доносится до меня со стороны.

— Избегая зрительного контакта, вы не заставите меня уйти, мисс Белл.

Подбадривая себя, я поворачиваюсь.

— Думаю, отсрочивать неизбежное — моя фишка.

Он не улыбается, да и вообще редко это делает. Но его глаза нежны, ну, в его стиле.

— Разумный ход. Я хочу кое-что обсудить с вами. Есть минутка? — он наклоняет темноволосую голову в сторону рядов сидений, где мы могли бы слышать друг друга, пока «Килл-Джон» играют свою старую песню.

Я хотела бы остаться здесь и не обсуждать что-либо. Но киваю и следую за ним.

Он ждет, пока я сяду на ближайшее к нему место. И затем смотрит на меня,

внимательно вглядываясь.

— Вы не запасной материал.

Я мгновенно напрягаюсь, мой позвоночник выравнивается.

— Серьезно? Это самое долбанное клише шантажа? Потому что мы можем перейти к концу разговора прямо сейчас, и я скажу тебе трахнуть свою маму.

— Красочно, — бормочет Скотти, выглядя смешно. — И нет, мисс Белл, это не шантаж, — он разглядывает меня. — Однако вы наделены живым воображением. И теперь я вижу, почему вы с Киллианом совместимы. Тот же словарный запас, — мужчина наклоняется вперед, опуская руки на колени. — Вы хедлайнер, мисс Белл. Фигура первого плана.

— Я... гм... что?

Он не изменяет тон голоса, разговаривая со мной как с рассеянным ребенком.

— Звук и качество вашего голоса уникальны. Но важнее то, что вы, оказываясь на сцене, становитесь неотразимы. Я хочу заново представить вас миру, мисс Белл. Раскручивать вас.

В ушах появляется звон.

— Постой. Во-первых, пожалуйста, прекрати называть меня мисс Белл. Это напоминает мне визит в кабинет директора школы.

— Справедливо, — выражение его лица говорит, что я невменяема.

— Во-вторых. Я... ну, я не артист. Я приехала ради Киллиана.

Я бросаю взгляд в сторону Килла, и наши глаза встречаются. Даже теперь он знает, где я. Его темные глаза прищуриваются, словно он пытается подбодрить меня, даже пока поет и играет на гитаре. Я разрываю зрительный контакт и снова поворачиваюсь к Скотти.

— Я не звезда.

Брови Скотти сходятся.

— Есть куча вещей, которыми вы не являетесь, мисс... Либерти. Но *ты* — звездный материал. Более того, когда ты находишься на сцене, то оживаешь, — он указывает на группу подбородком. — Прямо как они. Скажи, что ты этого не чувствуешь.

— Чувствую, — мои внутренности вздрагивают. — Я люблю это, но...

— Самое худшее, что ты можешь сделать в жизни, — это игнорировать возможности из-за страха.

— Я не боюсь.

Спокойное выражение его лица заставляет звучать это заявление смехотворно. Я съезживаюсь.

— Ладно, немного. Это просто... Я люблю это. Но как же всё остальное? Публичная сторона жизни? Нет, спасибо.

Скотти откидывается назад, опуская лодыжку на второе согнутое колено, как обычно мужчины делают, скрещивая ноги.

— Я боюсь летать, — говорит он мне.

— Ладно...

— Целиком и полностью, — продолжает он, его тело напрягается. — Каждый раз, когда я сажусь в один из этих ящиков смерти под названием самолет, мне хочется блевать.

— Но ты же летаешь всё время.

— Моя работа требует этого, — еще один хмурый взгляд. — Понимаешь, о чем я?

Моя голова кажется тяжелой, когда я киваю.

Возможно, Скотти замечает, что я нахожусь на грани паники, потому что его голос

становится мягче, пока «Килл-Джон» заканчивают играть сэт, а музыка останавливается.

— Киллиан верит в тебя.

Я отказываюсь снова смотреть в сторону Киллиана.

— Он привез тебя сюда, вытянул на сцену, потому что верит, — бормочет Скотти.

И вдруг меня покидает весь воздух.

— Ты должна это знать, — произносит Скотти.

— Да.

Я знала. Но никогда не позволяла себе слишком глубоко задуматься о том, что скрывается за его поддержкой. Это он подтолкнул Скотти сделать мне предложение?

Как будто читая мои мысли, Скотти издает звук в знак протеста.

— Никто в этой группе не делает ничего против собственного желания. Включая меня, — мужчина снова наклоняется, заставляя меня встретиться с ним взглядом. Выражение его лица напряженное, серьезное. — У меня немного интереса в том, чтобы продюсировать певицу, которая того не желает. Ты должна быть на все сто в деле или провалишься.

— Тогда почему ты вообще ко мне подошел? Если знал, что я не хочу быть певицей?

— Есть разница между сомнениями из-за страха и отсутствием желания делать что-то в целом. Мне хотелось узнать, с каким сценарием имею дело.

— И как, узнал?

Скотти бросает на меня взгляд и напряженно улыбается.

— Только ты можешь сказать мне это. Я просто открыл двери и наблюдаю, — он встает в своем свежем идеальном костюме-тройке. — Когда будешь знать ответ... Ты знаешь, где меня найти.

Глава 22

Киллиан

— Куда ты, на хрен, собрался? — вопрос Джакса останавливает меня на месте. Так близко к выходу, но так далеко.

Я поворачиваюсь и пытаюсь сохранить на лице безэмоциональное выражение.

— В кровать. Вздремнуть.

Ага, всё идет именно так, как и ожидалось. Ребята смотрят на меня так, словно я только что сказал, будто хочу, чтобы один из них надел на меня подгузник. Как только они преодолевают свой ужас, на меня начинают сыпаться вопросы.

— В кровать? Надеюсь, там тебя ждет какая-нибудь женщина.

— А лучше три, — добавляет Уип. — Сейчас н четыре часа дня. Ты не ложишься в кровать в четыре, только если это не связано с тремя женщинами.

— Это новое правило? — невозмутимо отвечаю я.

— Должно им стать, — отвечает Рай, отвращение всё еще читается на его лице.

— Серьезно, Киллис? — Джакс качает головой. — Ты теперь старик?

Я не могу рассказать им правду о том, что меня действительно ждет женщина. Или что Либби лучше трех женщин, лучше любого количества женщин. Поэтому я вынужден стоять здесь, выглядя как брюзга и мудак.

— Я просто устал.

Отстой. Отстой. Отстой.

— Ебаный отстой, мужик, — Рай качает головой.

Я держу рот на замке.

— Следующее, что ты скажешь нам, — это то, что у тебя болит голова, — говорит Уип, его нос морщится, словно он почувал нечто гнилое.

— Раз уж ты об этом упомянул, — начинаю я с наигранной улыбкой.

Они все закатывают глаза и стонут. Джакс бросает бутылку воды мне в голову. Я ловлю ее на полпути.

— Прими аспирин и встряхнись, — говорит он, бросая следом небольшую баночку таблеток.

Я ловлю и ее, зажимая в руке. Черт побери. Я застрял. Мы играем ночь напролет. После того, как заканчиваем прогон песен и первоначальный саундчек, Либби спускается по лестнице, заявляя, что ей нужно немного личного времени. Никто из ребят не задает вопросов. А почему бы им это делать? Она имеет право на личное пространство.

У меня же нет такой свободы. Нет, они хотят болтать, пойти в бар и проверить местную сцену — вернее женщин. Обычно я был за то, чтобы провести время с ребятами. Они — мои лучшие друзья, и мы были порознь почти год. Но если отмахнусь от предлагаемых женщин, то парни обязательно выяснят причину. Всё сложно. И не весело.

Как и притворяться, что Либби лишь мой друг. Я не могу прикоснуться к ней так, как хочу, а это происходит практически всё время. Я буквально сижу на своих руках, чтобы держать их подальше от нее. А это делает меня офигенно сварливым.

Что хуже того? Либби бросает на меня взгляды весь день. И они не сексуальные, не те, что кричат "когда же ты окажешься внутри меня снова". Она что-то обдумывает. И то, что она при этом хмурится, совсем не хороший знак.

Скотти разговаривал с ней ранее, готов поспорить, что причина в этом. Но не могу выяснить, сходит она с ума или нет. А мне хочется знать. Сейчас. Когда она сваливает рано вечером, а я не могу сказать "О, эй, я тоже пойду с Либби". Я застрял, убивая время.

Можно было бы впасть в детство и надуться, если бы не тот факт, что ребята тоже зададутся вопросом, в чем дело. К черту.

Когти разочарования впиваются в мое горло, и я выпаливаю то, что, как знаю, их отпугнет, даже если унижит меня в процессе.

— У меня расстройство желудка, ясно?

Три шокированных лица смотрят в ответ.

— А теперь я могу пойти, или вы еще чего-то хотите?

Рай откашливается.

— Чувак, просто иди. То есть позаботься о себе и всё такое.

— Захвати сироп от расстройства или чего-то в этом роде, — услужливо добавляет Уип.

— Ты только что пользовался этой уборной? — спрашивает Джакс, бросая взгляд в сторону ванной. — Хорошо, если ты ее не обгадил...

Я бросаю ему обратно бутылку воды.

— Заткнись на хрен.

Мне никогда не пережить это. Теперь на весь остаток тура я стану сеньором Дерьмовые Штанишки. Но это дает мне свободу.

— Встретимся позже, — говорю им, направляясь к двери.

— Только если ты уже не будешь Другом унитазу.

— Возможно, тебе стоит попросить Жюля заказать коробку подгузников на всякий случай.

Ага. Весь тур.

Я напряжен, раздражен и готов лезть на стену, когда наконец-то захожу в ее комнату.

Либби из спальни бросает мне тихое "привет", когда я закрываю дверь на замок и снимаю обувь. Мои внутренности до сих пор подпрыгивают, но не могу игнорировать тот простой факт, что войти в пространство Либби подобно тому, чтобы встать под струи горячего душа после длительного концерта. Мои мышцы расслабляются. Я могу дышать. Снова чувствую себя собой.

Ее голос доносится из спальни.

— Знаешь, что отстойно?

— Что кабельные каналы решили разделить ТВ сезон на два? — я снимаю рубашку и отбрасываю ее в сторону по дороге. — То есть, ну что за фигня? Не заставляйте нас платить просто потому, что у вас до чертиков медленный график продакшна.

— Не смотри ТВ.

Застывая в дверном проеме, я прижимаю руку к сердцу и имитирую мучительный стон.

— Ну вот, теперь мы не можем быть вместе. И какого хрена ты делаешь?

Либерти стоит на цыпочках на кровати, ее сладкая попка выглядывает из-под края моей футболки, пока она пытается дотянуться до чего-то на потолке.

— То, что не делала бы, будь у меня метла. Я пытаюсь убрать этого мотылька...

Мой визг эффектно перебивает ее. Я хватаюсь за край двери.

— Мотылька? Где чертов мотылек?!

Либби поворачивается, у нее отвисает челюсть.

— Какого черта?

Холодный пот покрывает мою кожу, когда я смотрю на крошечного гребаного дьявола, летающего вокруг лампы над кроватью. Иисус, я не заметил его? Он делает выпад в мою сторону, и я кричу, прыгая дальше.

— Убей его, женщина! Убей. Его!

Либби перестает хохотать, затем снова начинает, когда я падаю на кресло.

— Ты серьезно.

Я не отрываю взгляда от мотылька.

— Ты собираешься его убить или мне вызвать охрану?

Посмеиваясь, она хватается подушку.

Ужас сжимает мои внутренности.

— Не подушкой... — но она уже бросает ее в мотылька. И я содрогаюсь. — Черт побери, я не стану использовать эту подушку. Никогда больше.

— Мы постираем ее.

— Этого недостаточно. Вынеси подушку в коридор.

Либби долго смотрит на меня, хватается ткань и смахивает раздавленного мотылька. Думаю, что именно это она и делает. Не могу наблюдать.

— Его нет?

Теплые бедра Либби скользят по моим, и ее вес опускается на меня. Даже несмотря на то, что я до сих пор ужасаюсь от мотылька, который чуть ранее летал над моей кроватью — на фиг ожидая, чтобы напасть, когда я усну — мои руки тут же находят ее, поглаживая

мягкую кожу и хватая девушку за попку. Боже, я люблю ее попку, округлую и упругую. Могу сжимать ее весь день.

Она издает хриплый стон, ее руки оборачиваются вокруг моей шеи, и жар вспыхивает в моих бедрах. Я притягиваю ее ближе, желая почувствовать верхом на своем члене. Она не сопротивляется, но определенно чем-то отвлечена.

— Так что там с мотыльком? — спрашивает Либс, оставляя нежный поцелуй в уголке моего глаза.

Странно вздрагивать одновременно от удовольствия от ее поцелуя и отвращения к мотыльку. Какой бы приятной не была ее близость, незванный мотылек имеет власть над тем, чтобы воздействовать на меня. Я кривлюсь и сосредотачиваюсь на запахе теплой кожи Либби.

— Я их ненавижу.

Она издает мягкий звук.

— Это я поняла. Почему? — ее пальцы выводят узоры в моих коротких волосах.

— Это глупо, — я целую изгиб ее шеи. — Мне было девять. Летний лагерь. Мотылек влетел мне в ухо, начал разворачиваться... — дрожь во всем теле грозит сбросить Либби с моих коленей, и я крепче ее сжимаю, пряча лицо в ее волосах. — Давай не будем говорить об этом.

Она смеется, ее руки опускаются на мои плечи, затылок.

— Бедный Киллиан. Не волнуйся, теперь ты в безопасности.

Я фыркаю, подталкивая ее своими бедрами.

— Не уверен. Поцелуй меня, и всё станет лучше, Либс.

Я могу почувствовать ее улыбку.

— Где болит, малыш?

— Кончик моего члена.

Либби хмыкает, раскачиваясь верхом на упомянутом члене.

— Хмм... Так мотылек забрался на твой...

Я вскакиваю с криком, отчего Либби, ударяясь, плюхается попкой на пол, тогда как я отпрыгиваю в сторону. Гляжу на нее, пока моя грудь вздымается и опадает.

— Ты чертовски злая. *Злая*.

Я пытаюсь не замечать, что ее футболка собралась вокруг талии, а ноги широко разведены, пока она лежит здесь, хохоча. Либби вытирает глаза.

— Ты так просто повелся.

Нет, я не улыбаюсь. Рыча, словно правда злюсь, я нападаю и тяну ее вверх. Либби визжит, когда перебрасываю ее через плечо и бросаю на кровать, приземляясь верхом до того, как она сможет сбежать. Заблокировав девушку двумя руками, я хмуро гляжу на нее. Она просто улыбается и смеется.

— Ты должна раскаиваться, — говорю ей.

Она отвечает, вытягивая шею и целуя меня в кончик носа.

— Ладно.

Я удобнее устраиваюсь между ее ног.

— Не улыбайся мне так мило, — мои губы касаются ее щеки. — Я сержусь на тебя.

— Угу, — ее руки находят мою шею, пальцы растирают напряженные мышцы. Она снова хихикает.

— Прекрати смеяться, — говорю я. — Смотри, куда тебя это завело.

— Ты знаешь, что можешь рассмешить себя до смерти?

— Что? Черт, не говори мне этого, — я целую изгиб ее шеи, задерживаясь у впадины. —

В конечном итоге я буду жить в страхе, что кто-то из нас умрет от смеха.

Мои руки сжимают ее хрупкую челюсть, и я снова целую Либби, просто чтобы почувствовать ее улыбку. Девушка тает подо мной, открывая губы. Но не я иницирую всё. Это она целует меня так, словно я ее любимое лакомство.

Ее губы изгибаются напротив моих. Еще одна улыбка. Я хотел бы получить все ее улыбки, если бы мог. Вот почему скрываться и дальше не сулит ничего хорошего. Если ребята всё узнают, то поймут.

— Не волнуйся, — произносит она, играя кончиками моих волос. — Я защищу тебя.

— Защитишь меня от смеха? Я не понимаю, как ты можешь, если обычно именно ты заставляешь меня смеяться.

— Всякий раз, когда ты будешь в опасности лопнуть от смеха... — она втягивает в рот мочку моего уха, притягивая ближе к себе, так что ее мягкий голос щекочет мою кожу. — Я упомяну мотылька.

Я взвизгиваю, образ вторжения мотылька в мое ухо и ужас от него вспыхивают во мне. Либби откидывает голову, хохоча. Я смеюсь над собой, лежа верхом на ней, мои пальцы отыскивают ее чувствительные места.

— Ты злой эльф. Жестокий, злой...

Слова растворяются. Я погиб с этой девушкой. Я опускаюсь на нее со вздохом, осторожно, чтобы не придавить, но позволить ей почувствовать мой вес. Мои глаза закрываются, когда обнимаю ее всеми конечностями.

— Я скучал по тебе сегодня.

Мой голос приглушают ее волосы, но она замирает, очевидно услышав меня.

— Я была рядом с тобой, — говорит Либби тихо. — Почему ты скучал?

Моя спина напрягается, и я вспоминаю ее сегодняшнюю отстраненность, холодность и замкнутость.

— Казалось, что ты была в другом месте.

Она тоже напрягается, ее тело извивается. Я не отпускаю ее. Она убежит, а я это ненавижу.

— Киллиан, дай мне вдохнуть.

— Дыхание переоценивают, — бормочу я, но скатываюсь с нее.

Либби садится и забрасывает ноги на край кровати, поворачиваясь ко мне спиной. К черту. Я не позволю ей скрываться. Отталкиваю от пола и сажусь рядом.

— Скотти разговаривал со мной сегодня, — говорит она, глядя на пол.

— Я видел.

Я ждал, что она расскажет мне. Хоть как-то. Вместо этого получил лишь молчание.

Раздраженный звук вырывается из ее горла.

— Мог бы предупредить меня.

— Ага, мог, — я провожу рукой по затылку. — Но не хотел.

Она поворачивается ко мне так быстро, что ее волосы рассыпаются по плечу.

— Ты, на хрен, издеваешься?

Я фыркаю, удерживая ее взгляд.

— Чтобы ты смогла сбежать? Говорить себе всякую хрень еще до того, как даже услышишь, что он скажет? Нет, Либс, я не издеваюсь.

— Ты не знаешь, что...

— Да. Я знаю тебя. Хочешь ты это признавать или нет, — наклоняюсь ближе. — Я. Знаю. Тебя.

Я слышу, как скрипят ее зубы.

— Если знаешь меня так хорошо, — выплевывает она, — то должен быть в курсе, что я не хочу и не нуждаюсь в том, чтобы ты организовывал мою жизнь у меня за спиной.

— И если ты знаешь меня хоть немного, то никогда бы не стала обвинять в подобном, — я вскакиваю на ноги и начинаю метаться из стороны в сторону, мое лицо становится горячим. — Дерьмо. Я имею в виду, разве ты правда думаешь, что я бы это сделал?

Она скрещивает руки на груди.

— Ты только что признался, что разговаривал с ним!

— Разговаривал, Либс. И всё, — Иисусе. Я сжимаю ладонями затылок. — Он спросил мое мнение. Я ответил. Не переворачивай это в какой-то дикий заговор.

Либби встает, ее кулаки прижаты к бокам.

— Ты говоришь мне, что не привозил меня сюда, размышляя об этом варианте, как о возможном? Что ни на секунду не думал, будто Скотти попытается уговорить меня на что-то?

— Думаешь, я стану отрицать, что в ту секунду, как сыграл с тобой, знал, что ты будешь великолепа на сцене? Нет, — я невесело смеюсь. — И тебе не стоит.

Она шумно выдыхает.

— Я не звезда.

Что-то во мне смягчается, и я делаю шаг ближе.

— Ты уже на полпути. Просто пока не понимаешь этого.

Паника вспыхивает в ее глазах, и Либс отступает, ее губы приоткрываются, словно пытаюсь втянуть воздух.

— Я хочу этого.

Сумасшествие? Я тот, кто горит изнутри. Ее успех стал моим.

— Детка, у тебя есть это.

Но она качает головой, словно я не понимаю.

— Несколько месяцев назад я жила у моря. Единственные люди, с которыми я говорила, это миссис Нилвуд и Джордж с заправки.

— И тебе это нравилось?

— Я ненавидела это, — шипит она, ее глаза стекленеют. — Ты вытащил меня. Я никогда не мечтала о такой жизни. Но вот она. И теперь... — сильный румянец пятнами покрывает ее щеки. Боже, у моей девочки есть не дюжая храбрость. Но ее вера в себя сильно пострадала. Либби убирает назад локон волос и поднимает подбородок так, словно готовится к удару. — Ты согласен со Скотти, будто мне следует сделать то, что выведет меня из игры.

Смысл ее слов ударяет меня, как кирпич по голове. Мое сердце сжимается в груди. Она так чертовски ошибается. Как Либби может быть настолько проницательной на мой счет и так ошибаться на свой? Я сокращаю расстояние между нами и притягиваю ее в свои объятия. Она сопротивляется, пытаюсь вырваться, когда я шепчу "шшш" себе под нос и растираю ее руки.

— Никто не хочет вывести тебя из игры, куколка. Мы хотим выпустить тебя на свободу.

Ее спина застывает.

— Свободу? Прости, но это просто семантика, Киллиан.

— Нет, — говорю я напротив ее щеки, всё еще удерживая девушку рядом. — Хочешь услышать правду? Когда Скотти сказал мне, что собирается предложить тебе раскрутку, часть меня возненавидела эту идею, — мои пальцы сжимают ее шелковистые волосы. — Большая часть меня. Потому что я хочу, чтобы ты была рядом. Со мной. Всегда.

Она втягивает воздух, словно собирается ответить, вероятно, протестовать. Так что я целую ее нежно и легко, а затем страстно и немного отчаянно. Мы оба задыхаемся, когда я отстраняюсь. Моя грудь болит, и когда я прижимаю свой лоб к ее, вдруг чувствую, что устал, и закрываю глаза.

— Но это эгоистично, Либби. И я не могу поступить так с тобой. Никогда. Потому что ты заслуживаешь этот шанс, даже если он заберет тебя у меня на какое-то время. Так что я сказал ему поговорить с тобой.

— Киллиан, — она вздыхает и проводит руками по моей груди так, словно успокаивает себя, а не меня. — Не у каждого есть твоя вера. Некоторые из нас едва понимают, куда идут.

Мои губы прижимаются ко лбу девушки, и я вдыхаю ее запах до того, как ответить.

— Детка, если я что-то и знаю о возможностях, так это то, что ты должен их использовать. Страх лишь утягивает тебя назад. Ты можешь получить весь мир. Просто дотянись.

— Мне не нужен весь мир, — шепчет она.

— А что тебе нужно? — спрашиваю нежно.

Ее руки скользят по моей шее, а губы целуют подбородок.

— Ты.

Клянусь, мои колени подкашиваются. Я с трудом стою на ногах, втягивая воздух. Обнимаю ее крепче, не желая отпускать даже для того, чтобы поцеловать в губы. Пока что нет.

— Черт, Либби, — я прижимаю ее ближе. — Нам нужно прекратить скрываться. Я, пиздец как, ненавижу это.

Чувствую ее напряжение и накрываю ладонью щеку Либби. Ее глаза округляются, в них появляется паника. Это расстраивает меня и вызывает желание обнять ее, защитить от всего мира. Вот только я — источник ее боли. И это как удар в живот. От этого мой голос становится неистовым.

— Ты хочешь меня, но при этом желаешь, чтобы мы скрывались?

— Когда ты представляешь всё в таком свете, это звучит как-то мелко.

— Ну, прости, что озвучиваю факты, — Раздражение карабкается по моему позвоночнику.

Она вздрагивает, ее пальцы скользят по моей талии. Либс удерживает меня на месте.

— Слова просты, Киллиан. Настоящая жизнь более запутана.

— Чувь собачья. Почему ты противишься? Знаешь, что? Это ранит.

— Джакс только начал меня уважать.

— Джакс может пойти и трахнуть себя в зад, — кричу я, затем вздыхаю. — Куколка, у тебя есть его уважение. И оно не исчезнет из-за того, что мы вместе.

— Ты уверен? — она не кажется хотя бы отчасти уверенной.

Я открываю рот, чтобы ответить, но слова застревают в горле. Потому что какого хрена мне теперь известно о Джаксе? Глаза Либби прищуриваются.

— Ты даже не можешь этого отрицать, — указывает она на очевидное.

— Послушай, возможно, я не знаю, как именно онотреагирует.

— А репортер, спрашивавший у меня, не трахаюсь ли я с тобой?

— Что? — злость лижет мою шею. — Кто, черт возьми, у тебя об этом спрашивал?

— Репортерша из Чикаго. Она спросила меня в лоб, трахалась ли я с тобой. Ее мучил вопрос, почему я, будучи "никем", поехала в тур с вами.

— Ладно, как зовут эту цыпу? Я не потерплю подобное дерьмо, — на самом деле, я пересмотрю вопрос посещения долбанными репортерами наших афтерпати. Не то чтобы это заставит их прекратить преследование Либби.

— Не в этом дело, — говорит она устало.

— Конечно, в этом...

— Нет, Киллиан. Не в этом. Это не поможет, если они все так считают. Уволь ты их или обругай, это лишь сильнее разнесет молву.

— Дерьмо, — я расхаживаю перед ней, сжимая затылок. — Это куча херни. Любой, кто тебя слышал, знает, что ты талантлива. Скотти не хотел бы заполучить тебя в роли своего клиента, если бы это было не так. Поверь мне в этом вопросе.

— Верю, — Либби подходит ко мне с широко открытыми, полными боли глазами. Ее ладонь ложится на мою грудь за секунду до того, как девушка обнимает меня за талию, и так как я не могу не прикасаться к ней в ответ, тоже обнимаю крепче. Она прячет нос в изгибе моей шеи и вздыхает. — Знаешь, я ненавижу это. Ты думаешь, что для меня просто скрывать то, как я себя чувствую? — она смеется, но это несчастливый звук. — Боже, это худший вид пытки. Даже хуже, чем когда мы впервые встретились, и я пыталась держаться прохладно и не запрыгнуть верхом на твое сексуальное тело.

Мои глаза снова закрываются, и я опускаю щеку на ее макушку.

— Прямо так?

— Ммм-хммм... Потому что теперь я знаю, что теряю, — ее пальцы проникают под мою рубашку и гладят кожу. — Ты — лучшая часть моего дня, Киллиан.

Мое горло резко сжимается, и я притягиваю ее ближе.

Тонкие пальцы двигаются по моей спине.

— Ничего не сделает меня счастливее, чем возможность заявлять на тебя свои права при других людях. Но эта радость станет бременем, если, в свою очередь, мы должны будем иметь дело с уродливыми домыслами.

Я думаю о том, какотреагировал бы, если бы услышал, как репортер задавала эти вопросы Либби. Я бы слетел с катушек. Знаю. И это понимание падает камнем в мой живот. В прошлом остались дни дикого, не поддающегося контролю рокера. Ты служишь сцене и должен платить цену. Юристы звукозаписывающей компании дышат тебе в затылок по поводу любого нарушения положений контракта и пунктов о поведении, пресса пересматривает твои действия в замедленной съемке снова и снова. Это не здорово.

Одним из самых худших последствий попытки суицида Джакса был ролик, в котором его увозит скорая помощь, потому что его крутили бесконечное количество раз, наряду с самодовольными репортерами, обсуждающими, почему же он это сделал, и предполагающими, сможет ли он когда-нибудь восстановить свою карьеру. Случилось ли это по вине группы, или он просто пытался привлечь к себе внимание?

Уход от этой жизни был единственным выходом для нас, чтобы сохранить здравомыслие и достоинство.

Я напряженно вдыхаю и медленно выдыхаю.

— Ладно, мы пока что не будем об этом публично заявлять. Но ребята? Они могут хранить секреты. Черт, мы научились быть одной командой. Никто не узнает, пока мы этого не позволим. И я устал скрывать это от своих друзей. Устал лгать. И это меня точно не восхищает.

Она отпускает меня и проводит руками по своим волосам.

— Знаю. Но ребята не будут смотреть на меня также.

— Не соглашусь. Но, черт, их мнение не должно иметь значения.

Она фыркает, ее губы кривятся.

— Нет, не должно. Но имеет. И я пока что не сталкивалась ни с одним человеком, которого бы действительно не волновало мнение других людей, работающих с ним.

— Меня не волнует.

— Еще как волнует, — она кладет руку мне на грудь. — У тебя здесь больше доверия, чем у любого другого, но ты всё равно хочешь, чтобы друзья были о тебе хорошего мнения. Ты хочешь этого для меня. В противном случае, не сделал бы всё это, дабы упростить мое вливание в команду.

Давление сжимает мои ребра, и я фыркаю.

— Ладно, хорошо. Я хочу, чтобы ты им нравилась. Хочу, чтобы мы двигались вперед. Но...

— Прямо сейчас есть только мы в нашем личном маленьком пузыре. Но всё изменится, когда мы им расскажем, в лучшую или худшую сторону. Если бы мы могли просто подождать... — она прикусывает губу. — Пожалуйста, Киллиан? Прошу. Просто немного дольше?

Моя грудь еще сильнее сжимается. Конечно, у нее есть своя точка зрения, но когда она изменится? И если Либби не хочет этого сейчас, то захочет ли вообще? Я напряженно сглатываю ком в горле.

— Ненавижу это. Весь день я хотел к тебе прикоснуться. Это не связано с сексом, Либ. Я вынужден бороться с импульсом взять тебя за чертову руку. Это убивает меня.

Ее рот кривится, но это лишь подливает масла в мой гнев.

— Я не могу так и дальше, — слова повисают в воздухе, звуча жестче, чем я предполагал.

— Как так? — спрашивает она, ее лицо бледнеет.

Я смотрю на нее, осознавая, что мог бы поставить ультиматум. Мог бы заставить решать. Я не привык чувствовать себя беспомощным или ощущать боль. Черт. Делаю вдох сквозь ноющее чувство в ребрах.

— На тебя сегодня многое свалилось. Я схожу в душ, — я отворачиваюсь от нее и направляюсь в ванную. — Разберись со своим дерьмом, Либби. Я буду рядом, когда ты справишься.

Либби

Я ранила его. Я знаю это. Знала, когда просила Киллиана молчать о наших отношениях и когда попросила продолжить их скрывать. Мне ненавистно ранить его. Но я вижу то, что он не может или отказывается признавать. Мир не черно-белый. И с группой не всё в порядке. Прямо сейчас они восстанавливаются после падения. Любовь между ними

очевидна. Они братья. Но Джек довел ситуацию до того, что они всё еще оправляются от удара. И сама идея о том, чтобы внести еще больше драмы, вызывает у меня крайне хреновое ощущение.

Спервая хотела скрывать наши отношения с Киллианом из-за гордости. Но теперь есть нечто большее. Я забочусь об этих ребятах: как по-отдельности, так и о группе в целом. Не хочу становиться между ними, когда они, очевидно, по-прежнему ранимы.

Я говорю себе всё это. Но это не помогает, когда мы забираемся в лимузин и отправляемся в ночь. Ребята хотят расслабиться, выпустить пар, пройтись по клубам. Мне следовало остаться в гостинице, но когда Уип пригласил меня, взгляд на лице Киллиана — будто он ожидает, что я стану держаться подальше от него — тоже ранил.

Так что я здесь, зажата между Уипом и Райем, которые обмениваются шутками, в основном о Киллиане и его предполагаемом расстройстве желудка. Если сложить два и два, то, кажется, Киллиан использовал этот повод, чтобы уйти ко мне, жертвуя при этом своей гордостью. Я чувствую себя еще хуже.

Не потому, что Киллиан кажется обеспокоенным их поддразниваниями. Он сидит напротив, его длинное тело развалилось на сидении, бедра разведены так, словно он намерен занять максимальное количество места. Пока мы едем, огни города скользят за окном, освещая темный салон, попадая на его лицо, а затем отбрасывая тень.

Он говорит не много, только смотрит в окно и фыркает в ответ на шутки. Но затем, словно чувствуя мой взгляд, переводит свой взор на меня. Наши взгляды сталкиваются, и словно кто-то рывком вырывает коврик у меня из-под ног. Мои внутренности ухают вниз, жар покалывает кожу. И вдобавок меня накрывает волна эмоций, сжимая сердце и надавливая на горло.

Всегда так. Он смотрит на меня, и я падаю. У меня появляется ужасное ощущение, что так будет всю мою жизнь. Киллиан Джеймс пробуждает меня, делает меня целостной.

Я хочу сказать ему это, взять за руку, просить никогда не отпускать меня. Но он отводит взгляд, наклоняясь в сторону, и что-то говорит Джексу. Я не могу услышать что — мое сердце громко стучит в ушах.

Машина останавливается, двери открываются. Я выбираюсь на улицу и следую за потоком ребят в клуб. Мы направляемся к ВИП-зоне наверху массивной круговой лестницы. Люди наблюдают, пока мы проходим мимо.

Взгляды царапают мою кожу. Несколько лет ребята жили вот так. Не знаю, как им это удавалось. Возможно, они любят внимание. Они все улыбаются, дают "пять" знакомым, останавливаясь, чтобы послушать, что им прошепчут на ухо.

Киллиан прямо передо мной, идет с Джексом. Их практически моментально окружают женщины, так что вскоре мне видны только макушки ребят. Я сжимаю челюсть и просто следую. Это часть жизни Киллиана. И я ничего не могу на это сказать, потому что для всего мира Либби — лишь друг Киллиана. Это не беспокоило меня до сих пор. Казалось, это просто секрет между нами двумя. Женщины могут виться вокруг него, но они никогда не отправятся с ним домой.

Однако теперь это ранит. Потому что вдруг кажется, будто я мельком вижу будущее, где меня нет. Я даже не могу понять, почему чувствую себя так. Только что Киллиан и я двигались вперед полным ходом, а теперь малейший удар может сбить нас с курса. Или, возможно, всё потому, что я знаю, что не нужна ему так, как он нужен мне. Зачем я ему? У него есть весь мир. А я вне этой системы, когда дело касается настоящей жизни.

— Мне нужно выпить коктейль жалости, — говорю на ухо Бренне, когда она подходит ко мне.

Ее золотые тени сверкают на веках сверкают.

— Супер крепкий?

— И фруктовый, — добавляю я. — Коктейли жалости всегда должны быть фруктовыми.

Она хватает меня за локоть и ведет к тихой кабинке в углу комнаты перед тем, как уходит за нашими напитками. Иногда группа просит маленькую комнату только для них. Но сегодня не одна из таких ночей. Люди бродят туда-сюда — в основном сюда — словно скот через ворота. Музыка здесь не слишком громкая, но этого достаточно, чтобы было довольно неудобно болтать. Уип уже стоит у одного из столиков, танцуя с брюнеткой в крошечном серебристом платье.

Я жалею, что тоже не надела маленькое платьице. В море крошечных платьев я кажусь консервативной в своих черных узких джинсах, ботинках на каблучке и зеленой шелковой кофточке. Мне удобно, но я не чувствую себя сексуальной. А бывают моменты, когда девушка нуждается в сексуальности. Это то, чего тебе никто никогда не скажет. Сексуальность может быть не только оружием, но и линией обороны.

Кабинка, в которой я сижу, вздрагивает, когда Рай плюхается рядом. Он кладет руку вдоль спинки у меня за плечами и наклоняется вперед.

— Что стряслось, бекончик?

Мои губы нехотя растягиваются в улыбке.

— Ничего, котлетка.

Он делает глоток того, что, предполагаю, является джин-тоником — потому что, конечно, его уже обслужили. Вероятно, ему назначили личную официантку.

— Выглядишь так, словно проглотила козла.

— Козла? — я смеюсь. — И как же, блин, это выглядит?

— Слегка болезненно и удушающе.

— Ты правда знаешь, как заставить девушку почувствовать себя лучше, Рай.

Он сжимает кончик языка между зубов в непристойном жесте, но затем выражение его лица смягчается.

— Я серьезно, Лютик. Ты в порядке?

— Лютик?

— Ага, ты немного похожа на Принцессу Лютиков.

— Это так же далеко от истины, как и то, что ты похож на Dread Pirate Roberts.

— Мне бы очень пошла маска. Но это было бы до чертиков странно, — он делает еще один глоток, и его взгляд возвращается ко мне. — Так что происходит? Кто-то задел тебя?

— Что? Нет. Ничего такого.

— Уверена? Потому что эти массивные бицепсы на моих руках не только для показухи. Я с радостью отомщу за тебя.

— Ты милый. Но, правда, ничего такого. Просто это не моя сцена.

— Это ничья сцена. Ты должна завладеть ею, сделать своей.

— Ну, я не заинтересована.

Бросаю взгляд через комнату и нахожу знакомый силуэт Киллиана. За его руки цепляются две женщины, хотя он, кажется, не замечает их, разговаривая с Дженном, одним из наших звуковиков. Очевидно блондинке слева не нравится, что ее игнорируют, и она начинает гладить его по груди. Моя собственная грудь напрягается, и я отвожу взгляд.

— Вот здесь, — Рай указывает на мое лицо. — Взгляд козла.

— Ох, ты прекратишь упоминать этого козла? У меня вот-вот появится комплекс, — мой смех кажется искусственным. — Я в норме.

— Вот и я, — объявляет Бренна, ставя два бокала для мартини, полных зеленой жидкости с лаймом. — Один сверх крепкий фруктовый коктейль жалости.

Рай бросает на меня взгляд.

— Так что ты там говоришь?

— А что она говорит? — спрашивает Бренна, садясь и отпивая со своего бокала.

В этот момент, о чудо, она включает Райя в разговор, поэтому, даже несмотря на мое нежелание болтать об этом, я отвечаю.

— У меня не такой вид, будто я проглотила козла.

Одна тонкая бровь выгибается.

— Конечно, нет, дорогая. Скорее похоже на то, что ты съела лимон.

Я закатываю глаза и хватаю свой напиток. Он терпкий, сладкий и слегка обжигает горло. Идеально.

— Она не в настроении, — говорит Рай. Без предупреждения обнимает меня мускулистой рукой и притягивает к себе, вынуждая разлить напиток по всему столу. — Давай же, Лютик, расскажи мне, кто заставляет хмуриться твое личико, и я проткну их своим мечом.

Слабый смешок срывается с моих уст, и я опускаю голову ему на плечо. Я — единственный ребенок в семье, но знаю, что у Райя есть отличный старший брат.

Это почти странно, но я чувствую, как к нам приближается Киллиан. В одну секунду я усмехаюсь, ощущая кусочек душевности и заботы. А в следующую — мое тело напрягается, сердце ускоряет свой ритм. Знаю, это из-за него, и без удивления поднимаю взгляд и вижу, что он стоит прямо перед нашим столиком.

Блондинка всё еще висит на его руке. Женщина не делает ничего превратного, но я уже ненавижу ее.

Всё внутри меня падает вниз. Я чувствую себя так, словно проглотила козла.

Его взгляд мимолетно касается меня, а затем обращается к Райю. Губы напряженно сжимаются, когда он наклоняется вперед, чтобы его услышали.

— Эй, мужик, Дженни здесь и хочет с тобой встретиться.

Рай мгновенно отстраняется от меня и делает знак для Дженни, предлагая присесть с другой от него стороны.

— Пожалуйста. Повстречай меня, обожай меня, купи мне выпить. Меня устроит всё это.

Едва завуалированный рвотный позыв слышится со стороны Бренны. Рай игнорирует это и притягивает Дженни к себе на колени.

Пока она хихикает и прижимается к небу ближе, Киллиан снова бросает взгляд на меня. Его глаза напряжены, и мне хочется засмеяться. Он действительно считает, что я заигрывала с Райем? Его дергающаяся челюсть говорит мне, что да. Я смотрю в ответ, раздражение разливается по поверхности моей кожи.

— Я хотел спросить, вам двоим ничего не нужно? — говорит он, перекрикивая музыку. — Но, кажется, вы уже обо всем позаботились.

Мне хотелось бы сказать, куда он может засунуть свой ехидный тон. Но тут вмешивается Бренна.

— Посиди с нами, — ее голос звучит почти отчаянно, а тело замирает, тогда как взгляд

решительно направлен куда угодно, *кроме* Райя и его новой подружки.

Киллиан не смотрит на меня, когда качает головой.

— Джек достает меня своими идеями о том, что я *отшельник*, — он бросает это слово в мою сторону, словно удар хлыста. — Скрываться по кабинкам не поможет.

Мудак. Я не отшельник. Не с тех пор, как он притащил меня в эту жизнь и заставил увидеть то, что я упускала. И я не скрываюсь. Ладно, прямо сейчас у меня есть желание забраться в скорлупу. Но я выросла из нее. И к тому же, была бы там несчастна.

Ком встает в горле, и одиночество накатывает на меня волной. Но затем Киллиан поворачивается ко мне, немного наклоняясь. Даже в прохладном затхлом воздухе клуба я ловлю его пряный теплый запах. Его глаза цвета кофе смягчаются.

— Ты в порядке?

Ком в горле нарастает. Он дает мне то, что я просила. Анонимность. Если я не хочу разглашать наши отношения, вот так всё и должно быть. Но он всё еще мой. Я вижу это сейчас по тому, как в его глазах вдруг отражается боль.

— Я в порядке, — квакаю в ответ.

Он смотрит на меня еще с секунду, затем кивает.

— Увидимся.

Как только он уходит, я разваливаюсь на сидении.

— Проблемы в раю? — бормочет Бренна мне на ухо.

Я выпиваю остаток коктейля перед тем, как ответить.

— Ему не нравится скрываться.

Меня не волнует близость Райя. Он уже сует свой язык в горло Дженни, и они медленно передвигаются правее.

Бренна игнорирует их, выражение ее лица разглаживается, и я знаю, чего ей это стоит. Она отпивает свой коктейль.

— Мой двоюродный брат — удивительное откровение.

— Думаешь, я идиотка? — мне нужен еще один коктейль.

— Боже, нет, — она наклоняется к моему плечу в знак поддержки. — Ты защищаешь себя от этого дерьма. Но это не значит, что ему такое нравится.

— Я думала, что защищаю себя, — говорю ей, страдания наводняют меня быстрее, чем алкоголь успевает заглушить их. — Но оглядываясь назад, думая о том, как отвечала, когда репортер задала мне те вопросы, я считаю, что скорее пошлю весь мир к чертям собачьим, чем пойду на попятную.

Бренна знает о моей стычке с мисс Зельдой Смит.

— Ну, Зельда, кажется, не имеет проблем относительно секса с членами группы, так что не ей тыкать на соринку в чужом глазу.

— Честно говоря, я не хочу обнародовать свою личную жизнь. Никогда. Но дело больше не в приватности.

— Их и не нужно обнародовать. Знаменитости скрывают свои отношения всё время. Ладно... — она одаривает меня извиняющейся улыбкой. — Так долго, как могут.

Знаменитости. Мне хочется засмеяться. Я не знаменитость. Но Киллиан — да. И его жизнь только вернулась в фокус.

— Если бы всё было только между ним и мной? Я, возможно, не возражала бы. Но ребята только что заново воссоединились. Очевидно, Джек не желал, чтобы я присоединялась к ним.

— Ты защищаешь их, — Бренна кажется искренне удивленной.

— Это так неправильно?

Недовольство искажает ее лицо, и она обращает внимание на ту часть комнаты, где сейчас смеются ребята. Ну, за исключением Райя, который издает настолько развратные звуки, что я даже не хочу смотреть.

Выражение лица Бренны смягчается, когда она видит, как Киллиан и Уип странно ударяют друг друга кулаками, словно демонстрируя танцевальные движения куче мечтательных женщин.

— Ты бы видела их до того, как Джакс... Они были словно кучка щенков, — девушка смеется, поднимая бокал. — Мы все были, вообще-то. Даже Скотти. Бесконечная дикая дорожка череды вечеринок, концертов и снова вечеринок.

Меня наполняет пустота. Я не могу быть этой девушкой. Не хочу быть ей.

Бренна смотрит на меня.

— Хотя всё это было херней. Ничего настоящего. Когда Джакс попытался... Он сломал нас всех.

— Килиан сказал... что это встряхнуло их.

— Он прав. Это выдернуло нас из детства, — Бренна качает головой, сжимая красные губы. — Это не плохо, Либби. Так жить не здорово. Эти мальчики — у них не было ничего, что помогло бы им вырасти. Ничего, что значило бы хоть что-то.

Музыка меняется на песню “Right Now” Mary J. Blige, и женщина тянет Киллиана на танцпол. Он позволяет ей. Нет, он не делает ничего непристойного. Просто танцует. Но это не меняет того факта, что другая женщина трогает его, раскачивается и трется в такт ритму.

Бренна тихо произносит мне на ухо:

— Жизнь движется вперед, Либби. Попытка остановить или перемотать ее — пустая трата энергии.

Вид танцующего Киллиана режет мое сердце. Не могу дышать. Я никогда не была ревнивой. Смело могу сказать, что это худшее чувство на земле. И теперь оно извивается внутри меня, пока я не хочу броситься вперед, чтобы просто избавиться от него.

Всё, что я сказала ему, всё, что он сказал мне, то, что мы сделали — всё это кружится у меня в голове. Я думаю о дне, когда впервые увидела Килла, развалившегося на моей лужайке. Если бы я взяла телефон и вызвала полицию вместо этого, чтобы с ним случилось? Прямо сейчас я была бы в блаженном неведении. Надежно укрыта от всего мира. От жизни. Жизнь без Киллиана.

Когда рука женщины сжимает зад Киллиана, я встаю, ударяя по столу. Напитки проливаются, стол вздрагивает.

— Прости, — бормочу Бренне, которая отодвигается с моего пути.

Мой выход из-за стола далеко не изящный, скорее в духе движений бульдозера, который сносит всё на своем пути. Голова Киллиана резко дергается, его глаза находят мои. Взволнованное выражение искажает его лицо.

Я могу лишь смотреть в ответ, вбирая его образ.

Его темные волосы, так коротко стриженные, выделяющийся резкий изгиб его скул, косые линии бровей и мягкие линии губ. Он красивый мужчина. Одетый в черную рубашку и черные брюки, он абсолютно не похож на того человека, которого я нашла пьяным на газоне. Здесь он — привлекательный миллионер, беззаботный клевый рокер, неприкасаемый идол, кусочек которого хочется получить каждому.

Люди окружают его, образуя стену из плоти между нами. Я игнорирую это. Это не настоящее.

Его хмурость нарастает, когда я подхожу, уверенно шагая. Сердце колотится внутри так сильно. Я не знаю, что он видит на моем лице, но его спокойное выражение лица трескается. Темные глаза отражают целеустремленность, а тело становится выше. Он высвобождается от рук женщин и движется, так грациозно и властно.

Глубоко внутри я начинаю дрожать. Я могу справиться с желанием. Но эмоции на его лице, словно он знает — *он знает* — что я разваливаюсь на части, и он тоже, заставляют навернуться на глаза слезы. Я дважды моргаю и иду к нему, продвигаясь между толпой людей.

Он встречает меня на пол пути, останавливая и блокируя своим телом от окружающих. Опуская взгляд, Киллиан смотрит на мое лицо.

— Элли Мэй?

Я откидываю голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Газонный бродяга.

Вытягиваю руку и прижимаю ладонь к его щеке, ощущая щетину, и притягиваю парня ближе. Наши губы встречаются — его с вопросом, мои с требованием. И затем он издает низкий звук, словно вздох, но резче, с чувством потребности. Его руки оборачиваются вокруг меня, притягивая к себе, когда Киллиан наклоняет голову и углубляет наш поцелуй, забирая силу из моих коленок. Но при этом он держит меня крепко, не давая упасть.

Здесь, на танцполе, мы целуемся, и это грязно, запутанно и наполнено молчаливым признанием: "*Прости меня. Знаю. Ты нужен мне. Ты нужен мне так сильно*".

Когда мы наконец-то отстраняемся, его губы изгибаются в полуулыбке, а пальцы переплетаются с моими.

— Значит, всё в порядке.

Я снова касаюсь его щеки.

— Я обожаю тебя, Киллиан Джеймс. Чтобы ни случилось, я не хочу больше скрывать тебя, словно что-то постыдное. Все должны это знать.

Его улыбка становится шире, и он прижимает свой лоб к моему.

— Уверен, что теперь все в курсе.

Я прижимаюсь к нему.

— Хорошо. Тогда я не должна делать заявление.

Полусмешок покидает его. Ладонь Киллиана опускается на мою шею и слегка сжимает. Я закрываю глаза.

— Время идти, — шепчет он. — До того, как я трахну тебя прямо здесь.

Я не могу прекратить усмехаться.

— Перенеси вещи в мою комнату. Или я перееду в твою.

— Куколка, — он снова меня целует, на этот раз нежно, а затем прижимается щекой к моей. — Конечно, ты знаешь. Это так больно.

— Вы уже закончили? — раздраженный тон Джакса выключает наше сияние в одну секунду.

Киллиан выпрямляется во весь рост и разворачивается. Отвращение во взгляде Джакса на самом деле больно видеть. Не уверена, что он мне когда-то нравился, но он — лучший друг Киллиана и важен для него.

— Ага, — говорит Киллиан тихо, но ледяным голосом. — Мы закончили.

Джакс фыркает.

— На хрен, я знал это. Думаешь своим членом.

Я вздрагиваю, и Киллиан крепко сжимает мою руку, притягивая ближе к своему боку.

Комната движется, и я осознаю, что Бренна и Скотти выпроваживают народ. Вышибали проделывают отличную работу, помогая им очистить помещение в считанные секунды.

— Джакс, мужик, — говорит Киллиан. — Не стоит.

— Почему нет? Мы все так считаем.

Уип приближается к нам.

— Мы не *все* так считаем.

— Это определенно не то, что я думаю, — добавляет Рай. — В конце концов, всё к этому шло, — он одаряет меня счастливой улыбкой. — Больше никаких проглоченных козлов.

— Нет, — говорю я, едва улыбаясь в ответ.

Остальные ребята явно смущены этим диалогом.

Но Джакс фыркает.

— И тем не менее, как вы знаете, это именно то, что думаю я.

— Почему бы тебе не выложить всё лично мне? — спрашивает Киллиан.

В его голосе слышатся шелковистые темные нотки, которых я раньше не слышала. Это определенно предупреждение.

Джакс либо не замечает их, либо ему плевать.

— Если ты хотел, чтобы твоя телочка поехала в тур, стоило просто сказать. Тебе бы не пришлось вытягивать ее на сцену и устраивать неразбериху в группе.

Киллиан втягивает воздух и медленно выдыхает его.

— Я не стану бить тебя, — произносит он наконец-то. — Ты заслуживаешь этого. Но я не стану. Заруби на носу. Это последний раз, когда ты проявляешь неуважение к Либби. Понимаешь меня?

Джакс бросает на меня взгляд, и на секунду я вижу сожаление, а затем оно исчезает.

— Ты не уважал себя, — говорит он, — скрываясь и делая вид, что всё дело в шоу.

— Ты прав, — говорю я до того, как Киллиан сможет ответить. — Вот почему я больше не скрываюсь.

— Но ты всё еще будешь делать вид, словно принадлежишь этому месту?

Ладно, это ранит.

Киллиан рычит, делая шаг навстречу Джаксу.

— В чем, на хрен, твоя проблема?

— Моя проблема? Ты, блядь, лгал. Всем нам.

— Чувак, — говорит Рай, качая головой на Джакса. — Было очевидно, что они вместе.

— Серьезно. Вытяни голову из жопы, мужик, — добавляет Уип, бросая Киллиану нахальную улыбку. — В тот момент, когда Килл стал растекаться воском по бумаге насчет красоты ее голоса, я знал, что он запал на нее. И они не очень-то хорошо скрывали эти мечтательные взгляды друг на друга.

Киллиан прищуривает глаза.

— Ты знал и собирался пригласить ее на свидание?

— Нет, я просто ебал тебе мозг, большой К. Видел бы ты свое лицо. Я думал, ты что-то разобьешь, — Уип смеется.

— Я был на грани того, чтобы разбить *твое* лицо, — бормочет Киллиан, но не выглядит

по-настоящему злым. Как и Уип. Он возвращает внимание к Джаксу. — Ты обычно выше этого.

— А ты обычно откровенен со мной.

Брови Киллиана приподнимаются.

— И ты обвиняешь меня в лицемерии?

Уголок рта Джакса белеет.

— Мило.

— Джакс, — начинает Уип, но Джакс бросает на него угрюмый взгляд.

— Нам не нужно всей этой херни прямо сейчас, — говорит Джакс, и затем он уходит, не произнеся больше ни слова.

Глава 23

Киллиан

— Либс? — мой голос едва громче шепота во тьме отельного номера.

Ее в ответ тоже мягко.

— Да?

— Когда я сказал тебе, что у меня никогда не было девушки, то сделал это не для того, чтобы заработать дополнительные очки. А чтобы предупредить.

Простыни шуршат, когда она приподнимается на локте. Мягкие пряди ее волос скользят по плечу, шелковистые кончики щекочут мою руку.

— Предупредить?

Я перекатываюсь на бок и убираю локон ее волос.

— О том, что я не представляю, что делаю. И что, вероятно, натворю глупостей.

— Киллиан, о чем ты, блин, говоришь? — она кажется не раздраженной, а скорее веселой.

Мои глаза привыкают к темноте достаточно, чтобы разглядеть черты Либби. Обнаженная и со спутанными волосами после нескольких часов секса, она настолько красива, что мне требуется время, чтобы сконцентрироваться. Но ее брови немного приподнимаются, будто подталкивая меня продолжать.

— Прости, — говорю ей.

— Прости? За что? — она качает головой. — Это мне стоит извиняться. Я ранила тебя. И это ранило меня тоже.

Уверен, если поцелую ее сейчас, то не остановлюсь. Так что слегка тяну ее за волосы в знак подтверждения.

— То же самое, куколка, — вздох слетает с губ до того, как я могу сдержать его. — Ты была права. Я надавил слишком сильно, желая получить то, что, как верил, будет к лучшему, и не думал, как всё обернется. Сегодня было дерьмовое шоу. Как ты и предсказывала.

Пресса уже сходит с ума. Я не говорю Либби о безумии в СМИ и о том, как мир теперь требует нашу историю — жаждет знать о ней все. Я не хочу, чтобы эта хрень вторглась в наше пространство.

Либби с секунду ничего не отвечает, затем ее теплая ладонь накрывает мою грудь. Я закрываю глаза, когда она гладит мою кожу.

— Мы оба ошибались. И оба были правы.

Я выдыхаю и смотрю на нее.

— Я собираюсь попросить Бренну сделать заявление о том, что мы влюбились друг в друга во время тура. И это все, что они от нас получают.

Брови Либби сходятся.

— Почему?

— Потому что наше счастье для меня важнее, чем что-либо другое, — мрачный, уродливый кусок сожаления опускается в мои внутренности. — И будь я проклят, если кто-то отнесется к тебе так, как это сегодня сделал Джакс. Прости меня за это, Либс. Мне охренеть как жаль.

Ее рука скользит вверх по моей шее, когда девушка наклоняется и целует меня в грудь, прямо над сердцем. Мягкие губы касаются соска до того, как она слегка прикусывает его. Мой живот напрягается в ответ, а знакомый жар уносит усталость и, очевидно, снова возбуждает мой член. Либби еще раз нежно целует меня, затем опускает руки на мою грудь.

— Пообещай мне кое-что.

— Все, что угодно, — мои руки обнимают ее талию, притягивая Либби ближе.

Она улыбается.

— Возможно, ты будешь сожалеть о том, что так легко согласился.

— Никогда, — глядя Либби по волосам, я целую впадинку на ее шее.

— Не злись на Джакса.

Вот черт. Я отстраняюсь настолько, чтобы встретиться с ней взглядом.

— Чувства немного сложно игнорировать, Либс. И я охренительно расстроен.

Кончик ее пальца следует по линии моих бровей.

— Знаю. И прошу тебя не злиться. Вы нуждаетесь друг в друге.

Мне хочется спорить, но она не дает вставить ни слова.

— И ты несчастен, когда злишься на него.

— Иногда я правда не в восторге от того, что ты так легко меня читаешь, — говорю ей.

— Он имеет право сходить с ума. Я была неправа, попросив у тебя скрывать это от друзей, и планирую извиниться утром.

Мои зубы снова сжимаются.

— Лучше бы ему извиниться в ответ. Это дерьмо было неуместным...

— Киллиан, — упрекает она. — Отпусти. Я не хочу жалеть о том, что сделала сегодня.

— Жалеть? — издеваюсь я, перетянув ее поверх себя, туда, где ей и место. Ее мягкая грудь прижимается к моей груди, и я мычу от удовольствия. — Лучше тебе не жалеть об этом. Это было до чертиков сексуально. Очень в духе фильма "*Офицер и джентльмен*".

Она хихикает. Люблю, когда моя девочка хихикает. Ей нужно больше легкости в жизни.

— Ты принял наркотики?

— Все так и было, — протестую я, целуя кончик ее носа. — Я почти ожидал, что ты схватишь меня и вынесешь оттуда.

Теперь ее смех полноценен.

— Чудик.

Я киваю.

— Мне понравилось наблюдать за твоей ревностью.

— Я не ревновала, — протестует она, морща нос в отвращении.

— Даже слишком.

— Ни капли.

— Очень сильно. Твоя кожа позеленела. Было красиво, но не так как сейчас, когда ты румяная от секса и желания большего. И, знаешь, это нормально. Я прощаю тебя. Меня все устраивает.

Ее смех сотрясает тело, гладкий изгиб ее живота прижимается к моему твердому члену. Она снова качает головой.

— Хорошо. Я всегда буду хотеть этого от тебя, — ее глаза мерцают в тусклом свете. — И я ревновала.

— Вот так, — я перекатываюсь, прижимая ее к кровати. — Сегодня не будем спать. Потому что мне нужно прояснить несколько вопросов, а это займет какое-то время.



Либби

Киллиан устраивается поверх меня, отчасти опираясь на предплечья.

— Я больше не буду ревновать, — говорю ему до того, как он сможет что-то сказать. Контрудар, потому что ревность — такая эмоция, которую я больше не хочу испытывать, будь моя воля. — Это было редкой аномалией.

— Ладно, — он отвечает так легко, словно согласился бы со всем, что я скажу.

Думаю, Киллиан просто смеется надо мной. Его брови приподнимаются, а в глазах заметна улыбка.

— Так ты сегодня поставила на меня свою метку, потому что ревновала?

— Ты знаешь, что да, — тычу пальцем в его бок, отыскивая место, которое заставляет его вскрикнуть, прежде чем я становлюсь серьезной. — На самом деле, я думала о том, как обернулась бы моя жизнь, если быя не повстречала тебя и если бы тебя не было в ней. Это кажется неприемлемым.

— Ты никогда и не узнаешь, как бы все было, — шепчет он. — Потому что я не отпущу тебя.

Накрывая ладонью его затылок, я целую парня. И он вздыхает, отдаваясь поцелую.

— Однако видеть, как тебя трогают другие женщины отстойно, — я говорю с ним начистоту, потому что он заслуживает этого.

— Ненавижу, когда меня трогают другие женщины, — выдыхает он напротив моих губ. — Поцелуй меня, и все станет лучше.

И я целую, практически поедаю его рот, потому что вкус Киллиана такой приятный, и

потому что независимо от того, сколько раз я к нему касаюсь, мне всегда хочется большего. Тело дрожит, ноги оборачиваются вокруг его талии, притягивая парня ближе.

Он забирается на меня повыше, раскачивая бедрами и обнимая так, словно никогда не сможет насытиться.

Одна его рука скользит на мою шею, глядя ее, вторая проникает между нами. Его пальцы находят мои собственные и направляют их вниз. Я оборачиваю ладонь вокруг его горячей плоти, и парень стонет.

— Он твой, — произносит Киллиан, толкаясь мне в руку. — Как его владелец, ты обязана хорошо о нем заботиться.

Я улыбаюсь напротив его губ.

— О, правда?

— Угу... — он щипает меня за подбородок, прокладывая дорожку поцелуев вдоль шеи. — Гладить, целовать, держать в тепле по ночам, развлекать на протяжении дня.

Я ласкаю его длину, сжимая кончик. Киллиан удовлетворенно стонет.

— Вот так, ага, — он втягивает кожу у впадинки на моей шее. — Как тебе известно, ему тоже нужно проводить побольше времени с пользой со своей новой лучшей подружкой Милой Киской.

Тихий смешок покидает меня, а тело наливается жаром. Я вымотана и возбуждена. Мы занимались этим всю ночь, и я все еще хочу ощутить его внутри себя снова, почувствовать его глубокие точки, услышать низкие, гортанные стоны, которые Киллиан обычно издает в процессе. Мысль вызывает головокружение. Большой палец выписывает круги на головке его члена, где уже выступила капелька влаги. Для меня.

— Если он мой, — шепчу я, кусая его за ухо, — возможно, ему не стоит одеваться, когда приходит повидаться.

Киллиан замирает, его дыхание согревает и увлажняет мою шею.

— Ты говоришь, что хочешь заниматься сексом без презерватива?

Не могу понять, слышится ли в его голосе удивление или напряжение с долей опаски. Я никогда не просила парня о подобном. Никогда не хотела. Но с Киллианом мне хочется этого.

— Ты не хочешь? — спрашиваю, теперь тоже с опаской. — Потому что все нормально, если ты...

— Я хочу, — перебивает он, хрипло и настойчиво. Его взгляд бросается к моему лицу. — Ты сейчас на таблетках?

— Сделала укол. Его хватает на три месяца. Так что...

Знакомая, самоуверенная улыбка расплывается по его лицу.

— Знаешь, секс без презерватива говорит о долгосрочных обязательствах, ага? Ты не предлагаешь кому-то "Трахни меня без защиты", если не думаешь, что вы двое вместе на долго.

Я замираю, поднимая голову.

— Ты вытянул меня из счастливого убежища, Киллиан Джеймс.

Его смех вибрирует по моей коже.

— И вот мы здесь, и я собираюсь поместить тебя прямо в мое счастливое убежище, — мой раздраженный стон лишь вынуждает его прищурить глаза. — Детка, есть только ты и я.

В этот момент он толкается в меня своим слишком толстым, твердым и офигенно идеальным членом.

И как всегда этот первый толчок шокирует мое тело, оно реагирует на вторжение потоком чистого тепла и шепоткой сладкой боли. Но данное чувство связи и того, как наши тела снова находят друг друга, так естественно, что от этого мое сердце сжимается.

Киллиан входит в меня, и я становлюсь целостной. Вот так просто.

Знаю, он чувствует тоже самое, потому что его тело вздрагивает от прерывистого вдоха. Он не останавливается, пока не проникает на всю длину — большой, твердый и непоколебимый.

— Эй, — произносит он тихо, замирая на месте. — Взгляни на меня.

Мои веки с трепетом открываются, чувство вязкости распространяется по телу, словно жидкое золотое тепло.

Его глаза сияют эмоциями.

— Ты и я, Либби. Мы держимся вместе, и все будет хорошо.

Я верю ему. Во тьме, в окружении его силы, я верю, что ничто не разлучит нас.

Глава 24

Либби

Сиэтл. Холодно. И дождливо. Это прекрасно. А еще это последняя остановка американской части тура. Отсюда мы отправимся за океан... Сперва в Берлин. Не понимаю, почему мы перепрыгиваем с места на место, но Бренна объясняет это тем, что мы должны соответствовать концертному расписанию и промо. На самом деле, мне без разницы, поездка в Европу — очень захватывающее событие, которого я не могу дождаться.

Хотя на данный момент мы в Сиэтле. Как только заселяемся в отель, мы с ребятами забираемся в арендованный минивен Уипа. Он садится за руль, и на сей раз нас только пятеро. Нет членов технической команды, ассистентов или журналистов. И это как бы мило.

Сперва мы останавливаемся у кафе Лердо, где я заказываю латте с такими красивыми сердечками из пенки, что даже жаль его пить. Но я пью, потому что запах жареного кофе наполняет мой рот слюной. Вкус насыщенный, сливочный и чертовски невероятный. Я не чувствую ни капли смущения, когда стону.

Ребята хихикают, но они одинаково поглощены своими собственными напитками.

Пара булочек и вторая порция кофе — на этот раз на вынос, потому что, черт, это хороший кофе — и мы направляемся в Абердин к мемориальному парку Курта Кобейна. Пепел Кобейна был развеян, так что это место самое подходящее для того, чтобы ребята могли выразить свое уважение к знаменитости.

Мягкий туман повисает над землей, когда мы наконец отыскиваем парк. Он крошечный и заброшенный, но не слишком. Откровенно говоря, данное место меня угнетает. Бездомный мужчина хромает к мосту через реку, пока мы молча стоим возле каменного мемориала в виде гитары.

Рука Киллиана оборачивается вокруг моих плеч, притягивая ближе, Джекс стоит по другую сторону, кутаясь в пальто, как и все мы. Я практически уверена, что Киллиан тоже считает это место грустным. Но выражение лица Джекса привлекает мое внимание. Он явно обеспокоен, и кожа вокруг его рта слегка позеленела.

Мне известно, что Кобейн был его кумиром. Между ними есть сходство — оба играют на гитаре левой рукой, оба достигли славы с головокружительной скоростью и оба не могут с ней справиться. К сожалению, Кобейн, в отличие от Джакса, успешно покончил с жизнью.

Не представляю, о чем Джакс думает, но не могу остановить себя и не взять его за руку. От контакта наших тел он застывает, прерывисто втягивая воздух в легкие. Я не удивлена. Мы не много разговаривали с тех пор, как он выяснил всё о наших отношениях с Киллианом. Он не грубил и не избегал меня, но определенно выдворил на более дальнюю позицию своей вселенной.

Не глядя, сжимаю его ладонь, пытаюсь сказать, что я здесь, что я — его друг, если он будет во мне нуждаться.

Его холодные пальцы мгновение полностью неподвижны, затем он медленно сжимает мою руку в ответ.

- 'Love Buzz' — первая песня, которую я научился играть на бас-гитаре, — вдруг произносит Рай. Он смеется. — И даже не осознавал, что Nirvana сделала кавер-версию за несколько лет до этого.

— Если им нравилась песня, они ее играли, — говорит Киллиан. — Не гнушайся играть не только свои произведения. Всё вертелось вокруг музыки.

Улыбка Джакса едва приподнимает уголки его губ.

— Помните тот период, когда мы пытались походить на Курта? — он смотрит на Киллиана. — И ты потерял голос?

Они все смеются, тогда как Киллиан морщится.

— О, мужик. Я пел так, словно меня кастрировали.

Я хохочу, услышав это. Тем более, что голос Киллиана ближе к Крису Корнеллу.

— В колледже кое-кто накормил меня "специальными брауни", — говорю им. — Я понятия не имела, что они собой представляли. В конечном итоге я танцевала вокруг общежития, распевая 'Heart-Shaped Box'.

— Я бы заплатил, лишь бы на это взглянуть, — говорит Киллиан. — И немалую сумму.

— По-видимому, у меня была пицца к размышлению, раз уж я продолжила петь "Эй, Блейн, я съела миску голубых хлопьев! Погружаясь всё дальше в глубины черного риса".

Ребята хохочут. Я присоединяюсь к ним, пока их смех не стихает.

Мы стоим молча еще несколько минут, теряясь в наших мыслях. Затем Джакс отпускает мою руку, и мы направляемся обратно к минивену. По дороге я замечаю, что у Киллиана покраснели глаза. Я так волновалась о Джаксе, что не думала о том, как это воспримут все остальные. Они вполне могли сделать то, что я сделала для их друга.

Но Киллиан молча улыбается мне.

— Спасибо, — произносит он, бросая взгляд на Джакса, а затем нежно целуя меня. — Ему это было нужно.

Через несколько часов мое подавленное состояние не улучшается, когда мы присоединяемся к вечеринке лейбла звукозаписи «Килл-Джон» на крыше отеля с бассейном. Отсюда открываются отличные виды на Пьюджет, и здесь подают замечательную еду. Но люди? Для их описания на ум приходит два слова: шумные и пластмассовые.

— Сегодня ты со мной, детка, — Уип появляется рядом со мной и притягивает в объятия одной рукой. Я почти давлюсь канаве с лососем.

— И чем обязана такой чести? — спрашиваю, вытирая крошки с губ.

Его профиль довольно суров, когда Уип разглядывает толпу.

— Сегодня пираньи вышли на охоту. Кого-то могут сожрать заживо.

Здесь *присутствует* множество роскошных женщин и костюмчиков, как называет Киллиан сотрудников лейбла звукозаписи. Не знаю, из-за чего Уип настороже. Мне уж точно не по душе то, что эти костюмчики смотрят на меня так, словно я незваная забредшая сюда бездомная собака. Хотя, вероятно, все тараканы у меня в голове.

— Ты будешь моей бородой, — поясняет Уип.

— Ты бисексуал? — спрашиваю, потому что и вправду не знаю.

Он бросает на меня взгляд, его голубые глаза мерцают.

— Ну, в подростковом возрасте я думал, что немного разнообразия добавит мне сексуальной загадочности. Но, увы, члены не для меня. Я специализируюсь на кисках.

Я закатываю глаза, когда еще одна мужская рука обнимает меня за талию. Это прикосновение мне хорошо известно.

Киллиан бросает на Уипа взгляд.

— Чувак, найди себе собственную женщину.

— Я устал. Ты обломал мне весь кайф, — Уип подмигивает мне.

— Что случилось с репортершей, которую ты окучил в кино? — спрашиваю я.

— Ты это видела?

— Все это видели, — говорим мы с Киллианом в унисон.

Уип корчит рожу.

— Оказывается, она думала, что у меня можно выудить информацию, отсосав мой член.

— Звучит как довольно трудоемкий процесс, — говорит Киллиан, смеясь.

— А еще как проигрышный вариант, — ноздри Уипа расширяются, затем выражение его лица становится нейтральным. — Но у нее была отличная техника исполнения.

— *Ла-ла-ла*, — пою я. — Не могу это слушать.

Смеясь, Уип отпускает меня, тогда как Киллиан перемещается мне за спину, обнимая руками за плечи.

— Видишь, — шутит Уип. — Кайфолом.

Щека Киллиана прижимается к моей за секунду до того, как он целует меня в висок.

— Он думает, раз мы псевдо кузены, я не надеру его зад. Он ошибается.

Они оба усмеваются, так что я игнорирую это бахвальство.

— Псевдокузены? — спрашиваю.

— Телочки обычно думают, что мы родственники, так как очень похожи, — говорит мне Уип. — Вот мы и сказали, что кузены. И по какой-то гребаной причине, это принесло нам кучу веселья, — он хмурится. — Женщины — странные создания.

Я смеюсь, прижимаясь спиной к Киллиану. Он теплый, твердый и весь мой.

— Ну, раз ты так говоришь. Хотя, думаю, всё дело скорее в том, что вы оба секси, чем в вашем псевдородстве.

— Видишь? — выкрикивает Уип. — Она считает меня секси.

— Она считает, что я сексуальнее, — опровергает Киллиан. — Правда, детка?

— На самом деле, Скотти сексуальнее вас всех, — отвечаю им.

Киллиан мрачно хихикает, и его рука слегка соскальзывает ниже. Пальцы одной руки бродят по моей груди, теплая ладонь слегка сжимает ее. Я немного ерзаю и чувствую его усмешку напротив своей шеи.

— Раз ты так говоришь, куколка.

Дерзкий засранец.

Уип закатывает глаза, но наклоняется вперед и быстро чмокает меня в щеку.

— Когда захочешь отделаться от этого балбеса, ты знаешь, где меня искать.

Он хлопает Киллиана по плечу и направляется в сторону толпы.

— Мы уже можем уйти? — бормочет Киллиан.

Его рука до сих пор занята, медленно лаская меня, каждое прикосновение становится более весомым, целенаправленным. Я снова переминаюсь на месте, моя попа трется напротив нарастающего интереса парня. Он низко ворчит, толкая меня в спину.

— Мы не можем, — шепчу я, хотя на самом деле хочу согласиться. — Ты обещал Скотти, что будешь милым с этими журналистами.

Киллиан вздыхает, вжимая член в мою попку в последний раз перед тем, как отстраниться.

— Ладно, хорошо. Но мы не задержимся надолго.

Я наблюдаю за тем, как он отходит, потому что его задница в этих потертых джинсах — красивая штука. Я уже сожалею о том, что сегодня веду себя хорошо.

— Вау, — доносится мужской голос из темноты. — Ты вертишь вокруг пальца Уипа Декстера и Киллиана Джеймса. Должно быть, ты хороша.

Барный столик рядом со мной скрыт в тени, вдали от основной вечеринки. Я не видела парня до этого.

Он делает шаг в мою сторону, очевидно, думая, что крут. Облегающие черные кожаные штаны, ниспадающая белая шелковая рубашка. Мне хочется спросить у него, какой склад париков восьмидесятых годов он ограбил. Но он выглядит довольно хорошо, в духе отполированного красивого мальчика — темные волосы ниспадают над бровями, пухлые губы, красивые, почти девичьи черты.

Я смотрю на него, не приходя в восторг от того, как он обыденно откидывает волосы с лица назад.

— Хороша для чего? — я, конечно, знаю для чего. Просто хочу, чтобы он сказал это.

— Ты мутишь только с ними двумя? — он показывает зубы. — Или, может, со всей группой?

— Позволь кое-что спросить. Ты и правда думаешь, что допустимо говорить кому-то подобное?

Красивый мальчик невинно улыбается мне.

— Ой, да ладно. Я просто шучу. Правда. Я знаю, каков счет игры. Мы, новички, не получим ничегошеньки без капельки уговоров, — он предлагает мне свою руку. — Я Марло.

Я смотрю на его протянутую ладонь.

— Марло, меня не волнует, сосал ли ты чей-то член, чтобы тебя сюда пригласили. Но не стоит проявлять неуважение к женщинам в открытую, — я отталкиваюсь от столика. — А теперь прости.

Твердая рука хлопает по моему плечу, и я резко разворачиваюсь. Парень ужасающе силен. Это то, чего я не ожидала, так как он выглядит всего на пятьдесят пять килограмм. Злые серые глаза глядят на меня сверху вниз.

— А у тебя есть характер, — рычит он, его пальцы впиваются в мою кожу. — Я певец с контрактом. А ты кто? Гребаная шлюха Киллиана Джеймса.

— Отъебись...

Он вторгается в мое личное пространство, моя спина ударяется о край барного столика.

— Почему бы тебе не подыграть? Быть немного более дружелюбной.

И тогда я замечаю, насколько остекленели его глаза, как расширились зрачки. Это отвлекает меня. Без предупреждения он хватается меня за грудь и сжимает. Сильно.

Отвращение, гнев, шок — всё это наводняет меня в секунду. На одну яркую секунду я не могу пошевелиться. А затем ярость берет контроль в свои руки. Моя ладонь взмывает вверх, пальцы втыкаются в его глазницы.

Он отступает назад, спотыкаясь, и я ударяю парня коленом между ног. К сожалению, мой удар попадает ему в бедро. Но он ошеломлен и судорожно моргает, рыча проклятия.

Я знаю, когда нужно уносить ноги. Мои каблуки стучат об пол, когда разворачиваюсь, сердце застревает в горле, после того как поднялось к нему во время стычки. Я слышу, что он идет за мной.

— Чертова сука!

Ногти царапают мою обнаженную спину, пальцы ловят шлейку платья. Оно рвется, звук кажется громким на фоне жужжания в моих ушах.

Мои руки подлетают к лифу платья, прижимая ткань к груди, чтобы та не слетела вниз. Думаю, я кричу. Не знаю наверняка, так как еще один крик заглушает звук.

И затем Киллиан оказывается рядом, налетая на нас, будто смерть. Я рыдаю. Выражение его лица очень пугает меня, хоть и знаю, что оно адресовано не мне. Килл проскальзывает мимо и в еще одном разъяренном порыве хватается Марло за шею.

У парня нет ни шанса. Киллиан опрокидывает его на тротуар патио. Он не говорит, не колеблется, просто начинает бить парня кулаками. Это ужасно, жестоко.

Вокруг меня собирается толпа. Вспыхивают камеры телефонов, другие записывают всё на видео. Еще три парня проталкиваются мимо меня. Уип, Рай и Джакс.

Они пытаются оттянуть Киллиана от отбивающегося Марло, который как раз наносит свой удар. Не то чтобы Киллиан почувствовал его. Он сопротивляется захвату Уипа и Джакса.

— Отвалите. Ты сукин сын... — и на этом он пинает Марло ногами.

Охранник бросается в бой.

Я сдерживаю еще один всхлип. Что-то мягкое и теплое накрывает мои плечи — крошечный пиджак, обшитый бисером. Рядом женщина с обильным золотистым макияжем слабо улыбается мне.

— Это всё, что у меня есть, — она обнимает меня одной рукой, натягивая ткань на мои обнаженные плечи. — Ты в порядке, подруга?

Она фанатка. Я понимаю это по одному взгляду на женщину. И ее доброта ломает меня. Я снова начинаю плакать. Две другие девушки присоединяются к нам, сплочая ряды, защищая меня от камер.

Возможно, ярость Киллиана запустила этот курс. Возможно, он слышит меня. В чем бы ни была причина, он отталкивает Джакса и Уипа со словами "Я в порядке".

Его глаза отыскивают меня и уродливое выражение на его лице сникает, когда парень подходит ближе.

— Либс.

Я хватаюсь за его рубашку, пока он крепко обнимает меня, его тело влажное от пота. Всё остальное происходит в тумане, пока мы не оказываемся снова в нашем номере. Но одно я улавливаю точно — выражение лица Скотти. Ситуация явно вышла из-под контроля. Дело дрянное.



— Что за кровавый ад это был?

Киллиан холодно смотрит на Скотти со своего места на диване.

— Это был я, выбивающий дерьмо из засранца.

Он не прекращает дрожать и не отпускает меня. Даже когда доктор осмотрел его отекающую, ушибленную руку и предложил Киллиану сделать рентген на предмет сломанных костей, он всё равно обнимал меня второй рукой, крепко сжимая. Он отпустил единственный раз, когда снимал свою рубашку, чтобы прикрыть меня.

Теперь Скотти кричит.

— Этим засранцем был Марло. Новичок лейбла и самая сексуальная молодая звезда, Христа ради.

Миленько. Тошнотворное ощущение в животе усиливается.

— Ему придется петь через трубочку, если увижу его снова, — кричит Киллиан.

— В любом случае, — отвечает Скотти, — я задавал вопрос Либби, а не тебе.

Все глаза обращаются ко мне, за исключением глаз Киллиана. Он просто прижимает меня ближе.

— Оставьте ее, на хрен, в покое. Она прошла через достаточное количество фигни.

— Всё нормально, Киллиан, — я тру рукой его предплечье, пытаюсь успокоить. Он ворчит, но немного расслабляется.

Скотти, Джакс, Рай и Бренна — все ждут. Я глубоко вздыхаю, потому что воспоминания тоже вынуждают меня дрожать.

— Он появился из ниоткуда, — говорю я. — Сказал, что я... — бросаю взгляд на Киллиана.

Он резко выдыхает.

— Просто скажи это, куколка. Я не собираюсь ранить его или что-то в этом духе.

Это не звучит достаточно искренне.

— Он предположил, что раз я обслуживаю всех членов группы «Килл-Джон», то должна сделать тоже самое для него.

— Уебок, — кричит Киллиан.

— Долбаный тупица, — бормочет Уип.

Остальные молчат. Ждут, когда я продолжу рассказ.

— Я... о... сказала ему, что подумаю об этом, затем попыталась уйти.

Холодный страх стекает вниз по моему позвоночнику. Я в безопасности. Я знаю это. Но не чувствую. Чувствую, как рядом напрягается Киллиан, всё сильнее и сильнее. Он практически ерзает на месте.

Я моргаю несколько раз.

— Он... гм... схватил меня за грудь.

Киллиан издает звук, который я не могу интерпретировать и вдруг оказываюсь на его коленях в очень крепких объятиях. Дышу пару секунд до того, как закончить историю.

— Эта ссора случилась по моей вине.

— Да ни за что, блин, — шипит Киллиан.

— Это ни на йоту не твоя вина, — перебивает Бренна. До этого она молчала. Но я вижу то, как девушка вздрагивает. — Ни на йоту.

— Просто говорю о том, что когда он сделал это, я ткнула ему пальцами в глаза, попытавшись врезать по яйцам. И это правда взбесило его. Он заслуживал подобного, но я должна была решить всё тихо, уйти быстрее.

— И я бы просто выбил дерьмо из него чуть раньше, — говорит Киллиан, прижимая лицо к изгибу моей шеи. — Куколка, мне так жаль.

— Всё нормально, — но мои глаза слезятся.

До этого на меня никогда не нападали физически. Я брала курсы самозащиты в колледже, потому что это казалось безопасной штукой. Но реальность другая, и непросто отпустить всё.

Скотти вздыхает и проводит рукой по волосам.

— Ничего не нормально, — он приковывает меня к месту ледяным взглядом. — Ты в порядке?

— Да.

— Хорошо. Тогда давайте немного отдохнем, — его внимание обращается к Киллиану. — Ты. Я хочу, чтобы твои пальцы были в оставленной доктором шине. Не вешай мне дерьмо на уши или помощи... — мужчина поднимает руку и показывает, что считает в уме.

— Я надену шину на чертовы пальцы, — говорит Киллиан раздраженно.

Он уже приложил к ним лед. Я боюсь даже взглянуть. Вся его рука отекла, костяшки были разбиты и кровоточили до того, как их обработали.

Наконец Скотти переводит дыхание.

— Нам нужно исправить всё.

— Это будет нелегко, — уныло произносит Бренна. — Вся драка была заснята под разными углами и уже проигрывается на множестве ресурсов.

— Блядь, — насмехается Джакс. Он не смотрит на меня, хотя я чувствую вес его разочарования в воздухе.

Неважно, что мы здесь, потому что эгоцентричный мудака подумал, будто в порядке вещей лапать меня или что я защищалась, как могла. Вина всё еще раздирает меня. Я тот человек, который вовлек нас в это. Все в этой комнате знают, что Киллиан не слетел бы с катушек, если бы дело не касалось моей чести.

Я не могу заставить себя взглянуть им всем в глаза.

Глава 25

Либби

Поздно ночью, когда мы наконец забираемся в постель, Киллиан долго держит меня в объятиях, прижимаясь грудью к моей спине. Я дрейфую в тепле его тела и души в мирное место. И он вдыхает меня медленно и глубоко, словно запоминает мой запах.

— Я мог убить его, — шепчет он в мои волосы.

В темноте мои руки отыскивают его предплечья и прижимают их к груди, я глажу его кожу, исследую мышцы под ней.

— Но не убил.

Он мягко и низко выдыхает.

— Я слетел с катушек. Не думал ни о чем, кроме как надрать его зад.

— Теперь всё закончено.

Под прохладой одеяла, ощущая его тепло на своей коже, я в безопасности. И хотя Киллиан более чем способен защитить себя, я бы хотела чувствовать, что он тоже в безопасности.

Его пальцы сжимают изгиб моего плеча.

— Мне никто никогда нужен не был, за исключением ребят. Мы стали друг другу семьей. Я приглядывал за ними.

Я ничего не говорю, просто провожу пальцем по его крепким запястьям, вдоль внутренней стороны его руки, где кожа парня подобна шелку на камне.

— Я подвел их, Либс. Мне следовало знать, что Джакс потеряет хватку.

— Киллиан...

— Следовало удержать нас вместе, а не сбегать после того, как он пытался положить этому конец.

Одеяло шуршит, когда я поворачиваюсь к нему лицом.

— Почти каждую ночь в году я ложусь в кровать с мыслью о том, что должна была попытаться отправить папу в реабилитационный центр. Мне следовало сказать что-то вместо того, чтобы отводить взгляд, — я накрываю ладонью щеку Киллиана, такую шершавую после дня без бритья. — Половину времени я не могла смотреть в зеркало, потому что думала, был бы мой папа счастливее, пил бы он меньше, если бы никогда не давал мне жизнь?

Глаза Киллиана округляются, словно ему больно.

— Нет, Либби. Никто из твоих знакомых никогда бы не посчитал тебя ошибкой.

Я вздыхаю, мой большой палец касается уголка его губ.

— В этом-то и проблема. Логика говорит тебе одно, но ты всё еще чувствуешь другое. Можешь сказать мне, что я ошибаюсь насчет папы. Я могу сказать тебе, что ты ошибаешься насчет того, что подвел ребят. Но верить в это сложнее, правда?

Его губы прижимаются к моему лбу.

— Я не хочу подвести тебя, Либс. И прямо сейчас я не знаю, как избежать этого.

— Я чувствую тоже самое, — шепчу я.

Он перекачивается верхом на меня, удерживая свое тело над моим. Здесь, во тьме, он занимается со мной любовью. Это почти отчаянно, то, как мы касаемся друг друга, как жаждем поцелуев, как нежно ласкаем друг друга. И эта нежность разбивает сердце. Каждое

касание считается, ощущается, словно конец одного и начало чего-то другого.

Я боюсь и не знаю почему. Возможно, он тоже, потому как не позволяет мне уйти. Ни в тот момент, когда мы достигаем оргазма, ни в то время, когда мы засыпаем перед рассветом.

Но утром я просыпаюсь сама. Киллиан ушел, чтобы сделать рентген руки на случай, если всё-таки есть перелом.

Я завтракаю в номере и не ожидаю посетителей. Когда объявляется Джакс, я настораживаюсь. Он едва смотрел в мою сторону прошлой ночью, словно не мог вынести мой вид.

— Хочешь кофе? — спрашиваю, когда он следует за мной в гостиную люкса, где служащий отеля оставил тележку с завтраком.

— Да, конечно, — он постукивает большим пальцем по бедру.

Мы уже какое-то время путешествуем вместе, но никогда не оказывались тет-а-тет, если не считать ту первую ночь, когда он пришел проверить, как я переношу печальный случай страха сцены. Мы не друзья, но я никогда не считала парня врагом. К сожалению, не представляю, так ли это и для него.

Мы молча пьем теплый кофе до тех пор, пока я больше не могу выдерживать этого.

— Ты здесь, чтобы наорать на меня или что-то в этом роде?

Джакс усмехается.

— Ты немного чересчур драматична, да?

— О, пожалуйста, прошлой ночью ты выглядел так, словно хотел закричать.

Его губы вздрагивают.

— Прошлая ночь была полной лажей. По всем фронтам.

Я провожу пальцем по краю своей чашки.

— Что было, то было.

Джакс ставит свою чашку на стол.

— Что бы ты ни думала, ты мне нравишься, Либби. Ты до чертиков талантлива. И принадлежишь этому миру настолько же, как и любой из нас, — шок накрывает меня, но Джакс на этом не останавливается. — И мне очень жаль, что этот мудака тронул тебя. Он заслужил быть избитым.

— Почему мне кажется, что дальше последует огромное "но"?

Его зеленые глаза встречаются с моими.

— Звукозаписывающий лейбл устроит Киллиану ад на земле. Прав он или нет, но то, что сделал Килл, выглядит хреново для группы. И для тебя.

— Я знаю.

— Знаю, что ты знаешь. Но ты понимаешь какую власть имеешь над Киллианом? Довольно очевидно, что он всегда будет ставить тебя превыше всего остального.

— Что ты ожидаешь от меня услышать? — спрашиваю я. — Мне жаль, что так произошло. Хотелось бы, чтобы этого не случилось. Но я не могу изменить реакцию Киллиана.

Джакс трет лоб пальцами, а затем разглядывает меня.

— А в будущем? Когда нарисуются другие дебилы? Потому что они явно будут. Половина социума уже винит тебя. За простой факт того, что ты женщина, а Киллиан сейчас ведет себя как помешанный.

— Чудно. Хотя я не удивлена. Обвинять жертву всё еще актуально и приемлемо в современном обществе.

— Да, чудно, — повторяет он, вздыхая. — Он не может справиться с этим — не в то время, когда в центре осуждения находится тот, о ком он волнуется. Килл не мог разобраться с этим в моем случае и уж точно не сможет сделать этого в твоём, — Джакс становится на колени рядом со мной, его глаза уставшие, но искренние. — Не проходит и дня без того, чтобы я не чувствовал последствия сотворенного мной. Я ощущаю вину за всё то дерьмо, которым ранил их. Но особенно за то, как это сломало Киллиана. Потому что он пытался защитить меня от прессы, взял всё это на свои плечи.

После разговора прошлой ночью я знаю больше, чем кто-либо еще, насколько это по-прежнему ранит Киллиана. Мое горло сжимается, когда я сглатываю.

— Вот почему ты не хотел, чтобы я была здесь?

Джакс кивает.

— Я не знал, что произойдет. Но понимал, что что-то надвигается, — он грустно смеется. — Так всегда бывает в туре. И я знал, что Киллиан не был готов. У него больше нет защитных стен.

Нет. Как и у меня. Мы оба остались уязвимыми и выставленными на обозрение. Я чувствую себя достаточно обнаженной. Но сама идея того, что я также являюсь слабостью Киллиана, недопустима. Вы должны защищать любимых, а не оставлять их открытыми для боли.

— Пообещай мне кое-что, — шепчу я, потому что мой голос быстро пропадает. — Будь с ним... добрым. Заботься о нем. Ему это нужно.

Джакс кивает, напряженность отражается складкой между его бровей. Когда он уходит, я направляюсь в другой номер.

Скотти отвечает после второго удара в дверь. То, что я собираюсь сделать, — предательство. Но это меня не останавливает.

— Могу я войти?



Киллиан

— Нам совсем не весело, мистер Джеймс.

Сидеть за глянцевым столом конференц-зала в холодной комнате отеля для встреч — в моем представлении это даже и близко не походит на веселье. От речей этого дуэта Смита

№ 1 и Смит № 2 у меня появляется изжога. Наименее любимые мои представители звукозаписывающего лейбла сидят напротив, оба одетые в одинаковые костюмы от Армани, и смотрят на меня с идентичным выражением упрека на лицах. Им нужны только очки и наушники от рации, чтобы завершить образ агента Смита.

Как только успокоился прошлой ночью, я знал, что меня ждет эта встреча. Устроил сцену на рабочей вечеринке — будь готов выслушать нотации.

Оглядываясь на то время, когда только стартовала группа «Килл-Джон», мы были сучкой лейбла — должны были присутствовать на вечеринках и торжествах, где нас хотело видеть руководство, ездить с туром в те города, что нам говорили. Каждый чертов аспект наших жизней находился под их контролем. Но эти дни миновали. Вы должны достичь статуса бриллиантового альбома, как было у нас с "Anamieй", и повернуть ситуацию на 180 градусов. «Килл-Джон» больше не целует чьи-либо задницы, это нам сосут члены.

Это не значит, что время от времени некоторые руководители лейбла не забывают об этом, особенно, когда чуют запах крови в воде — то, чего один из Смитов очевидно ждал.

— Сперва мы имели дело с зависимостью Джона Блеквуда...

— У него нет чертовой зависимости, — восклицаю я. — Он находился в депрессии, и я был бы вам признателен, если бы вы заткнули чер...

Скотти поднимает руку.

— Случившееся с Джексом не имеет отношения ко вчерашним событиям.

— Я умоляю вас не ссориться, — говорит Смит № 1. — Это просто еще один случай вдобавок к катастрофе "Килл-Джона", что имела место ранее.

Дымка ярости затуманивает мое зрение.

— "Дэтметал" оставили ванную, полную настоящего дерьма в отельном номере, а у вас проблемы с тем, что я защищал женщину?

— Ущерб имуществу не сложно исправить, — отвечает Смит № 1. — С другой стороны, вы напали на человека в комнате, полной репортеров.

— Детали.

— Вы нанесли ущерб нашему новейшему таланту, сломали ему нос и разбили губу, потому что не можете держать член в штанах.

— Нет, — говорю с чрезмерной осторожностью. — Я избил это маленькое дерьмо, потому что он не мог держать свои руки при себе, — широко улыбаюсь Смицу № 1. — Видите разницу? Потому что она важна. Вы распускаете руки по отношению к женщине, которая вас не хочет, — в частности, к моей женщине — и в результате вам больно.

Он понимает, что это предупреждение. Прищуривает глаза.

— Мы вынуждены отложить рекламную активность до тех пор, пока у Марло заживет лицо. Тысячи долларов выброшены на ветер из-за отмены его выступлений.

— Вам, вероятно, стоит поговорить с ним о его поведении. Назначить ему социального смотрителя, чтобы он мог подумать о своих грехах.

— Считаете, что это забавно, мистер Джеймс? — Смит № 2 стучит золотой ручкой по столу, будто пытаюсь привлечь мое внимание. — Потому что, уверяю вас, лейблу не смешно.

— Нет, — соглашаюсь я. — Они замечают попытку сексуального насилия под стол. Браво!

— Если не упоминать о том, — вставляет Смит № 1, — что вы повредили *вашу* руку.

Я отказываюсь двигать моими забинтованными пальцами у них на виду.

— Всё нормально.

— Она застрахована на миллион долларов, мистер Джеймс, — Смит № 1 пихает стопку документов в мою сторону, словно я стану читать их. — Выплата уже поступила.

Я смеюсь, снова на краткий миг ощущая раздражение, а затем ловлю взгляд Скотти. До этого момента он сидел расслабленно, почти развалившись на кресле. Хотя Смиты одеты в Армани, строгий костюм Скотти заставляет их выглядеть разгильдяями на фоне его древесно-угольного пошитого на заказ наряда от Gieves&Hawkes, что на Стиви-Роу. Мой отец покупает там вещи, и его стандарты лишь на каплю ниже стандартов Скотти.

Внешний вид этого парня — своеобразная форма запугивания. Кажется, будто Скотти ничего не боится, и этот образ лишь всё усугубляет.

— Марло — однодневка, — скучающе произносит Скотти. — И всё же вы находитесь здесь, оскорбляете высокоприбыльного клиента. Полагаю, вам стоит компенсировать потраченное им впустую время на данную встречу и направить свои усилия на то, чтобы лучше использовать шумиху вокруг этой истории.

Смит и Смит в унисон моргают. Смит № 1 испускает смешок.

— Мистер Джеймс по контракту...

— У мистера Джеймса только в Твиттере пятьдесят миллионов фолловеров.

Это новость даже для меня. Но я присоединяюсь к Скотти и бросаю на них долгий взгляд в духе "*Что скажете теперь, сучки?*". Всё, что угодно, лишь бы заставить их слезть с моей спины и отстать от Либби.

Скотти встает с кресла.

— Ни один из которых не оценил бы его чрезмерно жестокое обращение. Никогда не недооценивайте власть социальных сетей или силу шумихи среди фанатов. А теперь простите нас, господа. У моего клиента назначен концерт.

Холодные глаза Смита № 2 следят за нашими движениями.

— Говорите какие угодно завуалированные угрозы, мистер Скотт. Но у нас есть порядок. Больше никаких опрометчивых поступков, или же будут последствия.



— Эти двое — такая заноза в заднице, — ворчу, пока идем обратно в мой люкс.

— Они правы, ты знаешь, — лазерный взгляд Скотти бросает молнию в мою сторону. — То, что ты сделал, было глупо. По всем фронтам.

— Какого хрена? — я сердито гляжу на него. — На самом деле ты на их стороне?

Он на мгновение останавливается, поворачиваясь ко мне лицом. Мы одного роста и наши глаза на одном уровне.

— Ты *связан* контрактом. Они *могут* усложнить твою жизнь и безусловно они могут заблокировать для Либби все возможные шансы в данной сфере, если решат так. Они заинтересованы в контракте с ней. Но сейчас у них появились проблемы с пиаром в результате твоего взрыва.

Мое сердце пропускает удар, холодная волна заполняет вены. Меня не волнуют возможные санкции в мой адрес. Но я ощущаю сожаление от мысли, что будущее Либерти теперь под вопросом.

— Отбрось это в сторону, — продолжает он. — Тебе удалось снова вернуть «Килл-Джон» в центр внимания, хоть и не тем, что группа вновь объединилась, а скорее грустной шуткой о том, что Киллиан Джеймс взорвался от ревностного гнева, так как Марло, новая сексуальная — молодая — восходящая звезда, распускал руки рядом с какой-то телкой.

— Эй, — я делаю шаг ближе. — Не называй так Либби.

— Не я назвал ее так. А они.

— Думаешь, мне стоило просто оставить всё это дерьмо?

— Нет. Если бы я был на твоём месте, то сделал бы то же самое. Я бы хотел оторвать его крошечные шары и затолкать ему в горло. Но это не меняет того факта, что нам нужно всё исправить. И быстро.

— Дерьмо, — упирая руки в бедра, я наклоняю голову и пытаюсь успокоить дыхание. — Как?

Скотти не размышляет ни секунды.

— Убери ее из тура.

— Нет, — мой громкий ответ отдается эхом по коридору. — Она подумает, что мы ее наказываем.

— Это просто вопрос твоего страха и ее эго. Реальность такова, что она будет несчастна от всех этих появившихся предположений, вы двое постоянно будете под микроскопом. Однако если бы она была сама по себе...

— Сама по себе?

— Люди уже любят ее. Сотрудники Бренны обрабатывают сотни запросов в день насчет Либерти. Это ее момент для того, чтобы вырваться. Так позволь ей, пока она на пике.

Я не хочу соглашаться. Всё во мне кричит в знак протеста. Если она уйдет, я потеряю ее. Мой страх такой простой. Но это не призыв к действию. Дело не в Скотти, а в Либби.

Я знаю это, и всё равно идея о том, чтобы отправить ее на съедение волкам, вызывает у меня озноб. Я хочу, чтобы она сияла, *и* хочу обнять ее и держать рядом.

— Сегодня утром, она попросила меня поговорить, — говорит Скотти. — Она согласилась позволить мне раскручивать ее. Также Либби попросила меня подумать, может ли она как-то упростить всё для тебя.

Это не должно ощущаться словно предательство, но ощущается. Не то, что она хочет попытаться или помочь мне найти выход, а то, что Либби обсуждала подобное со Скотти, а не со мной. У меня нет опыта в отношениях, но я определенно убежден, что обсуждение жизненных решений является их ключевым компонентом.

Мое сердце ноет чуть сильнее, внутренности сжимаются, как во время похмелья. Мне хочется иметь больше времени наедине с Либби, вдали от всего мира. Но этого не случится. Я хочу поступить так, как будет правильно для нее, но мне едва ли это удастся.

— И что ты ответил ей?

— Я сказал ей, чтобы она покинула тур.

— Боже, ты такой убог, но почему?

— Я реалист. И думаю, она понимает это.

Моя челюсть болит от того, как я сжимаю зубы.

— Если она хочет сделать это, я не собираюсь удерживать ее. Я уже говорил тебе это.

— Да, знаю. Проблема в том, братан, что она не *хочет* оставлять тебя.

Я бы обрадовался этому, если бы не хреновое ощущение, что ее удерживает неверное чувство лояльности. Вся эта ситуация — верхушка пиздеца дерьмового дня. А еще ведь даже не полдень.

— Она сильная, Скотти. Но пока не очерствела. Я не хочу, чтобы ее разбили до того, как у нее даже будет шанс расцвести.

— Я планирую поддерживать ее, если это тебя утешит, — взгляд Скотти спокоен, уверен. — Жюль сможет управлять повседневными вопросами вашего тура.

Жюль, помощник Скотти, замечательный парень. Но в данный момент меня вообще, на фиг, не волнует тур. Откашливаясь, я подыскиваю слова.

— Защити ее, — прижимаю руку к глазам, чтобы облегчить сильную пульсирующую боль. — Это всё, что меня волнует.

Следует молчание. На этот раз ледяной человек исчезает. И его место занимает Скотти, с которым я познакомился много лет назад, — тот молодой панк, жаждущий славы, тот, кто присматривал за Джексом, когда он пытался взять в руки свою жизнь. Этот Скотти — мужчина, за которым вы последуете куда угодно, потому что знаете, что он прикроет вас.

Кажется, эти жуткие голубые глаза могут сжечь решимостью.

— В жизни нет гарантий. Я не могу обещать тебе, что мир не попытается пережевать Либерти и выплюнуть. Но женщина задает мне жару на постоянной основе. А я заставлял плакать взрослых мужчин.

Несмотря на мое дерьмовое настроение, я чувствую, что хочу улыбнуться.

— Мой любимый случай, когда разрыдался владелец The Lime House.

Скотти прищуривает глаза, вспоминая это с торжеством.

— Полный мудака, — выражение его лица снова становится нейтральным. — Как ты и сказал, она сильная. И у нее есть я.

На языке Скотти это значит, что у нее есть самые лучшие шансы пробиться в этом бизнесе. И всё же тяжесть все еще наполняет мой живот, потому что у нее не будет *меня*. Если я сделаю то, что нужно сделать, и отпущу ее.

Головная боль угрожает расколоть череп. Я собираюсь позволить Либби уйти. Отпустить ее на свободу.

Напряженно сглатываю и киваю.

— Я поговорю с ней.

Глава 26

Либби

Я свернулась калачиком на диване в нашем номере, играя на гитаре, когда наконец-то вернулся Киллиан. Откинув голову назад и глядя в никуда, он прислоняется к двери на долгую минуту. Его тело напряжено, отчего он кажется почти что тощим. Мне хочется

подойти к нему, притянуть поближе к себе. Но он отталкивается от двери и направляется в мою сторону.

— Всё в порядке? — спрашиваю я, ставя гитару рядом, когда он присаживается передо мной на низкий журнальный столик.

Синие круги обрамляют его глаза. Его челюсть покрывают царапины там, где ударил Марло, а на его руку наложена шина. Вина ударяет мне прямо в сердце.

Киллин вздыхает и наклоняется вперед, располагая голову на моем плече, его руки перемещаются к моим бедрам. Я мгновенно обнимаю его и глажу по спине. Мы сидим в тишине, пока он глубоко и медленно выдыхает.

— Дерьмовый день, куколка.

— Ага, — соглашаюсь я, мое горло сжимается.

Он целует меня в шею, нежно прижимает губы, а затем садится ровнее. Его лицо мрачное.

— Говорил с представителями звукозаписывающей компании.

Я тоже сажусь ровнее.

— Они устроили тебе взбучку?

— Пытались, — он пожимает плечами. — Они расстроены дракой. Но это было ожидаемо.

— Мне так жаль...

— Нет, — перебивает он. — Не начинай снова. Мы оба знаем, кто виноват, и тот ублюдок не покажется рядом с тобой снова.

— А от этого хоть сколько-нибудь легче?

Киллиан устало и тихо вздыхает.

— Думаю, нет, — он фыркает с отвращением. — Они хотят, чтобы отныне я вел себя как можно лучше.

Мои пальцы кажутся холодными, и я вытираю влажные ладони о бедра.

— Киллиан...

— Ты разговаривала со Скотти, — тень боли отражается в его глазах, затуманивая их.

Килл не спрашивает у меня, о чем мы говорили. Очевидно, ему это уже известно.

Я откашливаюсь.

— Ты расстроен.

Он улыбается, но совсем не весело.

— Нет, Либби. Я горжусь. Это великолепно. Следующий логичный шаг, и ты его сделала, — его большие руки оборачиваются вокруг моих коленей, слегка сжимая. — Здорово. Я рад за тебя.

— Ты не выглядишь счастливым, — указываю я.

Мое сердце начинает биться с тошнотворным ужасом, и даже не знаю почему.

Взгляд Киллиана скользит в сторону, его зубы сжимают нижнюю губу.

— Мне просто жаль, что ты пришла к нему, а не ко мне.

— Знаю. Прости, — я касаюсь его руки и понимаю, что она холодная. — Я хотела услышать другую точку зрения. А ты продолжал говорить, что всё в порядке, что я не должна волноваться. Но всё не в порядке. И я волнуюсь. Я хочу тебе помочь.

Киллиан слушает всё это с таким выражением, которое я не могу прочесть. Возможно, это сожаление? И, безусловно, боль. Но его голос ровный, когда парень нарушает молчание.

— Скотти считает, что теперь ты должна начать работать с ним. Говорит, это твое

время вырваться на свободу.

— Так он и сказал, — произношу неспешно. — Но тур продолжается.

Киллиан сжимает свой затылок, его рука изгибается. Он не встречается со мной взглядом.

— Тур направляется в Европу. И никто не станет задавать вопросы, если тебя там не будет.

Никого это не будет волновать. Потому что на самом деле я всё равно не часть «Килл-Джон». Я знаю это. И никогда не хотела пробить себе путь в их группу. Но от этого всё равно не утихает тот осколок боли, что колется у меня в груди.

Мне нужно взять себя в руки. Я сама пошла к Скотти. Он сказал, что покинуть тур будет лучшим решением. Но по какой-то нелепой причине я думала, будто Киллиан станет спорить. Будто он не захочет, чтобы я уезжала. Гордость. Глупая гордость.

— Нет, думаю, нет, — ненавижу то, как мой голос надламывается.

Он кивает, действуя медленно, словно прикладывает усилия.

— Скотти может начать работать с тобой в Лос-Анджелесе. С завтрашнего дня.

Мои внутренности скручивает.

— Завтра?

Святое дерьмо, меня передают из рук в руки: проблема, которую заматают под ковер. Одно дело — взять проблему под контроль, но совсем другое дело, когда Киллиан и правда соглашается со Скотти. Это тревожит.

И всё же я должна спросить:

— Ты этого хочешь?

Киллиан резко смотрит на меня.

— Дело больше не в том, чего я хочу, — он позволяет рукам упасть вниз, и на мгновение я думаю, что Килл протянет их ко мне. Но он оставляет свои ладони неподвижно лежать на коленях. — Дело в том, как лучше для тебя. Для группы. А для тебя будет лучше поступить сейчас именно так.

— Но ты этого хочешь? — восклицаю я, не отступая.

Киллиан, кажется, бодрится. Когда он поднимает голову, его глаза ясные.

— Ага, Либби, это то, чего я хочу. Думаю, ты должна уехать.

Тошнота наполняет живот. Боже, сколько раз мама предупреждала меня? Музыканты не колеблются, когда жизнь становится труднее. И если они стопорятся на месте ради кого-то, то потом сожалеют об этом. Я поднимаюсь на ноги.

Он пытается схватить меня за запястье.

— Либс...

Я стряхиваю его руку и натянуто улыбаюсь.

— Я в норме. Мне надо постоять. Ноги занемели, — я иду к окну, где дождь струится ручьями, размывая пейзаж и делая всё серым. — Хороший план, — удастся произнести мне. — Самый лучший план.

Он молчит, и я рискую бросить на Киллиана взгляд. Лучше бы я этого не делала. Жалость искажает его черты. К черту. Мои пальцы сжимают тяжелую штору. Он отсылает меня. После всех уговоров, после приказа приехать и присоединиться к нему, он отправляет меня на хрен, когда всё летит в тартарары.

— Я могу поехать с тобой ненадолго, — говорит он. — Помочь тебе начать.

Предупреждение Джакса всплывает в голове. Киллиан поставит меня превыше всего.

Хоть и ясно, что он хочет, чтобы я уехала, его верность всегда толкает парня на благородство. Я — корень проблемы. Так что отказываюсь добавлять еще больше дерьма, отрывая Киллиана от его жизни, его обязательств.

Киллиан имел смелость подтолкнуть меня к жизни, которую я жаждала, но не хотела этого признавать. Теперь я могу сделать это ради него и уйти с достоинством. Комок в горле достигает эпического размера. Я судорожно сглатываю, умоляя себя не плакать.

— И покинуть тур? — давлюсь резким смешком. — Нет. Это нелепо.

Он хмурится.

— Либби, если ты нуждаешься во мне...

— Нет, — знаю, он волнуется. Но я покончу с его проблемой.

Он отшатывается, будто я ударила его. И это жалит. Это не я отступаю. Он обещал, что всё будет в порядке, что мы застряли вместе. И вот теперь это.

— Тогда ладно, — произносит он медленно, хмурясь сильнее.

Мне хочется разозлиться и поспорить. Но гордость вынуждает оставаться спокойной. Я отказываюсь становиться сожалением этого мужчины. Вздыхаю и провожу рукой по волосам. Мое сердце ноет. Болит.

— Киллиан, со мной всё будет в порядке. Как ты и сказал, это просто следующий шаг.

В ходе которого я покидаю тебя. Я не хочу тебя покидать.

- И твой тур не будет длиться вечно. Я просто подожду в Лос-Анджелесе... — я смолкаю, не зная, что еще сказать. Всё вздрагивает и каменеет у меня в груди.

Его тело напряжено, когда Киллиан встает, опуская руки на бедра.

— Послушай... Ты будешь занята. И я буду занят, — он вдыхает, словно пытаюсь заставить себя произнести слова. — Ты можешь использовать это время, чтобы успокоиться, понять, чего хочешь на самом деле.

— Чего хочу на самом деле? — мои губы, кажется, немеют. Он не просто отсылает меня. Он меня отпускает. А я-то волновалась, как мне отпустить *его* на свободу. Мне хочется засмеяться. Или заплакать. Шансы пятьдесят на пятьдесят.

— Ага, — хрипло произносит он. — Когда я не болтаюсь рядом и не тяну тебя назад. Ты можешь... Ты можешь понять, хочешь ли на самом деле так жить.

Каким-то образом я нахожу в себе силы кивнуть.

— Ага, ты прав. Всё пойдет полным ходом. Половину времени это даже не казалось реальным.

Он бледнеет, но издает звук в знак согласия. Его манера вести себя безразлично настолько жестока.

Я невольно начинаю что-то мямлить, оправдываясь за нас обоих.

— И было бы глупо удерживать друг друга, когда мы не знаем, где в итоге окажемся.

Ложь. Ложь. Ложь.

Я хочу умолять его просто удержать меня, сказать всему миру отвалить. Но он уже отступился.

Его взгляд ясен.

— Это хорошо, Либс, — говорит он ровным тоном. — Вот увидишь. Ты сможешь использовать время и без моего вмешательства понять, этой ли жизни желаешь. А я смогу... — он пожимает плечами. — Я смогу закончить тур, как и положено хорошему маленькому рокеру, и держаться подальше от выпусков новостей.

Меня передергивает. По моей вине он в новостях.

— Тогда так и поступим.

Темные глаза Киллиана удерживают мой взгляд.

— Ага, думаю, да.



Киллиан

Я отпускаю ее. Это нужно сделать. Ради нее самой. Я говорю всё это себе, когда извиняюсь и выхожу из комнаты, сообщая, что мне нужно идти на саунд-чек. Она не останавливает меня. Это ранит, как и всё остальное. Возможно, я ожидал, что она скажет, будто всё это ошибка, будет твердить именно то, что я хотел услышать, что она нуждается во мне.

Но Либби позволила мне уйти. Мы порвали? Не уверен. Я пытался быть участливым старался помочь ей выбраться из этой путаницы. Но кажется, есть что-то еще. Чувство, будто с нами покончено.

Воспользовавшись лифтом, спускаюсь вниз, не в силах смотреть на свое отражение в зеркале дверей. Всё мое тело ноет, сердце кричит вернуться, к чертям собачьим, в комнату и забрать все сказанные слова обратно.

Она не нуждается во мне.

И дала это понять.

В моей жизни нет никого. Ни семьи, ни Джакса — когда ему было очень больно, он решил положить конец всему, а не прийти ко мне, как и Либби.

Что не так со мной, раз я нуждаюсь в том, чтобы быть кому-то нужным?

К тому времени, как я дохожу до зала репетиций, созданного в каком-то конференц-руме, ярость во всю струится по моим венам. Я сказал то, что должен был сказать, чтобы Либби уехала. Вот только сейчас осознаю, что хотел, чтобы она спорила со мной так же яростно, как делает это всегда. Я хотел, чтобы она выбрала меня. Насколько же это эгоистично?

Я поступил правильно. Она будет вдали от суровых пересудов во время тура. Люди не увидят в ней мою девушку, но узрят ее собственный талант.

Я подключаю гитару. Сильно качаю головой и дважды ударяю медиатором по струнам.

— Черт с ним, — рычу я.

— Кто-то не в настроении, — говорит Уип, стоя в дверях. Он подходит и занимает

место за барабанами. — Что напало на твой зад?

— Либби не поедет с нами в Европу.

— Почему? Из-за прошлой ночи? — он качает головой и ударяет по тарелке. — Это хрень какая-то. Ты согласен с этим?

Нет, не согласен. Я едва сдерживаюсь.

— Она так хочет. Скотти возьмет ее под свое крыло, — на вкус слова, как пепел.

Уип смотрит на меня.

— Это она так сказала? Она сказала: "Киллиан, я хочу бросить твою задницу и уехать со Скотти в поисках собственной славы?".

— Нет, — бормочу я. — Она не говорила такого, — я поворачиваюсь к нему и хватаю новый медиатор. — Она... Я подтолкнул ее.

— Чувак, я не думаю...

— Всё кончено, — я включаю гитару и добавляю звук на максимум. — Ты собираешься играть или продолжишь доставать меня этими вопросами?

— Разумеется, — говорит Уип, вертя в руке палочки. — Давай играть.

Но всё далеко не так хорошо. Я не могу сыграть больше нескольких аккордов до того, как снова резко вскакиваю на ноги. Мои пальцы шарят по струнам. Я не могу играть. Не хочу, блядь, играть. На сей раз гнев душит меня. Я не могу дышать. Не могу думать. Я едва понимаю, как сбрасываю с себя ремень гитары. Telecaster в руке ударяется о пол с удовлетворительным треском и оглушительной вибрацией.

Гитара разбивается, моя грудь вздымается, но я не чувствую себя лучше. Даже на капельку.

Уип подходит ко мне, разглядывая нанесенный ущерб.

— Думаю, сегодня мы не будем играть. Давай. Полечимся виски, как и положено рок-звездам.

Либби не понравилось бы, что я напьюсь. Но Либби не будет рядом завтра. Я прижимаю пальцы к раскаляющемуся от боли лбу.

— Ага, выпивка кажется хорошим вариантом.



Возвращаюсь к Либби посреди ночи, она спит, и я сворачиваюсь рядом с ней. Мне так приятно ощущать ее, что почти не могу вынести тот факт, что после отъезда девушки я не смогу к ней прикасаться.

Мысль пронзает меня, будто комета, воспалая внутренности. Я, должно быть, издаю какой-то звук, так как она вздрагивает, ее голос тих, когда девушка сонно бормочет:

— Киллиан?

Она поворачивается в моих объятиях, ее тело теплое, пальцы касаются моего лба. Я собирался позволить ей спать дальше, но не могу. Мои ладони скользят к ее щекам.

— Дай мне это, — шепчу я. — Прежде чем уйдешь. Мне нужно это.

Я накрываю ее губы своими. Целовать ее подобно возвращению домой, но у меня никогда не было настоящего дома. Не знаю, является это чувство чего-то правильного домом или нет. Прямо сейчас оно сильнее, с оттенком отчаянья. Я в отчаянии из-за нее. Ее вкус, то, как она движется, тихие звуки и вздохи, срывающиеся с ее уст.

Нет никого похожего на нее. И никогда не будет. Теперь я это понимаю. Возможно, всегда понимал, но сейчас кажется, будто я открываю что-то слишком поздно.

Либби движется напротив моего тела, просыпаясь в моих объятиях, и целует меня в ответ, ее руки бродят по моим предплечьям, шее, спине, словно она не может найти им место. Мы движемся неспешно, растягивая момент, запоминая друг друга. Я наклоняю голову и открываю ее рот шире, углубляя поцелуй, беру больше. Мне нужно всё это.

Кровать скрипит, когда перекатываюсь поверх Либс и размещаюсь между ее бедер. Она ахает мне в рот, и я глотаю ее дыхание. Хочу этого, и прямо сейчас мне даже на половину недостаточно всего. Отрываясь от ее губ, я откидываюсь назад, чтобы стянуть ее футболку через голову. На ней моя футболка. Потертая старая вещь, которую носил на пляж в начале нашего знакомства. Должно быть, она значит что-то для Либби, раз девушка постоянно ее носит.

Я тяну за подол. И она оказывается голой подо мной. Мои руки порхают по ее атласной коже. Идеально.

Во тьме я составляю карту ее тела своими пальцами и губами, целую вдоль ее изящную шею, линии ключицы. Я трачу время на места, о которых часто забывал — центр ее груди, где чувствуется биение сердца, мягкий, ароматный изгиб ее груди.

Кожа на внутренней стороне руки похожа на чистый шелк, Либби дрожит, когда я провожу кончиком языка линию до ее локтя. Она выдыхает мое имя, ее пальцы зарываются в мои волосы и массируют напряженное место на затылке. Ее бедра широко раздвигаются подо мной, а тело кажется податливым. Влажное тепло ее киски прижимается к моей груди, взывая о внимании.

Я скольжу ниже, облизывая и покусывая ее плоть. Люблю то, как она извивается. Знаю, насколько сильно она ждет, когда я достигну своего пункта назначения. Это словно маленькая игра, в которую мы играли много раз: на сколько мы сможем ее растянуть, как долго сумеем прикасаться друг к другу, но не трогать тех мест, которых жаждем больше всего.

Я прижимаю губы к твердому изгибу ее набедренной кости, мои руки крепче обнимают девушку за талию. Черт. Никто не знает ее так же хорошо, как я. И ставлю свою жизнь на то, что знаю ее лучше любого на этой планете. А я отсылаю ее. Она уезжает. Всё так неправильно, что душит меня.

Я пытаюсь не показывать этого. Но не могу остановить пробирающую тело дрожь.

— Киллиан? — ее ванильно-кремовый голос льется через тьму.

Расскажи ей. Расскажи, что она значит для тебя. Что она твой магнит. Что у тебя на теле вытатуирована чертова карта, но ты абсолютно потерял, если ее нет рядом с

тобой. Расскажи ей.

Я втягиваю воздух и резко выдыхаю. Мой рот находит ее влажную припухшую плоть, и я щелкаю по ней языком, нападая так, словно это моя последняя пища в жизни.

Либби задыхается, ее тело выгибается поверх постели. Во мраке ее кожа кажется жемчужно-кремовой, сладкая маленькая грудь вздымается и дрожит от ее движений. Я удерживаю бедра девушки и абсолютно не нежно, а скорее жадно смакую ее тело. И она хнычет, вскрикивает.

Хорошо. Запомни это. Нуждайся в этом. Жажди этого. Знаю, я буду.

Я не позволяю ей кончить. Пока что нет. Когда Либби трепещет напротив моего языка, ее клитор отекает, я отстраняюсь. Она вскрикивает, ее руки тянутся ко мне.

— Шшш, — шепчу я, заползая поверх нее. — Я знаю.

Ее влажная грудь трется о мою, когда зависаю над ней, нуждаясь в контакте кожа к коже. Пульсирующий кончик моего члена находит влажную щелку ее киски, и я толкаюсь без колебаний, даже малейших. Мы оба нуждаемся в этом.

Первый толчок как всегда самый болезненный, потому что он никогда не перестанет ударять меня в самое сердце. Чертово совершенство этой девушки, ее тугая, горячая, влажная плоть. Она словно дом. Ага, она — мой дом. Моё всё.

Она не уклоняется от меня, а наоборот приподнимает бедра, разводит их шире, словно нуждается в каждом предлагаемом мной дюйме. Ее ноги оборачиваются вокруг моего тела, руки хватаются за мои плечи.

— Киллиан.

Мы двигаемся, как один организм, разъединяясь и сплетаясь воедино. Это медленная пытка. Каждый раз, когда отстраняюсь, я чувствую холод. Каждый раз, как толкаюсь в нее, хочу остаться там, запечатлеть себя изнутри.

Мои руки цепляются за ее тонкие плечи. В темноте я нахожу ее. Ее глаза мерцают, когда Либби смотрит на меня, и мы медленно раскачиваемся. Ее дыхание становится моим.

Расскажи ей. Умоляй ее не уезжать.

Я опускаю голову и целую ее, целую, пока не чувствую ничего, кроме ее губ, тела. Целую, пока не могу уже думать о завтра.

Вероятно, я вколачиваюсь в нее. Между нами нет места. Но она прижимается ко мне изо всех сил, не отпуская. Ее губы поглощают меня, сладкая киска доит мой член, когда Либби кончает. И я хочу закричать. Это не может закончиться. Пока что нет.

Но вот я тоже кончаю, так сильно, что мое тело дрожит. Я не издаю ни звука. Не могу. Иначе буду умолять ее.

Я засыпаю в ее объятиях, мои руки так упорно и крепко цепляются за ее плечи, что суставы начинают болеть.

Утром она упаковывает вещи до того, как я встаю с кровати. Вид ее чемоданов свинцом падает в желудок, пока натягиваю джинсы.

— Ты уже уезжаешь? — спрашиваю, указывая на очевидное. Но, Господи, она быстрая.

Либби вскакивает на ноги, словно уже собирается идти к двери.

— В любом случае твой рейс сегодня вечером. Скотти заказал нам билеты на утро.

Верно. Потому что теперь он — тот, кто планирует всё вместе с ней. Он — ее менеджер. Прямо сейчас он *должен* продумывать ее жизнь. Он делал это же для меня. Зеленый оттенок ревности затуманивает зрение.

— Тогда ладно. Думаю, тебе пора.

Либби кивает и хватает ручку чемодана.

— Хорошего полета.

— Ага, тебе тоже.

Черт, мы уже разговариваем, будто незнакомцы.

Она смотрит на дверь, и небольшая улыбка растягивает ее красивые губы.

— Кажется, нам суждено всегда покидать друг друга.

Так останься. Скажи, что не можешь жить без меня, как и я не могу жить без тебя.

Но она не остается. Как и я. Хотя стоило бы. Мое сердце говорит, что я дурак, потому что не рассказываю ей, что чувствую. Но я уже слишком сильно подтолкнул и надавил на Либби. Ей нужно это, и я отказываюсь стоять у нее на пути просто потому, что мне больно.

Если ты любишь кого-то, то отпускаешь его на свободу. Разве не так говорят? Что, если тому суждено быть, человек вернется. Хотя прямо сейчас мне это не помогает.

— Ладно... — я делаю неловкий шаг в ее сторону, когда она наклоняется, чтобы обнять меня. Мы встречаемся на полпути, наши губы соприкасаются, ее нос натывается на мой. Быстро, почти безлично. Капец, как отстойно.

— Позвони мне, — говорю ей.

Ее взгляд опускается на пол.

— Позвоню.

Последние неловкие объятия, и затем я отступаю, засовывая руки в карманы. Не горжусь этим, но знаю, что не способен отпустить ее, если сперва не отойду на расстояние. Я не наблюдаю за тем, как она уходит, просто отворачиваюсь и направляюсь в ванную. Но слышу, как закрывается дверь, и как глухой звук громко и четко раздастся в пустой комнате.

Глава 27

Либби

Когда сажусь в самолет, осознаю две вещи: я позволила Киллиану уйти без борьбы, и он сделал то же самое по отношению ко мне.

В тот момент всё это казалось очень самоотверженным. Теперь же я чувствую себя так, словно проглотила лезвия бритвы. Почему мы просто не поговорили друг с другом? Почему не стали бороться? Почему он не спорил?

Неуверенность в себе — не мой друг, но она шепчет на ухо. Сожалеет ли Киллиан о том, что поставил столько на кон ради меня? Снова подверг свою группу трудностям из-за меня?

Я наклоняю голову к маленькому иллюминатору и закрываю глаза. Когда разрывы вообще приводили к чему-либо хорошему? Разве это не еще один способ попрощаться?

Самолет взлетает, и я чувствую, что оставила позади огромный кусок себя.

Лос-Анджелес... не то, чего я ожидала. О, я думала здесь будет солнце, море и пальмы. И холмы! Но я не осознавала, что огромная часть Лос-Анджелеса представляет собой длинные, слегка потрепанные торговые центры.

Всё меняется, когда Скотти регистрирует нас в отеле Vel-Air. Это место прекрасно: роскошные сады, возвышенная архитектура и показушный черно-белый стиль в интерьере. Должно быть, он дорогой до чертиков, но Скотти пояснил, что оплачивает счета до тех пор, пока мы не подпишем контракт со звукозаписывающей компанией. А Скотти *не* терпит

отказов. Так он говорит, когда мы расходимся по своим номерам.

В моем номере есть собственная садовая терраса с небольшим джакузи, гостиная и камин. Мне мгновенно хочется сделать снимки и показать Киллиану. Ему бы понравилось это место. Но тут до меня доходит, что, вероятно, он останавливался здесь множество раз.

А я нет. Мне нужно покончить с этим. Одним махом. Если продолжу звонить ему, то еще сильнее захочу оказаться с ним рядом. В конечном итоге ляпну что-то глупое типа "прошу, прими меня обратно!".

Я убираю телефон и долго принимаю ванную. Здесь и сейчас я решаю, что если даже у меня будут деньги на то, чтобы построить дом своей мечты, я спроектирую его по принципу этого места. Просто мне не совсем нравится расположение данного отеля.

Чуть позже мне в номер приносят впечатляющий кобб-салат с омарами, а потом я встречаюсь со Скотти в лобби.

Этот парень выглядит здесь как дома, в своем кремовом костюме тройке, сером шелковом галстуке и небесно-голубой рубашке. На нем мокасины и солнцезащитные очки. Всё это выглядело бы нелепо на простых смертных, но не на Скотти.

— Ты уверен, что никогда не работал моделью для Dolce&Gabbana? Потому что выглядишь в точности, как их модели...

— Не произноси это название, — восклицает Скотти, глядя на меня из-за очков. — Никогда.

— Ты только что дал мне в руки рычаги воздействия, — отвечаю, напевая, пока он ведет нас на улицу к ожидающему седану Mercedes.

— Я заполнил целое кладбище музыкантами, которые пытались дразнить меня, мисс Белл.

Он не выглядит серьезным. Конечно, из-за очков сложно сказать точно.

Мы направляемся в студию звукозаписи, и я пытаюсь не глазеть, как какой-то шпион, на нескольких проходящих мимо известных актеров и двух моих любимых певцов, что болтают в комнате отдыха из стекла и стали.

— Сюда, — Скотти заводит меня в небольшую личную кабинку, где нас ждет мужчина.

Он выглядит так, словно ему за сорок — с лысиной (с проблесками седины в волосах по бокам) и холодными голубыми глазами. Эти глаза фокусируются на мне, и я могу заметить в них острый интеллект. Он встает, когда мы заходим.

— Скотти. Рад тебя видеть.

Они обмениваются рукопожатиями, а затем мужчина обращает свое внимание на меня.

— Это мисс Либерти Белл, — говорит Скотти.

— Миленькое имя, — он жмет мне руку. Его рукопожатие быстрое и крепкое. Улыбка подлинная. — Вы вдвоем его придумали?

— Нет, сэр. Эта честь принадлежит моим родителям.

— А еще и сладкий, как мед, голосок. Великолепно.

Я могла бы обидеться, если бы не было очевидно, что он просто выявляет, как раскручивать меня.

Скотти жестом предлагает мне сесть, и двое мужчин сразу же следуют моему примеру.

— Это Харди, — говорит мне Скотти.

— Как "Харди Дженнс. С двумя Н?" — да поможет мне господь, я показываю ему средний палец. Морщась. Затем опускаю палец. — Простите...

— Дай угадаю, — перебивает меня Харди, криво улыбаясь. — Ты ненавидишь, когда так

делают.

Я тоже улыбаюсь.

— Это хреновый способ смешивать цитаты из фильмов.

Скотти смотрит на нас, выражение его лица такое же, как и всегда.

— Когда закончите потешаться над фильмами восьмидесятых, буду рад приступить к делу.

Мы с Харди шокировано моргаем.

— Черт, Скотти, — говорит Харди, смеясь, — я и не представлял, что ты опустился до просмотра фильмов восьмидесятых.

— Ммм... — мычит Скотти с каменным выражением лица. — А иногда я слушаю рок-музыку. Представьте только.

Харди наклоняется ко мне ближе.

— Предупреждаю, если слишком много дразнить тигра, он нападет.

Мне нравится Харди, его легкий юмор и добрые глаза. В нем нет ничего от того, что я слышала от родителей насчет продюсеров звукозаписи — он не эгоистичный деятель искусства, которому по душе запугивать музыкантов.

Данная мысль забавляет меня, и я на самом деле поворачиваю голову, так как какая-то глубоко похороненная часть моего разума ожидает увидеть рядом Киллиана, разделить с ним этот миг. Но его тут нет. Его отсутствие холодом обдувает кожу, и моя улыбка увядает.

К счастью, ни один из мужчин в комнате, кажется, не замечает.

— Харди — отличный продюсер. Мы обсудили твои варианты.

— Я видел видео, где ты играешь с Килл-Джон, Либерти...

— Зовите меня Либби. Прошу.

— Ладно, Либби, у тебя есть голос и естественное звучание, которое парни вроде меня мечтают развивать, — его холодные глаза мерцают волнением. — У меня есть несколько идей, которые хотел бы реализовать для тебя.

— Я в игре, если и вы.

Это прозвучало нормально? Внутренне я дрожу, как лист на ветру. Если мне удастся пройти через это, не захихикав, словно дура, я буду счастлива.

Скотти что-то набирает на телефоне, но бросает взгляд на двери, когда они открываются и появляются еще трое мужчин.

— Ах, да, — Скотти убирает телефон. — Твоя резервная группа. Том играет на гитаре, Мерфи — на басах, а Джефферсон — на барабанах.

Ребята становятся в шеренгу. Они все старше меня, очевидно, опытные музыканты. Ребята по типу моего отца, работающие в индустрии, но не пытающиеся сделать ставку на славу. Мгновенно я чувствую себя в некотором роде комфортно. Глядя на Скотти, я понимаю: он точно знал, что делал, когда их нанял. И у меня появляется внезапное желание поцеловать его красивую щеку. Если бы не знала, что это до чертиков его смутит.

— Ты похожа на свою мать, — говорит Том, садясь.

Удивление покалывает мою кожу.

— Ты ее знал?

Из них троих он самый старший, вероятно, ему около сорока.

— Я знал и твою маму, и отца. Марси и Джордж были настоящими талантами, — его карие глаза становятся серьезными. — Мне было жаль услышать об их кончине.

— Спасибо.

Мерфи и Джефферсон тоже садятся.

— Марси и Джордж, — говорит Джефферсон. — А тебя зовут Либерти. Это какая-то шутка на счет Джорджа и Марты Вашингтон?

— Знаешь, ты первый человек, который на самом деле понял суть, — говорю, смеясь. — Большинство сосредотачиваются на моем полном имени.

— Меня назвали в честь Томаса Джефферсона, — говорит он. — Так что я тоже знаком с пытками.

— Дерьмо, по крайней мере, вас не назвали в честь места зачатия, — добавляет Мерфи. Высокий жилистый парень усмехается мне из-за ниспадающей пелены белокурых волос.

Мы все размышляем об этом секунду, а затем я в ужасе стону.

— О мой бог, они не назвали тебя в честь кровати Мерфи, правда?

Его щеки становятся румяными.

— Черт, да, назвали. Зачем им нужно было делиться со мной данным маленьким фактом — вот, в чем вопрос.

— И все же ты делишься им с нами, — говорит Харди.

— Теперь моя боль — ваша.

Смеясь, мы переходим к обсуждению грандиозных планов Скотти на мой счет, они включают в себя разработку новых песен, звукозапись и, в это же время, начало публичной активности в виде появлений в небольших клубах и участия в ток-шоу.

Все это кажется утомительным и волнующим. Ребята, которых нанял Скотти, оказывают поддержку и, очевидно, очень талантливы. Прямо мечта, ставшая явью. Но дыра в моем сердце всё еще кровоточит, постоянно и холодно. Я говорю себе, что переживу, но это кажется ложью.



Киллиан

Зверь ушел. Его место занял океан людей. И бескрайнее море извивающихся тел, кричащих для Килл-Джон, выкрикивающих мое имя. Я должен ответить. Они ждут этого.

— Привет, Лондон, — мой голос эхом отдается в море, и оно рычит в ответ.

Они хотят меня, обожают. Но впервые в жизни мне нет до этого дела.

— Привет, это Киллиан. Видимо, мои стремления курицы-наседки слишком сильны. Ты сказала, что позвонишь. И не позвонила. Сообщи, в порядке ли ты. Вот и всё, чего я хочу, а затем прекращу тебя донимать.

— Привет. Это Либби. Ты не ответил, так что оставляю сообщение здесь. Моя резервная группа замечательная. Ребята очень милые. Не такие, как твои, но похожи. Я была на своем первом ток-шоу. По ощущениям — как полнейшая подделка. Но опять же, актриса, которая выступала до меня, была настолько недалеко, что интерн буквально тыкал пальцами ей в лицо, чтобы заставить хоть как-то реагировать. Хотя после этого она очнулась. Дыхание ведущего пахло тапиокой. И это странно. Я никогда даже не пробовала тапиоку. Откуда мне известно, как она пахнет? Но эта мысль первой пришла в голову, когда учуяла тот запах. В любом случае, пойду спать.

— Черт, афтерпати такие громкие. Прости, Либс, пропустил твой звонок. Включил звук рингтона по максимуму, и всё равно не услышал. Уип записал шоу на DVR в автобусе. Ты была невероятна. Хотя мне не по душе то, как тапиока-парень смотрел на твою грудь. В следующий раз, когда буду на этом шоу, могу случайно врезаться ему по яйцам. Либби, правда, я...

— У тебя ужасная мобильная связь. Я услышала только что-то на счет Уипа, невероятно и яйца. А затем всё оборвалось. Не уверена, что хочу знать. Вру. Хочу. Скажи мне, что ты еще не перепрофилировался на яйца. О, и передавай привет ребятам. Мне пора.

- Связь со штатами здесь — отстой. Не могу дозвониться в половине случаев. И... Ребята, вы не заткнетесь? Я говорю по телефону. Прости. Я пытаюсь найти приватное место. Перезвоню, когда вернусь в свой номер, но разница во времени — тоже пиздец. Уверен, ты спишь прямо сейчас. Дерьмо. Обрывается... Я...

- Пытаться созвониться — какой-то гиблый номер, угу? Может, попытаемся поговорить, когда все уляжется? И... ну, если мы и вправду решили взять время на то, чтобы понять себя, возможно, нам пока что не стоит разговаривать так много. Не то чтобы я не хочу с тобой говорить. Просто... Мы оба заняты. Я мямлю, потому лучше положу трубку прямо сейчас. Береги себя, Киллиан.

Я прослушиваю ее последнее сообщение трижды. И легче всё не становится. Я ее потерял. Не знаю, это из-за того, что отослал ее или потому что она попросту осознала, что не испытывает ко мне столь же сильных чувств, как я к ней.

Мне хочется спросить — нет, потребовать, — чтобы она мне рассказала. Хочется прояснить это и угмониться. Но я не могу сделать этого по телефону. И не могу покинуть тур. Не могу так поступить с ребятами.

Мой большой палец постукивает по краю телефона, когда думаю, что сказать.

«Я пока что отпущу тебя. Но пиши мне, если что-нибудь понадобится. К.»

Когда она не отвечает на мое сообщение, я бросаю телефон в другой конец комнаты. Дверь гримерки открывается перед ударом, и телефон попадает в центр груди Джакса. Он хмурится на мобильник, который загремел на пол, а затем смотрит снова на меня.

— Фанаты ждут встречи с тобой, чтобы поприветствовать.

И словно подтверждая его слова, группа женщин у него за спиной машет руками и хихикает. Их улыбки нетерпеливы и все направлены ко мне. Все они блондинки, все красивы, они шепчутся на языке, который я не понимаю. На норвежском. Мы в Норвегии.

Я тру ноющее место в груди. Черт. Мне нужно прекратить преследовать Либби. Она занята обустройством своей жизни. Жизни, которую я отправил ее строить. Моя же жизнь здесь. Нужно делать то, что я всегда делал. Я жил без нее и был в порядке в течение двадцати шести лет. И могу выжить сейчас.

— Верно, — я наклеиваю на лицо улыбку и не снимаю ее. Не хочу касаться этих женщин. От одной мысли меня тошнит. Но я могу сыграть гостеприимного хозяина. Могу сделать это ради ребят. — Добро пожаловать, дамы.

Глава 28

Либби

Я устала. Так устала, что половину времени не помню, где нахожусь. Всё как в тумане. Я живу в этом странном облаке, заполненном кучей незнакомцев и наигранных улыбок — моих фальшивых улыбок. Я раздаю их, словно политик агитационные значки. И чувствую себя при этом крайне мерзко.

Теперь я сама по себе. Но не так, как было, когда умерли мои родители, и я ощущала себя совершенно одинокой. Неважно, что вокруг меня толпы народа, а мой график забит. У меня нет того единственного человека, которого я хочу видеть рядом. Черт, я даже скучаю по ребятам. Сильно.

Моя резервная группа замечательная. Но они не настоящие друзья. Когда работа завершается, они направляются домой к семьям. А Скотти — мужчина, обитающий сам по себе. Станным образом он сильно похож на меня. Не застенчивый, не антисоциальный, нет, скорее просто самодостаточный и ценящий личное пространство. Я, конечно, не могу бросаться в него камнями. Но он никак не идеальный компаньон.

— Всегда так? — спрашиваю у него, когда уходим с очередной вечеринки на холмах.

Дом был красив до того, что перехватывало дух, а люди даже еще более впечатляющие. Я встретила нескольких актеров, фильмы с которыми смотрела с детства и тех, которые стали популярны совсем недавно. Так много великолепных людей, что я даже не знала, что

делать с собой или что сказать. Не то чтобы мне вообще нужно было много разговаривать. Большинство этих людей любят слушать свою болтовню.

Всю ночь я должна была сдерживать порывы повернуться и прошептать комментарий на ухо Киллиану. Ведь его там не было. Почему мой разум и тело, кажется, не могут осмыслить этого?

— Что "всегда так"? — спрашивает Скотти, погрузившись в копание в своем календаре.

— Бесконечное давление, — я снимаю туфли с ног, морщась. Спасибо Бренне, теперь у меня есть собственные Лабутены. Моя признательность за них умерла в первый раз, как я их надела. — Два месяца мы находимся в данном состоянии. На данный момент я чувствую себя как скользкий продажник.

Губы Скотти изгибаются.

— Мне так нравятся твои выражения. Не переставай их употреблять. Они добавляют колорита твоей личности.

— Приятно знать, — бормочу я, затем толкаю его руку локтем. — Я говорю с тобой. Высунь голову из телефона. Это некрасиво.

Господи, Киллиан, должно быть, научился у Скотти так деспотично изгибать бровь. Этот мужчина абсолютно бесстрастен. Он убирает свой телефон.

— В чем проблема, мисс Белл?

— Я хожу на шоу, которые вы с Бренной планируете для меня, посещаю вечеринки, которые, по вашему мнению, мне нужно посетить, и чувствую... Не знаю. Что притворяюсь. Словно я притворяюсь всё это время.

Скотти смотрит на меня, пока арендованная нами машина движется зигзагом по горной дороге. Когда он нарушает молчание, его тон мягче, чем я ожидала:

— Ты притворяешься.

— Прости?

— Успокойся, — Скотти откидывается на спину, закидывая одну ногу на согнутое колено второй. — Здесь просто Либби и Габриель...

— Это твое имя? Я даже не знала твоего имени?

Он сжимает переносицу.

— Возвращаясь к вопросу...

— К слову, сколько тебе лет?

Его взгляд может превратить в лед.

— Двадцать восемь.

— Да не гони. Серьезно? Я думала, тебе за тридцать.

— Мы видим то, что хотим видеть. И если ты хорош, люди видят то, что *ты* хочешь, чтобы они видели. С моей работой, если я буду казаться немного старше, то получу больше уважения и доверия. Всё фигня, но внешность в этом мире очень важна, — он фокусирует на мне взгляд. — В этом состоит моя точка зрения. Звезды — это иллюзия, идеал, тщательно культивируемый людьми наподобие меня и Бренны. В частном общении ты можешь быть самой собой. Но как только выходишь на публику, то становишься Либерти Белл, талантливой наивной девочкой...

— Эй! Я могу быть сложной личностью.

— Которая, — перебивает он меня, — завоевывает музыкальный мир своим уникальным голосом. Вот и всё, что они узнают. Потому что ты покажешь им лишь это.

— Я просто хочу быть собой.

— Ты не понимаешь. Ты являешься собой. Просто другой версией себя. Это броня, Либби. Если ты отдашь им всю себя, мир выпьет тебя до дна. Но если будешь ходить на эти мероприятия и вести себя, как часть — то, что все они делают точно также — у тебя появится определенная свобода. Это не настоящее. Потому что это поддельная ты: ненастоящую тебя будут постоянно судить, за ней будут наблюдать.

Я размышляю над его словами. Мои внутренности всё еще окружает дыра одиночества.

— Так поступает и Киллиан?

Взгляд Скотти становится резче.

— Не с тобой. Или его близким окружением. Но ты должна была заметить разницу в том, как он ведет себя со всем остальным миром, — рука Скотти тянется к телефону, который он оставил лежать на сидении. — И у него были годы практики. Он знает, как много может отдать, не потеряв себя.

Я не так в этом уверена. Он потерялся, когда я нашла его на лужайке. Я видела, как он пришел в себя снова, видела, как тени покинули его глаза. Вместе мы были счастливы, уверены и живы. И я его покинула. Точно так же, как и он меня.

Вдруг мне больше не хочется разговаривать. Я просто хочу забраться в кровать и спрятаться под одеяло, делая вид, что не тянусь постоянно к тем, кого нет рядом.



Скотти прав. Минуют дни, но легче не становится. Это не совсем весело, но и не настолько мучительно, как я себе воображала. И когда я выступаю, даже самостоятельно, восхищение зрителей — прекрасно. Киллиан был прав, *это* вызывает зависимость и почти также приятно, как секс с ним. Но я знаю, что эта капля удовольствия лишь на какое-то время. И хотя я чувствую себя на своем месте, что-то всё равно не так. Я не могу убрать пустоту внутри себя — пустоту, которую не испытывала ранее.

Неделю спустя Скотти оставляет меня, чтобы проверить, как там Килл-Джон в Лондоне. Мне приходится задействовать всю волю, чтобы не умолять его взять меня с собой. Бренна остается со мной вместо него. И хотя я скучала по ней и полюбила ее общество, ее присутствие — еще один шип в мой бок. Всё это время она была с ребятами, с Киллианом. Я постоянно хочу спросить о нем. И постоянно сдерживаюсь. Зовите это гордостью, но не хочу слышать о нем из вторых уст.

Сегодня вечером Бренна ведет меня в клуб. Я ее не виню. Так ребята расслабляются после работы. А я? Я бы скорее играла на гитаре у себя в номере.

В этом месте даже пол вибрирует от громкости музыки. Тела извиваются, смех

раздается разрозненными импульсами. Повсюду красивые люди, одетые с иголочки и с идеально отрететированными улыбками, широкими и наигранными, глазают друг на друга. Наблюдай и находишься под наблюдением.

Ненавижу это. Тоска по родному крыльцу дома поражает меня так сильно, что боюсь задохнуться.

— Я не могу здесь оставаться, — говорю Бренне.

Она кивает.

— Слава богу. Правда, я начинаю ненавидеть это дерьмо.

Мы разворачиваемся, и Бренна вызывает нам машину.

Возвращаясь в свой люкс, я долго принимаю душ. Кажется, не получается смыть эту духоту с кожи. Меня одолевает отвратительно ощущение, что моя жизнь стала пустой. Я одеваюсь в любимую футболку с изображением Звездных войн, которая когда-то принадлежала Киллиану. Мягкий хлопок ласкает кожу, когда я натягиваю спортивные и возвращаюсь в гостиную.

Бренна приветствует меня коктейлем. За всё это время она приготовила для меня слишком много подобных коктейлей на вечеринке жалости к самой себе. Я принимаю бокал из ее рук, мои пальцы касаются его прохладной поверхности, когда волна тошноты накрывает меня столь резко, что сгибаюсь пополам.

— Я не могу, — плачу я, скрючиваясь на полу.

В одно мгновение Бренна опускается на колени рядом со мной. Ее рука круговыми движениями растирает мою спину, пока я пытаюсь восстановить дыхание.

— Что такое, Либс?

— Боже, не зови меня так, — я не могу слышать прямо сейчас то прозвище, что мне дал Киллиан.

— Ладно. Ладно, — она продолжает успокаивать меня, словно я окончательно свихнулась.

Глубоко вдыхая, убираю волосы от лица и сажусь на пол. У ковра имеется пушистый слой, как и у большинства отельных ковров. Я обнимаю себя за колени.

— Извини. Я не собиралась сходить с ума.

Бренна копирует мою позу, ее высоченные каблуки втыкаются в ворс.

— Подобное меня не волнует. Я беспокоюсь о том, *из-за чего* ты сходишь с ума.

— Не знаю, — я вытираю слезящиеся глаза. — Я только что видела, как сама пила напиток за напитком. Так же, как делал мой отец. Так обыденно, словно не велико дело...

— Ты — не твой отец, — возражает Бренна. — И ты далека от алкоголизма. Поверь, я видела многих алкоголиков на своем веку.

Пытаюсь улыбнуться, но не могу.

— Что такое, Либби? Расскажи мне.

Я рассеяно тру колено большим пальцем.

— Гитара была у меня в руках еще с тех пор, как я научилась писать. Я никогда никому этого не рассказывала. Но это так. Музыка была способом общения в моей семье. Родители умерли, и я просто отпустила ее. Пока не встретила Киллиана.

Я поднимаю взгляд на Бренну.

— Моя мама не хотела для меня этой жизни. Она думала, что это слишком сложно, бездушно. Как и папа. Но он считал, что такая жизнь вызывает слишком сильную зависимость. И я рассказывала тебе, что сопротивлялась тому, чтобы оказаться здесь, так как

боялась и стеснялась. Но они постоянно предупреждали, что если я попытаюсь так жить, то потеряю себя.

— Либби, — тихо произносит Бренна. — Опыт твоих родителей не должен стать твоим. Чего ты хочешь? Если хочешь уйти и вернуться в деревенский домик, ты можешь это сделать.

Закрывая глаза, я могу увидеть золотой прибрежный свет, что проникает сквозь старые окна дома бабушки, изношенные половицы, потертый сельский стол, на который я ставила тарелку с печеньями для Киллиана. Эхо его смеха преследует мои воспоминания.

— Я была там в отпуске, — говорю Бренне. — Это была ненастоящая жизнь.

— Тогда что подходит для тебя?

— Я люблю петь, создавать музыку, выступать. Киллиан увидел это во мне, тогда как я сама не могла разглядеть. Но эта жизнь прямо сейчас? Пустая. В ней нет... Нет его.

Я скучаю по Киллиану почти до смерти. Мы не разговаривали какое-то время и всё из-за меня и моей гордости. Мне всё еще больно, что Килл оттолкнул меня.

Найди же себя, задница.

Я нашла себя с ним. Но позволила ему уйти. Тот факт, что мы оба, кажется, просто взяли и сдались, угнетает. Возможно, нам не суждено быть вместе.

Молчание сжимает, как тиски.

— Ты должна знать, что Киллиан от тебя без ума, — наконец произносит Бренна.

— Я так думала, — отвечаю напряженно. — Но если бы он был на самом деле без ума от меня, то не сказал бы уехать и жить своей жизнью без него. Правда же?

— Что? — она кажется шокированной.

Моя грудь сжимается, и мне приходится рассказать ей остальное.

— Он мог сказать, что мы встретимся в конце тура. Но не сказал. Вместо этого он говорит мне, что мы должны использовать время на переосмысление своих желаний.

Я не произношу слова о том, как хреново чувствую себя после его поступка.

— Он оттолкнул меня.

Бренна смотрит на меня в течение долгого мгновения.

— Я знаю своего брата. Он бы никогда не поступил так с женщиной. Никогда. Если он так сказал, то, вероятно, пытался сделать что-то благородное, освободить тебя.

Я невесело смеюсь.

— О, он определенно отпустил меня на свободу.

— Нет, — произносит она осторожно. — Я имела в виду, он сказал тебе такое, потому как думал, что тебе необходимо было услышать это, чтобы уехать. Киллиан считал, что так будет лучше для тебя. А не из-за того, что не хотел тебя больше. Это очень в его духе — великодушно, но неуклюже, — она толкает мою руку локтем. — Ладно тебе, Либби, он будет здесь в долю секунды, если ты попросишь, и тебе об этом известно.

— Бренна, мой папа пил, чтобы сбежать от реальной жизни со мной и мамой. Не могу быть бременем еще для кого-либо. Не могу. Я хочу, чтобы Киллиан знал, что я в порядке сама по себе. Что могу справиться и без того, чтобы он держал меня за руку.

— Но ты не в порядке, — красивое лицо Бренны морщится. — Ты несчастна.

Я встаю и отряхиваюсь.

— Знаешь, что? Это так. Я скучаю по Киллиану так сильно, что это съедает меня заживо. Но хуже всего то, что я жалею себя. Кисну, как какая-то тряпка.

Лицо Бренны меняется.

— Ладно...

— Завтра идем на Позднее Ночное Шоу?

— Да.

— Устроишь, чтобы Киллиан увидел меня? — знаю, она может. Между ней и Скотти, они могут захватить мир, если пожелают.

— Конечно.

— Тогда ладно. Я прорепетирую песню.

Направляюсь в свою комнату. Но одно ясно наверняка — плотный пузырь, в котором я держала свои эмоции, лопнул. И теперь ничего не может сдержать эту волну. Мне нужно найти обратную дорогу к счастью.

Глава 29

Киллиан

Не представляю даже, куда нас черти занесли. И мне реально без разницы. Джакс как обычно может кричать: "Привет, вставьте какой угодно, на хрен, город". Наша гримерка похожа на все остальные — полная хлама и людей, которым не нужно находиться здесь.

Пронзительный смех бьет по нервам. Я не забочусь о том, чтобы взглянуть на смеющегося. Скотти принес небольшой телевизор. Либби сегодня почувствует в Позднем ночном шоу. Она в Лос-Анджелесе. Я в Нью-Йорке. В нескольких часах от нее.

Скотти кивает мне, включает телевизор и садится на стул рядом, скрещивая ноги, словно какой-то ублюдок, коим он, по сути, и является.

На экране публика хлопает, а об участии Либби уже объявили. И вот она выходит на крошечную сцену хорошо знакомым мне размеренным шагом. Бренна разработала для нее образ: ниспадающий, почти богемный сарафан длиной до колен и грубые ковбойские сапоги. Либби в ее чистой форме.

Моя грудь сжимается от ее вида, укол тоски пронизывает сердце. Так больно ее видеть. Я взволнованно прибавляю громкость, когда она кивает зрителям.

Либби играет несколько аккордов на своей Martin, затем наклоняется ближе к микрофону. Ее красивые губы такие гладкие и розовые, и призрак их прикосновения щекочет кожу моей шеи.

— Мой самый лучший друг преподавал мне этот урок, — произносит она сладким ванильно-кремовым голосом. — Просто мне потребовалось время, чтобы в это поверить.

Мое сердце гулко и быстро стучит. Это я тот самый друг? Ненавижу, что спрашиваю себя об этом. Боже, пусть это буду я.

Либби начинает петь песню Принца "Cream". Идеальная тональность и исполнение. На ее губах играет легкая улыбка, почти кривая, но сладко-горькая. И она смотрит в камеру — прямо в объектив, словно наконец-то овладела своим талантом. Ее песня подтверждает это, слова рассказывают о шансе достигнуть того, чего хочешь в своей жизни.

Волосы у меня на затылке встают дыбом. Дрожь бежит по телу так же сильно, как в тот момент, когда я впервые вышел на сцену. Я на самом деле могу почувствовать, как мир переключается, изменяя ее и мою жизнь во что-то новое. Снова.

Девушка пытается повиснуть на моей руке. Но я отмахиваюсь, не отводя взгляда от

экрана.

— Видишь ее? — говорю, не обращаясь ни к кому в частности. — Вот это моя девушка.

Разве она не охренительно сияет?

Уип опускает взгляд на экран и гордо улыбается.

— Это она, мужик.

Я поворачиваюсь к Джаксу.

— А я заставил ее почувствовать себя так, будто не хотел ее, отправляя куда подальше.

Потому что идиот.

Джакс вздыхает и проводит рукой по волосам.

— А я мудака. Киллс, мужик, я предложил ей покинуть тур. Сказал, что она будет тебя отвлекать. Но это исходило от моего собственного внутреннего дерьма, того, что пытается вернуть всё, как было раньше.

Мне стоит разозлиться. Но я так устал делать вид, что всё в порядке.

— Мы разбиты, Джакс, — говорю я ему, пока смотрю на экран. — Мы снова соберем себя воедино, но уже никогда не станем прежними.

— Блядь. Знаю.

Поражение в его голосе вынуждает меня толкнуть его плечо своим.

— Мы уже не те, кем были. Мы стали лучше. Эволюция, Джакс. Не регресс.

Он качает головой, но борется с улыбкой.

— Всё равно, прости. Я тоже по ней скучаю.

Дымчатый голос Либби снова привлекает мое внимание.

— Она предначертана мне. Это ясно. Я был ее с той секунды, как она облила меня из шланга и разбудила. Моя жизнь больше не жизнь без ее присутствия.

— Знаем, мужик. Мы все это знаем, — Джакс кладет руку мне на плечо. — Отработай это шоу, а затем езжай к своей девушке.



Либби

Уходит вечность на то, чтобы смыть макияж с лица. К тому времени, как заканчиваю, моя кожа розовая, словно злится на меня. Но я чувствую себя хорошо. Легко. Иногда требуется вся жизнь, чтобы решить стать ее хозяином. И тогда всё меняется. Поймет ли это Киллиан? Я пела эту песню для него и в равной степени для себя, пытаюсь рассказать ему,

что наконец-то взяла всё в свои руки. Жизнь — это не то, чем ты занимаешься. Теперь я это понимаю. Благодаря нему.

Я слышу, как Бренна заходит в номер, и выхожу к ней. В одной руке у нее коробка с пиццей.

— Твое выступление было невероятным, — она танцует победный танец, и я смеюсь.

— Ты уже три раза говорила это.

— Ты должна втрое почувствовать мое восхищение, — отвечает она, показывая язык. — В противном случае до тебя не дойдет.

— Значит, до меня дошло, — беру пиццу и откусываю большой кусок. Так здорово. Что-то я проголодалась.

Бренна отделяет свой кусок.

— Ребята сейчас в Нью-Йорке.

Я замираю с куском во рту.

— Я думала, они в Лондоне.

— Были. Сегодня утром прилетели в Нью-Йорк для финального концерта тура. Они всегда заканчивают тур в родном городе.

— Верно. Я забыла, — тоска ложится на мои плечи тяжелым одеялом. Я бы отбросила его, если бы могла совладать с данным чувством. Хотя не сработает. Так что откладываю кусок пиццы и ищу воду в мини-баре.

— Сейчас они на сцене, — говорит Бренна, осторожно наблюдая за мной. — Скотти записывает это, так как хотел, чтобы ты посмотрела.

— Скотти? — не могу скрыть скепсис в своем голосе.

Бренна нахально улыбается.

— Уверена, ему приказали это сделать.

— Хммм... — не могу сказать ничего больше. Сама идея, что Киллиан делает для меня еще одну запись, дарит вспышку надежды и боль ностальгии.

Мы сворачиваемся на диване, и Бренна проигрывает видео. Боже, так больно видеть его. Голая грудь блестит от пота, потертые старые джинсы низко висят и красиво обтягивают его почти непристойную выпуклость в районе паха. Он — самая сексуальная рок-звезда. И то, как парень держит черно-белую гитару Telecaster в своих больших руках, подобно музыкальному порно.

Его глубокий, богатый голос посылает дрожь по моему позвоночнику, когда Киллиан наклоняет голову к микрофону.

— Сегодня мы сыграем, чтобы отдать дань. Если знаете слова, пойте вместе с нами.

Не знаю, чего я ожидала, но точно не песню "Дорогая Никки". О, хотя она хороша. Голос Киллиана — чистейший секс, что сочтется из сердцевины порочного греха. И от наблюдения того, что он творит с гитарой? Господи. Жар поднимается по моим бедрам, разливаясь между ногами.

Любимый Зверь Киллиана сходит с ума. Женщины кричат, мужчины поднимают руки в знак солидарности. Они все присоединяются к нему, выкрикивая слова.

Он окончательно рвет аудиторию солом на гитаре, его бедра толкаются вперед, спина выгибается. От эмоций его брови сходятся вместе, и он прикусывает губу. Я видела это выражение раньше — когда он нависал надо мной, кончая и отдаваясь похоти.

Периферическим зрением улавливаю, что Бренна глазеет на экран, а затем снова на меня.

Я не знаю, что сказать. Ком встает в горле. Напряженно его сглатываю, но боль не уходит. Мои руки начинают дрожать.

Киллиан кричит о том, как хочет исполнить еще один раунд.

Песня о дикой шлюшке? О сделке с дьяволом? Незабываемой женщине? Она могла бы нести любой из данных посылов. Дань? Кому? Принцу? Или мне? Я спела песню "Cream" Теперь он поет эту.

— Либс... — говорит Бренна.

Я поднимаю руку.

— Я... гм... Я пойду в постель. Мне нужно подумать... — я больше ничего не говорю. Но оставляю свой мобильный на столе, когда ухожу. Потому что предчувствую, что он позвонит, а мне нечего сказать ему по телефону.

Глава 30

Киллиан

Я хватаю телефон, как только возвращаюсь в примерку. Моя кровь быстро струится, тело гудит электричеством. Приходится метаться из стороны в сторону, чтобы успокоиться. Люди снуют вокруг меня, смеясь, глядя, пытаюсь подобраться поближе. Мне хочется сказать им, чтобы убирались на хрен, но я так занят тем, что пытаюсь дозвониться до Либби. Меня перебрасывает на ее голосовую почту.

Я не оставляю сообщения. Хочу поговорить с ней.

Сядь на стул, я начинаю писать ей сообщение, когда вижу смс от Бренны.

Какого хрена это было? Идиот. (!!!!) >:-(

Я перечитываю сообщение дважды до того, как показать его ребятам.

— Какого черта она на меня орет?

— Чувак, — Рай качает головой. — Я говорил тебе не выбирать эту песню.

— Что не так с "Дорогой Никки"?

Это моя любимая песня из "*Фиолетового дождя*" — альбома, о котором мы говорили, когда впервые обсуждали музыку. Она играла сегодня песню Принца. Я тоже сыграл его песню. Поддержал Либби. Разве это не очевидно?

— Во-первых, — Рай поднимает один палец, — это слишком замысловато.

— Так и должно быть, — протестую я. — Это послание для нее, а не всего остального мира.

— Во-вторых, — говорит он, перебивая меня, — "Дорогую Никки" Принц пел Аполлонии, когда буквально называл ее шлюхой.

Уип кивает.

— Ага, слова же о том, что она хороша лишь для дикого секса.

Я с недоверием смотрю на них.

— Почему вы все не сказали мне это *до того*, как мы спели эту долбаную песню?

— Ты был очень настойчивый, — говорит Рай, пожимая плечами.

— И ты отлично знал слова, — спокойно указывает Уип. — Ты же их пел.

— Конечно, я знаю слова. Я просто не уловил *контекст*.

— Контекст — наше всё, мужик.

Я прижимаю основание ладоней к глазам и пытаюсь не закричать.

— Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо.

Джакс передает мне воду.

— Расслабься. Если она знает тебя так же хорошо, как я думаю, Либс получит твое послание, — он борется с улыбкой. — Такое замысловатое, как оно было.

— Дерьмо.

* * *

— Либс, если получишь это сообщение, перезвони мне. Пожалуйста. Куколка. Пожалуйста. Мне нужно с тобой поговорить. Я...хм... эта песня была для тебя. Дерьмо. Я не собирался называть тебя шлюхой. Ладно? Я пел ее, потому что очень горжусь тобой. Хотел сказать тебе это... Просто позвони мне, окей? Прошу.

* * *

— Либс. Я немного переживаю. Где ты? Возьми свой телефон.

* * *

Ни одного сообщения? Ты меня убиваешь.

* * *

— Элли Мэй, возьми чертову трубку. Перезвони мне. Я сажусь на самолет и направляюсь к тебе. Или сделаю это, как только, черт подери, тебя найду. Блядь, я же сказал тебе, что неверно выбрал ту песню. И хочу всё исправить. Прошу, позволь мне.

* * *

— Я нуждаюсь в тебе, ясно? Вот в чем вопрос. Ты мое всё. Настоящее, будущее — всё. Не шлюха. Я даже не смотрел тот гребаный фильм! Ладно, просто... ага. Позвони мне.



Либби

Нью-Йорк. Один бессонный перелет, и я здесь. Чувствую себя так, будто бежала следом за грузовиком с песком. Глаза болят, я смиренно сижу, пока визажист красит мне лицо. Кто-то еще укладывает мои волосы, пытаюсь создать локоны вокруг лица. Удачи им с этим.

Лучше бы я оказалась в любом другом месте, чем здесь. Но Бренна, теперь коронованная званием Официальная Заноза в Моей Заднице, устроила интервью с журналом "Ярмарка Тщеславия". По ее словам, я могла отказаться. Но это выглядело бы некрасиво. Особенно учитывая колонку сплетен, что показали вчера по TNV.

Мне не нужно было смотреть на нее дважды, чтобы запомнить текст. Этот пиздец вытатуировался у меня в мозгу.

«Прошлой ночью на Позднем Ночном Шоу Либерти Белл, новая любимица музыкального мира, крайне нагло взяла и перепела песню Принца "Cream". В этом не было бы ничего сенсационного, если бы через несколько часов рок-бог и, по слухам, парень мисс Белл, Киллиан Джеймс, не парировал бы ее выступление исполнением песни "Дорогая Никки" во время концерта Килл-Джон в Мэдисон Сквер Гарден.

Еще один вопрос напрашивается сам собой — объявляет ли таким образом Джеймс о своем официальном разрыве с Либерти Белл? Благодарит ли ее за хорошее время вместе? Или просит о еще одном шансе? В любом случае, мы уверены, что преданные фанаты Киллиана, затаив дыхание, ждут возможности узнать, свободен и одинок ли снова их сексуальный идол».

Ну, я не могу винить их за подобную интерпретацию сообщения Киллиана. Но довольно неприятно осознавать, что люди в этом бизнесе вытаскивают всё на поверхность и судят нас. Я чувствую себя обнаженной до глубины души.

Вскоре всё закончится. Я всё еще не включаю свой телефон. Знаю, Киллиан пытается со мной связаться. Но необходимый нам разговор должен случиться не по телефону.

Откровенно говоря, меня тошнит от звонков и смс. Я избегала социальные сети и случайные сообщения все эти годы не без причины. Не хочу быть безразличной и холодной. Не хочу скрываться за экраном. Мне нужен личный контакт, общение лицом к лицу.

Визажист заканчивает, и ассистент с блютусом в ухе усаживает меня на хромированное кресло с кожаной обивкой.

— Вот вода, — говорит он мне, словно я не вижу ведро со льдом рядом с нами. — В

зеленой бутылке очень хорошая. Привезена из Японии и стоит больше четырех сотен долларов за бутылку.

Я воздерживаюсь от комментария о том, насколько грубо говорить мне о подобном, и решаю взять чуть менее показушную бутылку Bling H₂O с впечатляющим логотипом на ней.

Репортер заходит в студию, ее волосы блестят синевой, а улыбка приветственная. Я выпрямляю спину и стискиваю зубы.

Просто пройди через это, и ты будешь вольна уйти. Пройди через это.

— Было немало написано о вашей причастности к Киллиану Джеймсу. Но вы и Джеймс предпочитали помалчивать о данной теме, — репортер обнадеживающе улыбается мне, ее синие волосы ниспадают на один глаз. — Учитывая события прошлой ночи, не хотите ли вы хоть немного просветить нас?

— Осталось уже немного из того, что мир не знает.

Ложь. Но достаточно правдоподобная.

Улыбка репортера искажается, словно у барракуды, что почуяла кровь в воде.

— О, теперь, я не так в этом уверена. После всего, что мы не знаем в вашей части истории.

Нечего терять. Все в выигрыше.

— Что вы хотите знать?

Глава 31

Киллиан

— Ты когда-нибудь думала об этом? — шепчу я. Она сидит передо мной, ее кожа мерцает в вечернем свете, глаза светятся ярче драгоценных камней. Такая красивая, что это разбивает мне сердце. — Размышляла о том, каково это было бы? Ты и я?

— Да.

Я вдыхаю ее запах. Касаюсь ее кожи.

— Ты можешь получить весь мир. Просто дотянись.

— Мне не нужен весь мир, — шепчет она мне на ухо.

— А что тебе нужно?

Я дам ей всё. Всё.

Нежная рука касается моей шеи, мягкие губы составляют карту на моей коже.

— Ты.

— Чувак, нам нужно отсюда убираться, — отдаленный голос Райя доносится до меня.

Я смотрю на телефон, тру большим пальцем экран.

— Чувак?

— Киллиан, — резче произносит Джакс. — Выключи его.

Я провожу рукой по волосам. Сейчас они длиннее, нужно постричься.

— Она мне не отвечает. Не знаю, где она. Бренна не говорит, — мы вернулись в Bowery Ballroom, где начинали этот тур. Воспоминания о Либби наплывают на меня, и я напряженно сглатываю.

На мое плечо приземляется чья-то рука. Глаза Джакса встречаются с моими в

отражении зеркала.

— Как только шоу закончится, мы насядем на Скотти и заставим его капитулировать.

— Ага, — соглашается Уип у меня за спиной. — Этот говнюк точно знает, где она.

Уверен, мы можем сломать Скотти ноги, а мужик так и не заговорит. Он словно чертов айсберг. Из-за дверей гримерки слышны устойчивый хор криков "Килл-Джон, Килл-Джон". Воздух наэлектризован, но я не чувствую знакомого потрескивающего предвкушения.

— Давай, мужик, — Рай хлопывает меня по второму плечу. — Поднимай свою задницу. Хандра лишь разрушает и никого не привлекает.

И это говорит парень, который неделю валялся в постели, когда умер Джон Энтвисл, оплакивая то, что The Who уже никогда не будут прежними. Но он прав. Я собираю себя в кучу, потому что мои парни нуждаются во мне.

Еще одно шоу и свобода. Просто пройди через это.



Либби

В последний раз, когда я видела выступление Килл-Джон, то была окрыленной, наблюдая за ними из-за кулис. Стоять же среди толпы — абсолютно иной опыт. На сцене энергия зала накатывает на тебя, будто волна. Среди народа я чувствую полную силу власти Килл-Джон. И это вызывает трепет вдохновения.

Глубокий, сочный вокал Киллиана сочетается с грубой мелодией Джакса. Вместе они — ярость и тоска. Уип бьет по барабанам в идеальном ритме, пока причудливая основная мелодия в исполнении Райя поддерживает всё это в едином потоке. Это технические аспекты. Но истинная правда их музыки не может быть определена. Вы должны ее почувствовать.

Она подхватывает меня, и я неосознанно начинаю танцевать вместе с толпой. Скотти назначил мне огромного охранника по имени Джо. Сейчас он рядом — блокирует других людей от того, чтобы они подходили ко мне слишком близко и наступали на ноги. Это мило, но не обязательно. Клуб маленький и не настолько переполнен, чтобы я не могла двигаться.

Килл-Джон заканчивают играть "Океаны", и потный Киллиан снимает свою влажную футболку. Предсказуемо отовсюду раздается свист. Его губы изгибаются, но он не отвечает на реакцию толпы, вместо этого наклоняясь и отпивая воды.

Я стою перед центром сцены, и мне видны весьма очевидные тени под его глазами и

складочки вокруг губ. И хотя никто бы не заметил этого, могу сказать, что ребята обеспокоены. Это видно по тому, как они наблюдают за ним. Рай и Джакс слегка напряжены, выступая, словно щиты Килла.

Пока толпа кричит просьбы о той или иной песне, ребята делают несколько корректировок, Джакс и Киллиан берут другие гитары, а Уип меняет палочки. Движения Киллиана неспешные, почти вялые.

— Снова сыграйте "Океаны", — так громко кричит парень у меня за спиной, что мои волосы развеваются вперед.

Просьба достаточно смешная, чтобы привлечь внимание Киллиана. Он поднимает голову, ухмылка красуется на его лице, словно парень собирается что-то ответить, но тут наши взгляды встречаются. Знаю, он узнает меня. Потому что всё замирает. Выражение его лица становится абсолютно безэмоциональным, а после разбивается, его губы приоткрываются, глаза округляются.

Я чувствую этот взгляд до кончиков пальцев ног. Он пронизывает мое сердце. Знаю здесь и сейчас, что ему больно так же, как и мне. Всё это здесь, в глазах кофейного цвета. Всё, что было между нами — каждый взгляд, слово, прикосновение — всё здесь. Слезы затуманивают взор, и я предлагаю ему легкую улыбку.

Он вздрагивает, будто борется с желанием спрыгнуть со сцены. Но затем медленно улыбается в ответ. И едва заметно кивает. Интересно, было ли ему так же сложно жить, как мне.

Когда Киллиан поворачивается к ребятам, его движения резкие. Один за другим они фокусируют на мне взгляды. Выражение лица Уипа отражает облегчение. Улыбка Райя широкая и яркая. Джакс долго смотрит на меня, а затем слегка вздергивает подбородок.

Мое сердце колотится, когда Киллиан снова поворачивается к микрофону. Его взгляд не отрывается от меня.

— Я встретил своего лучшего друга на лужайке фермерского дома. Я заблудился, сбился с музыкального пути. Она помогла мне снова его отыскать, — я давлюсь всхлипом, обнимая себя, пока Киллиан продолжает говорить. — Тогда она попросила меня спеть одну из моих любимых песен. Я не сделал этого. Правда в том, что я хотел понравиться ей сильнее, чем моя собственная музыка.

Толпа умиляется, и он дерзко улыбается им.

— Знаю. Я жалок, ага?

— Я люблю тебя, Киллиан, — кричит женщина где-то у меня за спиной. — Сделай мне детей!

— Нет, — орет мужик рядом со сценой, — сделай мне!

Киллиан посмеивается в микрофон.

— Простите, ребята. Я занят, — пока толпа стонет, он усмехается и заменяет Telecaster на большую акустическую Gibson J-200, а затем играет на ней пару аккордов. — Дело в том, что я всё еще хочу ей нравиться. Так что не стану играть прямо сейчас песню Килл-Джон. Я сыграю одну из старых любимых мной песен. И, возможно, на этот раз мое сообщение будет трактовано верно.

Толпа свистит.

Джакс наклоняется ближе к своему микрофону.

— Хорошо бы, а то мы отправим тебя на скамейку запасных до конца игры.

Народ снова смеется, но я таращусь на счастливые усмешки Джакса и Киллиана. Та

скрытая напряженность между ними исчезла, ее заменила легкая радость и благодарность друг другу, от вида которых в моем горле встает ком. Группа находится в идеальной синхронизации, когда они начинают играть "Trying To Break Your Heart" группы Wilco.

Полу-смех, полу-всхлип срывается с моих уст. Его выбор — квинтэссенция Киллиана, он никогда не выбирает простую песню о приторной любви. И данная композиция с замысловатой лирикой и осторожными словами раскаяния доносит до меня свой совершенный смысл. Музыка ритмичная, горько-сладкая и полная различных возможностей.

Слезы застилают глаза, и я снова смеюсь. Смеюсь и плачу.

Он ловит мой взгляд, и его глаза становятся нежными. Через текст песни он говорит мне, как больно ему было меня отпускать. Как сильно я ранила его. Насколько сильно он хочет меня вернуть.

Мои ноги начинают двигаться. Я проталкиваюсь через толпу, Джо помогает мне. Киллиан наблюдает за мной, всё его сердце отражается в глазах. Он взывает ко мне, говоря, что является любящим меня мужчиной.

К тому времени, как достигаю сцены, для народа становится очевидно то, что что-то происходит. Люди дают мне пройти, широко улыбаются. Но не так широко, как Киллиан.

Опуская гитару, он наклоняется и протягивает руки. И как только наши ладони соприкасаются, что-то внутри меня расслабляется. Он с легкостью тянет меня на сцену и вот я уже в его объятиях. Его высокое стройное тело обвивает меня, укрывая от всего мира.

Он покрыт потом и дрожит. Мой нос прижимается к его груди. Я даже не хочу отпускать его.

— Либби, — выдыхает он мне в волосы. — Ты здесь.

И он обнимает меня еще сильнее. Это хорошо. Мне не нужен воздух. Только Киллиан.

Я поворачиваю голову и целую его в губы.

— Ты просил меня прийти. В песне. Ты просил меня вернуться к тебе.

Он начинает надломлено смеяться, отчего его грудь вздымается.

— Ты поняла это? Никто больше не понял.

Я закрываю глаза и позволяю ему держать меня.

— Никто больше и не важен.

Он сильнее дрожит.

— Только ты, Либс.

И вдруг я снова слышу крики толпы, их гул. Киллиан, должно быть, тоже их слышит, потому что поднимает руку, машет и улыбается им. Я вижу размытые огни сцены, десятки поднятых над головами телефонов и то, как подмигивает мне Джакс. Затем Киллиан спешно уводит меня со сцены, отказываясь отпускать.

Он не останавливается, пока мы не оказываемся одни в маленькой примерке.

Не знаю, кто движется первым, но когда двери закрываются, наши тела переплетаются. Я так скучала по ощущению его близости, его вкусу и запаху. Он сжимает мои щеки, двигая губами поверх моих губ.

— Я скучал по тебе, — говорит между бешеными поцелуями. — Я пиздец как скучал по тебе. Мне не следовало тебя отпускать, — он целует мои глаза, щеки, мочки ушей. — Я думал, что даю тебе свободу. Но это убило меня. Ты нужна мне, Либс. Очень сильно.

— Знаю, — я накрываю ладонью его затылок и сжимаю, встречаясь с парнем взглядом. — Для меня всё было точно также. Я была такой... пустой.

Тьма и боль его взгляда отражается в моих глазах.

— И затем та глупая песня. Ты не отвечала мне. Я подумал...

— Прости, — перебиваю я. — Я не собиралась тебя расстраивать. Мне просто нужно было обдумать всё. И я хотела поговорить лично.

Он кивает до того, как прислониться лбом к моему лбу.

— И что ты думаешь, куколка? Чего ты хочешь?

— Тебя, — когда он вздрагивает, я сильнее сжимаю его бицепсы. — Я просто хочу быть с тобой.

— Хорошо. Потому что не думаю, что могу и дальше функционировать без тебя рядом.

— Я скучала по тебе, — говорю ему. Не думаю, что могу полноценно выразить это.

В течение длительного мгновения он смотрит на меня.

— Я сделал карьеру на написании песен. Получил награды за свои тексты. Но никак не могу верно донести до тебя свое послание.

— Тебе и не нужно...

— Я люблю тебя.

Мое дыхание перехватывает, а сердце замирает. Я прерывисто выдыхаю, и он нежно целует меня в губы. Так нежно. Эта нежность рушит меня. Я почти всхлипываю, когда он делает так снова.

— Вот, что я пытался сказать всё это время, — он улыбается, слегка изгибая губы. — Я привык думать, что это просто слова. То, что я использую в песнях. Что они ничего не значат. Но сейчас я понял. Я осознал их смысл.

— Киллиан...

Кончик его большого пальца гладит кожу моей шеи.

— Любовь разбивает твоё сердце, наебывает тебя, она — идеальный всепоглощающий хаос. Я не знал, что с этим делать. Казалось, будет безопаснее уйти, — он обнимает меня, глядя в глаза. — Но она таит в себе и другое. Мир, тепло и гребаную красоту. И потому ты рискуешь, чтобы удержать ее.

— Киллиан... — я сжимаю ладонями его щеки, провожу пальцами по волосам. Просто держу его. — Тебе удалось донести свое сообщение. Я тоже тебя люблю. Очень сильно.

О боже, эта улыбка — чистейшее счастье.

— Мне нужно, чтобы ты меня поняла, Либби. Ты — моя причина, ответ на все вопросы.

— А ты, газонный бродяга, — мой дом. Я просто блуждала по миру, пока не встретила тебя. И я так устала, Киллиан. Мне нужно домой.

Он глубоко вдыхает, прижимаясь губами к моему лбу так, словно должен успокоить себя.

— Я здесь. И ты здесь, — он оставляет легкий поцелуй на моей щеке. — Мы заставим это сработать. Я возьму перерыв и попутешествую с тобой...

— Я кое-что осознала, — перебиваю его. — Мне не хочется быть звездой. Не на таком уровне. Это не мое.

Он хмурится.

— Ты была так несчастна?

— Нет, дорогой. Это был жизненный опыт. Я бы не отказалась от возможности, что ты дал мне. Но последние несколько месяцев? — я пожимаю плечами. — Возможно, я — дочь своих родителей. Всё, что знаю, так это то, что не слава освещает меня изнутри. А музыка и пение. И время вместе с тобой. Вот, что важно для меня. Остальное — просто... воздух.

Тихий смех Киллиана ироничен, уголок его губ приподнимается.

— Забавно, я тоже это осознал.

Я замираю.

— Ты хочешь уйти со сцены?

— Нет. Но хочу замедлить бег. Хочу проводить с тобой время. Наслаждаться жизнью, — он качает головой. — Килл-Джон всегда будет частью меня, но я изменился. Мы все изменились. Я не знаю, что грядет, но больше не боюсь этого.

Я глубоко вдыхаю, прижимая щеку к его подбородку.

— Ты вытянул меня из раковины. И то, что я сейчас такая, какая есть, это твоя заслуга.

Его пальцы зарываются в мои волосы, слегка дергая их.

— А ты снова разбудила меня. Давай построим жизнь вместе, Либерти. Это будет прекрасно. Так охренительно здорово.

Я встречаюсь с ним взглядом, эти глаза цвета кофе всегда таят обещание греха и сладости. Волнение пробегает по коже, когда я вдыхаю.

— Не могу дождаться.

Эпилог

Киллиан

Зимой трава похожа по цвету на жженный песок, тянущийся к сланцу серого неба. В последнее время ветрено, воздух влажный и соленый от моря. Но на фермерском крыльце дома Либби, рядом с чугунной печкой, тепло настолько, чтобы сидеть в джинсах и футболке, тогда как мои босые ноги постукивают по изношенным половицам.

Я сижу на качелях, попивая кофе и поглощая тарелку лучших в мире печенек. Оглядываясь назад, думаю, что влюбился в Либби впервые, когда попробовал ее печенье.

Я говорю ей это, и она бросает на меня сердитый взгляд. Тот, что говорит, будто она считает меня забавным, но не хочет признавать этого.

— Мама всегда говорила, что мужчина ведом своим желудком и членом, — говорит она, сидя рядом со мной и раскачивая качели, параллельно с тем лениво наигрывая на гитаре. — Важно лишь выяснить, который из них в данный момент сильнее нуждается в удовлетворении.

Я откусываю еще кусочек райского выпеченного наслаждения.

— После того, как поедим, ты можешь удовлетворить мой член.

Она угукает.

— Хорошо, что он миленький, а то пришлось бы обделять его вниманием.

— Миленький? Теперь мой член точно не удовлетворен.

Либби пытается не улыбнуться. Но ее внимание обращено к Gibson, что она держит в руках. Это моя гитара, но девушка так хорошо на ней играет. Сладкая мелодия льется рекой, старая и счастливая, но вызывающая ностальгию. Ее медовый голос сливается с ней, когда Либби поет песню "Море любви".

Звук ее пения обволакивает мое сердце. Ее голос — мой дом и надежда в одном. Так было всегда. И так будет всегда.

Когда она заканчивает, я поворачиваюсь к ней.

— Это было для меня?

Ее улыбка такая нежная и красивая.

— Они все для тебя.

Хорошо, что здесь нет ребят, и они не видят, как у меня на глаза наворачиваются слезы. Только вчера Рай написал мне, что это был лишь вопрос времени, когда мы с Либби начнем выглядеть как пара из сериала "*Американская готика*", и мне для образа нужны лишь вилы. Мы отправили ему наше фото перед домом, у меня в одной руке вилы, а второй рукой я, как и Либби, показываю ему средний палец.

Но мы не всё время бездельничаем. За последний месяц мы с Либби написали несколько песен. Некоторые из них для Килл-Джон, парочка для альбома Либби. Она всё еще не хочет внимания, но Джек — как ни странно, из всех именно он — указал на то, что она может построить карьеру на собственных условиях. Так что этим Либс и занимается: пишет, записывается и выступает на маленьких площадках.

На следующей неделе мы возвращаемся в Нью-Йорк. Я начну репетировать новые песни с ребятами, а Либби отправится в звукозаписывающую студию. Но сейчас я беру по максимуму от нашего полу-отпуска.

Ставлю тарелку на пол и хватаю свою Martin, затем настраиваю ее.

— У меня есть песня. Но ты должна спеть со мной.

— Спою, если ты скажешь мне, что собираешься играть, — отвечает она.

Усмехаясь, я прикусываю губу, волна предвкушения накатывает на меня.

— Ты узнаешь.

Я начинаю играть песню White Stripes "Hotel Yorba." К концу вступления она играет вместе со мной, ее ритм следует за моим. Мы поем припев, смеясь и в унисон играя на двух гитарах.

Ее глаза блестят, когда песня заканчивается.

— Ты поставил ее рингтоном на мои звонки.

— Ага, — я опускаю гитару. — Установил, как только покинул этот дом и тебя.

— Почему именно ее?

— Слова подходили под настроение. Я хотел вернуться на это крыльцо, быть с тобой.

Выражение ее лица смягчается.

— Ну, мы здесь.

— А что на счет всего остального, Либс? — спрашиваю, ощущая, как всё замирает в груди. — Я ли тот мужчина, которого ты больше всего любишь?

Румянец заливает ее щеки, когда девушка смотрит на меня, пока на ее шее визуально заметен учатившийся пульс. Она знает слова песни. Знает, о чем я спрашиваю.

— Да, — отвечает Либби почти застенчиво.

Я планировал это. Хотя сей факт не унимает попытки моего сердца вырваться из груди. Я медленно опускаюсь перед ней на колени, мои руки сжимают ее округлые бедра.

— Я буду любить тебя всю свою жизнь, и это всё равно кажется недостаточным сроком. Так что ты скажешь, Либс? Хочешь выйти за меня?

Ее улыбка — мое солнце. Она обнимает меня за шею и целует.

— Где кольцо, газонный бродяга?

Я улыбаюсь напротив ее губ.

— Поройся у меня в кармане, Элли Мэй.

То, как она слегка вздрагивает от удивления, умиляет. Неужели Либби думала, что у меня нет кольца? Ее руки дрожат, когда она вытаскивает маленькую коробочку и говорит мне, что нервничает так же, как я сам. В течение долгого мгновения она смотрит на

винтажное золотое кольцо с изумрудом. Затем поднимает взгляд, обнимает меня за шею и заканчивает мои мучительные терзания.

— Ну, черт. Я выхожу замуж за музыканта.

Я притягиваю ее ближе, вдыхая запах Либби.

— Мы круто повеселимся.

Ее смех согревает мою шею.

— Да, повеселимся. И я люблю тебя навеки, Киллиан Джеймс. Это я точно знаю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net